

ISSN 2618-9453

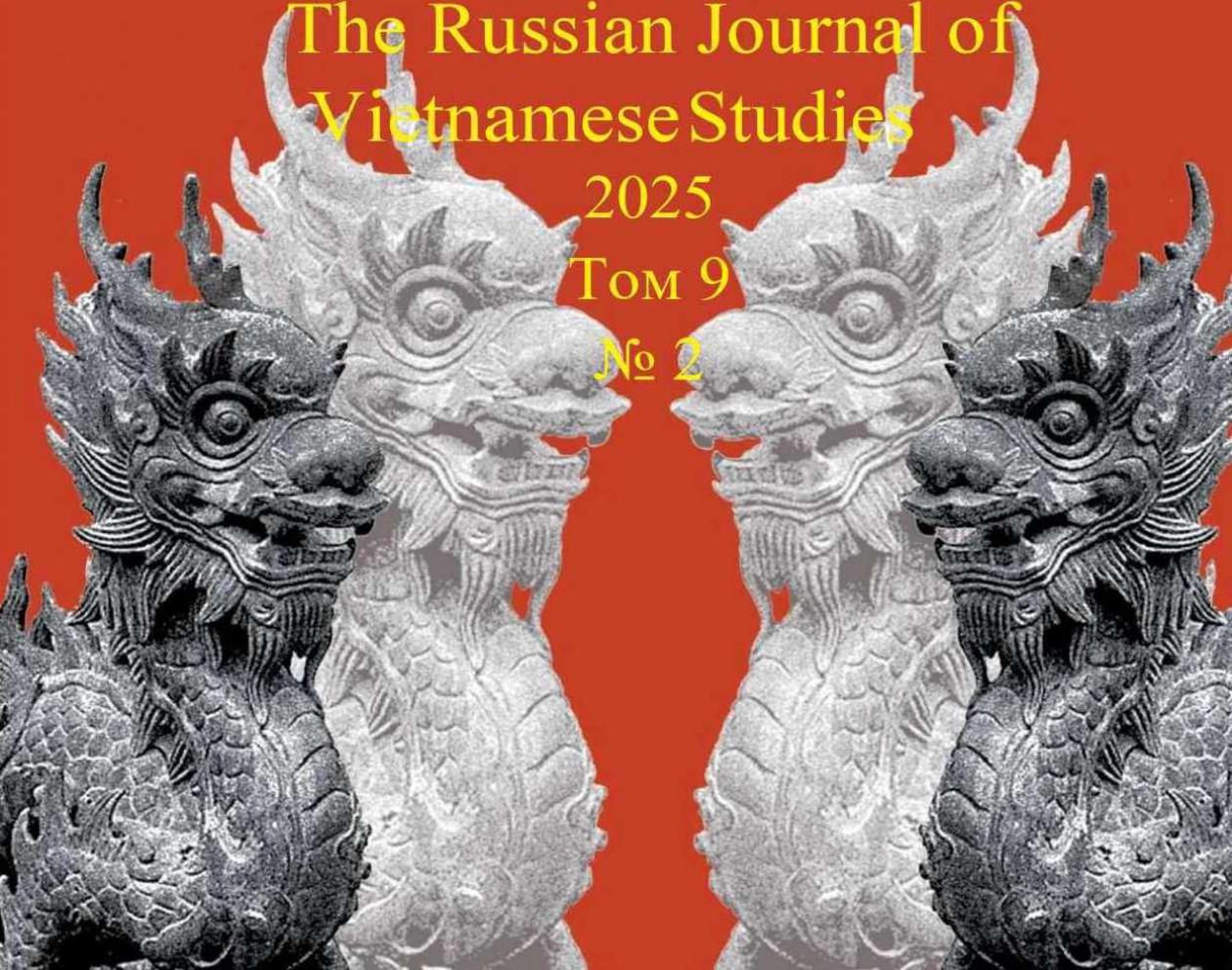
ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of
Vietnamese Studies

2025

Том 9

№ 2

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИККА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИККА РАН. URL: <https://www.iccaras.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Входит в Белый список научных журналов Российского центра научной информации (РЦНИ).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Мальцева О.И., Ларин В.П., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИККА РАН.
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33.

Информация для авторов: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453 электронная версия
ISSN 3034-6517 печатная версия
DOI: 10.54631/VS.2025.92-227

Научные специальности:

- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.5.4. Международные отношения
- 5.6.3. Археология
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.3. Виды искусства
- 5.11.3. Практическая теология

© Коллектив авторов
© ИККА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешняя политика и внутривыполитические процессы

- Ли Тьонг Ван, Хоанг Ань Туан.* Между двумя державами:
Вьетнам и стратегическое балансирование в отношениях
с Россией и Китаем в 21 веке 6
- Нгуен Зуи Куинь.* Основные ценности вьетнамской
политической культуры 18

Социально-экономическое развитие

- Воронова Т. А., Новикова Е. С., Нгуен Хьу Фу.* Трансформация
внешнеэкономических связей Вьетнама с ведущими партнерами
(2021—2024 гг.) 32
- Бурова Е.С.* Торговля аграрной продукцией между Вьетнамом
и Камбоджей: рост зависимости или взаимовыгоды? 48
- Нгуен Нгок Шон.* Политика для Вьетнама по преодолению
ловушки среднего дохода в эпоху экономического подъёма 65
- Фан Тхи Кам Лай.* Изменения социальных ценностей у сельских
жителей современного Вьетнама 78

История, археология, религия, культура

- Федорин А. Л.* «Продолжение Полного собрания исторических
записок Дайвьета» и его сложная судьба 91
- Кандыба А.В.* Палеолитический хоабиньский комплекс
пещеры Манггиенг в северном Вьетнаме 103
- Нгуен Тхи Бить Нгоан.* Местные католические ордены Вьетнама:
орден «Сёстры, возлюбившие Святой Крест» в Фатзиеме 120
- Ле Хоанг Кьет, Ле Тхи Тхань Там, Чан Суан Хиен.* Эволюция
и влияние популярной культуры в современном Вьетнаме 129

Филология

<i>Цхе К.В.</i> Литературный памятник XVIII века «Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака	141
<i>Данг Куок Минь Зьонг.</i> Символы женской груди во вьетнамском фольклоре	154
<i>Бритов И.В.</i> Классификаторы во вьетнамском языке: функции и особенности употребления	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мазырин В.М.</i> Вьетнамоведение в России: достоверный вклад в изучение Востока	179
<i>Дерюженко И. В.</i> Исследование процессов цифровой трансформации в РФ и СРВ — совместный проект ИКСА с ВНУ и МГУ . . .	191
О защите диссертаций	196

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Совместная декларация об основных направлениях российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе	201
Совместное заявление об установлении всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Таиландом	212

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Ха Чиеу Хюи.</i> Взгляд Чан Нам Тиена на дипломатию Первой Республики Вьетнам (1955—1963)	218
--	-----

ПАМЯТИ УЧЁНОГО

Он слышал пульс времени. Памяти Е.В. Кобелева	225
---	-----

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Foreign policy and inward political processes

- Ly Tuong Van, Hoang Anh Tuan.* Between two Powers: Vietnam and the Strategic Balancing of Russia and China in the 21st Century 6
- Nguyen Duy Quynh.* The Core Values of Vietnamese Political Culture 18

Socio-economic development

- Voronova T.A., Novikova E.S., Nguyen Huu Phu.* Transformation of Vietnam's Foreign Economic Relations with Leading Partners in 2021—2024 32
- Burova E.S.* The Trade in Agricultural Products Between Vietnam and Cambodia: Growth of Dependence or Mutual Benefit? 48
- Nguyen Ngoc Son.* Policies for Vietnam to Overcome the Middle-Income Trap in the Era of Economic Rise 65
- Phan Thi Cam Lai.* Changes of Social Values in Rural Vietnam 78

History, archeology, religion, culture

- Fedorin A.L.* “Continuation of the Complete Annals of Dai Viet” and Its Difficult Fate 91
- Kandyba A.V.* Paleolithic Hoabinhian Complex of Mang Chieng Cave in Northern Vietnam 103
- Nguyen Thi Bich Ngoan.* The Local Catholic Orders in Vietnam: The Case of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem 120
- Le Hoang Kiet, Le Thi Thanh Tam, Tran Xuan Hiep.* The Evolution and Impact of Popular Culture in Contemporary Vietnam 129

Philology

Tskhe K.V. Literary Monument of the 18th Century “Chronicle of the Journey to the Royal City” by Le Huu Trac 141

Dang Quoc Minh Duong. Women’s Breast Symbols in Vietnamese Folk Literature 154

Britov I.V. Classifiers in the Vietnamese Language: Functions and Peculiarities of Use 166

SCIENTIFIC EVENTS

Mazyrin V.M. Vietnamese Studies in Russia: A Reliable Input to the National Orientalism 179

Deryuzhenko I.V. Research of Digital Transformation Processes by Universities of Russia and Vietnam 191

Dissertations Defense 196

OFFICIAL DOCUMENTS

Joint Statement on Major Orientations for Vietnam-Russia Comprehensive Strategic Partnership 201

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Thailand 212

BOOKSHELF

Ha Trieu Huy. The First Republic of Vietnam Diplomacy (1955—1963) Through the Lens of Tran Nam Tien Analysis 218

TRIBUTE TO THE SCHOLAR

He heard the pulse of time. In memory of E. V. Kobelev 225

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.54631/VS.2025.92-685709

Ly Tuong Van, Hoang Anh Tuan

Between Two Powers: Vietnam and the Strategic Balancing of Russia and China in the 21st Century¹

Abstract. In the context of intensifying competition for influence among major powers, especially between Russia and China, Vietnam has emerged as a key geopolitical actor in the Asia Pacific region in the early 21st century, gaining strategic importance in both countries' policies. This study explores whether Vietnam, building on its Cold War experience, can continue to effectively balance relations with Russia and China. Employing a historical—political approach combined with international relations analysis grounded in realism and the balance of power theory, the paper examines Vietnam's foreign policy adjustments in response to both cooperative and competitive dynamics in Russia — China relations.

Keywords: Vietnam, strategic balancing, geopolitics, Vietnam, Russia, China relations.

Authors: Ly Tuong Van, Ph.D. (History), Vice Dean of Faculty of History, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi.

ORCID: 0009-0009-6366-4924. E-mail: tuongvannly@ussh.edu.vn

Hoang Anh Tuan, Ph.D. (History), Professor, Rector of University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi.

ORCID: 0009-0002-4824-0671. E-mail: tuan@ussh.edu.vn

For citation: Ly Tuong Van, Hoang Anh Tuan (2025). Between two Powers: Vietnam and the Strategic Balancing of Russia and China in the 21st Century. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 6—17.

¹ This research paper is solely funded by VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi under project number USSH-2025.07.

Ли Тьонг Ван, Хоанг Ань Туан

Между двумя державами: Вьетнам и стратегическое балансирование в отношениях с Россией и Китаем в 21 веке¹

Аннотация. В контексте усиливающейся конкуренции за влияние между крупными державами, особенно между Россией и Китаем, Вьетнам стал ключевым геополитическим игроком в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале 21 в., приобретя стратегическое значение в политике обеих стран. В статье анализируется, может ли Вьетнам, опираясь на свой опыт холодной войны, продолжать эффективно балансировать в отношениях с Россией и Китаем. Используя историко-политический подход в сочетании с анализом международных отношений, основанным на реализме и теории баланса сил, авторы рассматривают корректировку внешней политики Вьетнама в зависимости от динамики сотрудничества и конкуренции в отношениях между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Вьетнам, стратегическое балансирование, геополитика, отношения между Вьетнамом, Россией и Китаем.

Авторы: Ли Тьонг Ван, к. и. н., зам. декана исторического факультета, Университет общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета. ORCID: 0009-0009-6366-4924. E-mail: tuongvannly@ussh.edu.vn
Хоанг Ань Туан, к. и. н., профессор, ректор, Университет общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета.
ORCID: 0009-0002-4824-0671. E-mail: tuan@ussh.edu.vn

Для цитирования: Ли Тьонг Ван, Хоанг Ань Туан. Между двумя державами: Вьетнам и стратегическое балансирование в отношениях с Россией и Китаем в 21 веке // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 6—17.

Introduction

Amid global geostrategic shifts and rising power rivalries, the boundaries and equilibrium in relations with great powers remain exceedingly fragile. Opportunities are often fleeting, while challenges serve as critical tests of a nation's capacity to maintain strategic balance. Vietnam faces a strategic — though not new, it has grown increasingly complex — namely, how to sustain balance between Russia and China in a volatile world. This research is urgent not only due to shifts in Russia — China ties but also because of the U.S., a key actor shaping the Vietnam — China — Russia triangle. While U.S. — China competition dominates global dynamics, Russia — China rivalry also influences its trajectory.

This study draws on official Vietnamese foreign policy documents, academic sources, and strategic analyses from international institutes. The growing use of “major power balancing” in both state and scholarly discourse reflects a shift in Vietnam’s foreign policy — from a rigid “friend—enemy” logic to a mindset emphasizing the “creation of intertwined strategic interests between Vietnam and powers” [Hội nghị

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Университета общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета, проект № USSH-2025.07.

Trung ương Đảng: 10.06.2014; Nguyen Phu Trong 2024; Diplomatic Academy of Vietnam 2011; Pham Quang Minh 2018]. The Russia — China partnership has grown significantly in the 21st century, even declaring a “no limits” partnership. However, scholars agree a true alliance against the West is unlikely, as both remain cautious despite valuing each other to balance the U.S. and the West [Nye 2015; Baev 2019; Ngo Dai Huy 2018; Fu Ying 2015]. In the context of Russia — China rivalry in the Asia Pacific Region (APR), Vietnam holds a special position due to its pivotal geopolitical location in the region. It has become a “most important” and “indispensable” strategic partner in the policies of both nations [Luzyanin 2022; Nguyen Ba Hai, Kazushige Kobayashi 2024]. During the Cold War, Hanoi flexibly employed a balancing strategy in response to the Sino — Soviet rivalry, enabling Vietnam to both optimize its national interests while maintaining its strategic independence [Ly Tuong Van 2024; Pham Quang Minh 2014]. At the present time, as an emerging middle power, Vietnam must adopt a cautious approach to balancing policy to both expand its strategic development space and maximally safeguard national interests, while also maintaining a high degree of flexibility in adjusting this policy in response to Russia — China relationship [Pham Quoc Thanh 2022; Kozyrev 2014; Nguyen Ba Hai, Kazushige Kobayashi 2024]. Ultimately, the paper argues that despite numerous difficulties and challenges, a foreign policy characterized by flexibility, diversification, and multilateralization — and anchored in principles of independence, self-reliance, for national interests, and the legitimate interests of international partners — constitutes the key for Vietnam to sustain strategic balance between Russia and China amid the current era of geopolitical rivalry.

Great power competition in the early 21st century and Vietnam’s balancing strategy

Entering the 21st century, especially since the global economic financial crisis of 2008—2009, the world has witnessed the third global power shift. This shift has taken place in two directions: from West to East and from North to South. The West—to—East shift indicates a transition of the economic political center from the Atlantic region to the Pacific region, highlighting the relative decline of the U.S. and the strong rise of China. In this context, all major powers have adjusted their strategies to compete for influence: the U.S., with the overarching objective of maintaining its sole superpower status amidst global uncertainties, aims to contain and restrain rivals challenging its “number one” position; China has risen assertively, expanding its strategic space toward the seas to increase its influence in Southeast Asia region (SEAR), East Asia region (EAR), and to compete with the U.S. in the APR. China has strongly implemented the Belt and Road Initiative, promoted BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) towards building a China-centric cooperation mechanism, asserting its position as both a regional and global power. The U.S. — China rivalry is taking place in many parts of the world, but it is most intense in the APR. While Russia’s relations with the U.S. and Western countries have reached their lowest point since the collapse of the Soviet Union, Russia’s relationship with the APR has prospered through its efforts to

“Pivot to Asia”/“Looking to the East”. Despite facing economic difficulties due to the Ukraine crisis, Russia remains a power that compels the U.S. and the West to consider its role in resolving global issues. Other major powers such as Japan and India strive to become the third-largest economic powers globally. Both countries are focusing on managing competing interests with China, particularly in maritime security and the order of seas and islands. ASEAN continues to ensure strategic autonomy in its relations with major powers. Due to a lack of mutual trust, major powers support ASEAN’s central role in fostering and promoting regional cooperation through forums such as ARF, ADMM+, Shangri-La Dialogue, East Asian Cooperation, making ASEAN an important factor in regional order in EAR and APR.

Thus, amid the shift of power from West to East, the APR stands at the intersection of the core political, security, and strategic interests of major powers. More importantly, this region serves as the arena where major powers expand their influence in pursuit of global powers status. Competition over power, interests, and strategic positions among major powers — especially the United States, China, and Russia — is intensifying, generating multidimensional impacts on international life, both positive and negative, while creating opportunities and challenges for medium and small states (see also [Le Hai Binh 2021]).

The essence of the power shift from North to South is the emergence of developing and newly industrialized countries or Middle Powers,¹ through organizations such as BRICS, CIVETS,² or N—11³. Middle powers are considered powerful actors in international political life. They have the capacity to reshape the global balance of power and profoundly influence the international order [Đới Duy Lai 2025]. As observed, Vietnam is present in both CIVETS and N—11, and is poised to become a member of BRICS. This also means that Vietnam is increasingly emerging as a middle power in the region and is recognized by the international community [Lê Hồng Hiệp 2018]. According to the Asia-Pacific power index in 2024, Vietnam ranked 12th out of 27, up 1.2 points from 2023. Among the eight measured indicators, Vietnam performed best in diplomatic influence, a result of proactive diplomatic engagement with diverse partners [Lowy Institute 2024]. Although the term “middle power” has not yet been officially used in political discourse, in practice, Vietnamese politicians and scholars have implicitly positioned Vietnam as an emerging middle power [Ibid.].

On the other hand, by holding the position of a “pivot state” in SEAR and APR, Vietnam gains “strategic value” for major powers but is also prone to becoming “sensitive” in its interactions with involved parties. In its foreign policy with major powers, Vietnam applies a “soft balancing” strategy; it promotes the identity of

¹ The recognition of a middle power is based on its capabilities and national power (both “hard power” and “soft power”); a geostrategic position that confers influence; international prestige and influence (reflected in its priority status in the foreign policies of other states, especially major powers); and the possession of a distinct international identity as a middle power [Emmers, Teo 2014: 185—216].

² The CIVETS group, known as a group of promising emerging economies, includes Colombia, Indonesia, Vietnam, Egypt, Turkey, and South Africa.

³ N-11 includes Vietnam, Mexico, Nigeria, Turkey, Iran, Pakistan, Egypt, Bangladesh, Indonesia, South Korea, and the Philippines. The term “N-11” was first mentioned in the article *N-11: The World’s New Wave*, published in the April 2011 issue of Canada’s Financial Post magazine.

“bamboo diplomacy,” emphasizing flexibility and high adaptability in maximizing national interests and ensuring national defense and security, while also maximizing its ability to maintain independence, autonomy, and expand strategic space [Toàn văn Nghị quyết...: 26.02.2021]. Vietnam consistently adheres to the principle of “non—alignment,” avoiding becoming a “sacrificial pawn” in the strategic rivalry of major powers in the APR. On that basis, Vietnam clearly defines the orientation of maintaining strategic balance with major powers: “It is necessary to create interwoven strategic interests between Vietnam and major powers, strategic partners, neighboring countries, and regional countries through strengthening cooperation, avoiding conflicts, confrontations, isolation, or dependence.” [Hội nghị Trung ương Đảng: 10.06.2014]. Deepening and intensifying bilateral cooperation with each major power is key to creating interwoven interests and increasing the level of trust major powers place in Vietnam.

Pursuing a foreign policy of independence, self-reliance, multilateralization, and diversification — being a friend, a reliable partner, and a responsible member of the international community — Vietnam has adopted a “Four No’s” Defense Policy: No military alliances; No foreign military bases or use of Vietnamese territory to oppose other countries; No siding with one country against another; No use or threat of force in international relations. This policy reaffirms Vietnam’s neutral posture while fostering trust among members of the international community. Moreover, to ensure the effectiveness of its balancing strategy, Vietnam’s 2019 National Defense White Paper explicitly states: “Depending on developments in the situation and under specific conditions, Vietnam will consider developing necessary defense and military relations to an appropriate extent, based on mutual respect for independence, sovereignty, unity, and territorial integrity, as well as fundamental principles of international law and mutually beneficial cooperation for the common interests of the region and international community” [Ministry of National Defense 2019: 25]. This affords Vietnam the flexibility and proactiveness to respond effectively in complex situations or in urgent circumstances requiring the defense of the homeland. In practice, Vietnam has demonstrated considerable diplomatic acumen in engaging with multiple major powers capable of providing meaningful strategic counterbalances — including in traditionally sensitive domains such as defense cooperation. This reflects a pragmatic yet nuanced approach to foreign policy that allows Vietnam to safeguard its national interests while maintaining equilibrium in an increasingly complex international environment (See also [Phan Xuan Dung 2022: 159—1159]).

Vietnam’s position in the strategic competition between Russia and China in the Asia Pacific Region

Throughout history, Russia has primarily shaped its diplomatic identity within the Euro-Atlantic space. However, since the beginning of the 21st century, this traditional diplomatic mindset has undergone a transformation. In his 2016 Federal Assembly Address, President Vladimir Putin emphasized that Russia’s “Turn to the East” policy is not merely a short-term response to the crisis in relations with the U.S. and the EU, but

rather reflects long-term national interests and global development trends.¹ Russia seeks to achieve diplomatic breakthroughs in the Asia-Pacific with the strategic objectives of containing the United States, balancing China, and deterring Japan [Hill, Lo 2013; Phạm Đức Tâm 2022]. Furthermore, Russia places great emphasis on developing relations with India and ASEAN (especially Vietnam and Indonesia), viewing them as critical steps in deploying its strategy in the APR. If Russia can maintain its position in the Indian Ocean, along with the Russian Far East, it will create a “dual—wing” effect, embracing the entire EAR, thereby significantly increasing Russia's involvement in the APR and gradually implementing its global strategy.

Historically, the Soviet — China alliance was established in the 1950s but was short-lived as it was grounded in opportunistic calculations [Lý Tường Văn 2024: 66—76]. The two countries were soon divided by their rivalry for leadership within the socialist bloc and deep mutual distrust, which persisted until the collapse of the Soviet Union. By the early 21st century, particularly since 2014, the Russia — China relationship has been widely viewed as highly pragmatic, driven more by short-term interests than by long-term strategic trust. While the two cooperate when mutual interests align, they are equally prepared to compete when those interests are threatened [Thi Thi 2022]. As a result, the relationship lacks long-term sustainability.

In his article “What Do Russians Think About China’s Rise?”, Dr. Ngo Dai Huy analyzes that, on one hand, Russia regards China as a key partner in counterbalancing Western influence, particularly that of the U.S. From Russia’s perspective, China’s rise represents a potential “strategic pillar,” as China is considered the most crucial actor for Moscow to leverage against US and Western dominance. On the other hand, Russians believe that China also needs cooperation with Russia to counter the U.S., given that American pressure on Beijing is perceived to be greater than that on Moscow. In this regard, China’s growing power is seen as a factor that could help Russia maintain its global status and resist Western hegemony. This explains why Russia has actively pursued economic and military cooperation with China. In other words, the Russia—China partnership is strategic in nature, as it is rooted in the long-term interests of both sides in confronting U.S. power. However, after China’s rise, it could become a potential threat to Russia’s national security due to China’s “territorial ambitions”, particularly in Russia’s Far East, as well as its overwhelming economic strength compared to Russia. Additionally, Russia and China have conflicting interests in Central Asia (Russia’s traditional backyard) and in competing for influence in SEAR and the Indian Ocean, most directly in Vietnam and India. Overall, Russia’s stance on China’s rise is characterized by a blend of trust and apprehension, cooperating for mutual benefit while maintaining a cautious posture to protect its own interests. Furthermore, differences in strategic visions, geopolitical interests, and historical rivalry

¹ The image of the double-headed eagle, facing both East and West, has long been associated with Russia's national emblem, and symbolizes the country's vast territory, two-thirds of which lies in Asia. In the Decree approving the new Foreign Policy Concept of the Russian Federation dated March 31, 2023, Russia affirms its “special status as a distinctive civilization, a Great Eurasian power and Greater Euro-Pacific power.” (See [Nilov 2023] and [The Concept of the Foreign Policy 2023]).

make this relationship susceptible to fluctuations in international dynamics [Ngô Đại Huy 2018].

Unlike the first two terms of Vladimir Putin, which focused on relations with countries in the NEAR and South Asia, during President Medvedev's term (2008–2012), Russia's new foreign policy particularly emphasized the SEAR direction. Vietnam was prioritized in Medvedev's SEAR policy because strengthening relations with Vietnam helped Russia consolidate its position in SEAR, while also reducing its dependency on China [Medvedev 2008]. The US factor also influenced Russia's decision to prioritize Vietnam, as the U.S. was also seeking to establish a closer relationship with Vietnam to balance China's rise. Russia, the US, and China are all competing for influence in the APR in general and SEAR in particular. Therefore, "a positive relationship with Vietnam has made Russia emerge as a power between China and the U.S." [Tsvetov 2014].

Given its critical geostrategic position in the SEAR and the APR, Vietnam — despite its modest size — is considered by Russia one of its top three strategic partners in the region, alongside China and India. Lying at the intersection of the East Asia Region, SEAR, and the Pacific, Vietnam connects North–South and East–West, serving as a bridge between NEAR and SEAR, acting as a land, sea, and air gateway between the Pacific and Indian Oceans. It also sits at the heart of regional economic flows and links directly to the East China Sea and Russia's Far East. In today's shifting balance of power, Vietnam's geostrategic relevance and international influence have grown steadily. Its active role in ASEAN, the UN, APEC, G20, BRICS, and other forums reflects its increasing agency in global affairs. Any great power — Russia and China included — seeking to shape a favorable regional order in SEAR or APR must inevitably factor in Vietnam.¹ [Lý Tường Vân 2024a: 393].

From a multilateral perspective, Russia's engagement in SEAR and the APR through the Eurasian Economic Union (EAEU) affirms its Euro-Pacific identity. Beyond strengthening intra-bloc ties, the EAEU seeks broader linkages with multilateral bodies like the SCO and BRICS to shape a Greater Eurasian space. The 75-year tradition of Soviet/Russian–Vietnamese friendship facilitates Russia's expanding regional footprint. Policy shifts toward SEAR and Vietnam benefit both sides — enhancing Vietnam's global integration and prestige while contributing to regional stability, balancing China's rise, and reinforcing the APR's role in a multipolar world.

Vietnam's Russia — China balancing policy in the early 21st century

To date, Vietnam has been widely recognized for its successful navigation of strategic equilibrium amidst the U.S. — China rivalry in the APR. While fostering robust cooperation with the US across multiple domains, including defense, Vietnam has

¹ Hamada Kazuyuki, a Japanese economist and author of the book *The Future Superpowers: Redrawing the World Map in 2030*, has made many positive assessments of Vietnam. Starting with the observation that "Vietnam is currently the most remarkably developing economy in Asia," the author argues that Vietnam possesses the ambition, vision, and capacity to transform itself into a future great power, capable of challenging the existing major powers. He also forecasts that by 2048, "Vietnam will rank among the world's top 20 economies in terms of size" [Kazuyuki 2020: 72–98; 270].

remained cautious not to jeopardize its stable relationship with China. This nuanced approach to balancing ties with two major powers has earned Vietnam notable respect among regional middle powers. Unlike the escalating U.S. — China rivalry, Russia — China competition in the APR appears “warmer”¹, marked by deepening economic, military, and diplomatic ties. This has prompted debates on whether their partnership could evolve into an alliance — an issue critical for Vietnam’s strategic balancing. Given their triangular dynamics with the U.S., any assessment of Russia — China ties must also account for Washington’s dual role in both drawing them closer and defining their limits.

The Russia — China relationship is rooted in pragmatism, not friendship, as both powers shift strategic focus to the Asia-Pacific to secure national interests. Their alignment — driven by the logic of “the enemy of my enemy” — reflects a tactical convergence rather than deep trust. Scholars like Fu Ying and Joseph S. Nye argue that despite growing economic, military, and diplomatic cooperation between the two countries, a formal alliance is unlikely [Fu Ying 2015; Nye 2015]. Fu Ying highlights diverging diplomatic traditions and persistent mutual suspicions, while Nye notes that although power-balancing theory supports such an alliance against U.S. dominance, stark asymmetries — particularly China’s superiority — deter Russia from dependence. P.K. Baev similarly describes the relationship as a “presidential pseudo-alliance” based on short-term, anti-Western interests rather than long-term strategic commitment. Without formal guarantees and amid unequal power dynamics, future instability remains a risk [Baev 2019: 5, 13].

The Russia — China alignment is unlikely to break unless the U.S. adopts a strategy of appeasing one side to counter the other. However, a formal alliance could still emerge if Washington continues confronting both simultaneously. While stable Russia — China ties don’t compel Vietnam to choose sides — since both are comprehensive strategic partners — they could complicate Vietnam’s South China Sea disputes if Russia aligns with China against the U.S. (despite being Vietnam’s main arms supplier). Historical precedent, such as the 1954 Geneva Conference, shows the risks of Sino—Soviet collusion at Vietnam’s expense [Lý Tường Vân 2024: 66—76]. Today, despite conflicting interests, Beijing and Moscow maintain a tacit understanding to respect each other’s strategic space [Kozyrev 2014: 10], making Cold War—style confrontation unlikely. Even if the worst-case scenario unfolds — resembling the Soviet-era context — the pursuit of a power-balancing logic through a defense alliance with the Soviet Union, as in 1978, should not be revived, even as a matter of strategic intent.² In other words, the

¹ Russia and China officially upgraded their relationship to a “Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era” in 2019. Entering the third decade of the 21st century, President Vladimir Putin remarked that the two countries’ comprehensive partnership and strategic cooperation had reached “the highest level in history.”

² The late 1970s marked a period of rapprochement between China, the United States, and the West. The balance of power shifted as China and the U.S. cooperated to counter the Soviet influence, including in relation to Vietnam. The situation created by China at that time (the Khmer Rouge issue in Cambodia in 1978, the border invasion of North Vietnam in 1979, and the efforts to rally ASEAN countries to encircle and isolate Vietnam throughout the 1980s) forced Vietnam to “choose sides” by establishing an alliance with the Soviet Union.

potential revival of the Hanoi—Moscow alliance in the future depends on China's behavior in the region. Vietnam's key historical lesson lies in its flexible balancing strategy during the Sino—Soviet split (1960s—early 1970s), which enabled Hanoi to secure support from both powers against the U.S. while maintaining strategic independence [Phạm Quang Minh 2014: 147—175].

Unlike during the Cold War, when Vietnam relied on a single security guarantor, Vietnam now pursues a multilateral strategy amid China's growing assertiveness, especially in the South China Sea. It prioritizes comprehensive strategic partnerships with the U.S., Japan, South Korea, India, Australia, and Russia. Russia is a unique case, given its close ties with Beijing and upgraded relationship with China,¹ while the remaining partners are part of U.S.-led groupings that serve as counterweights to China. This approach helps Vietnam maintain strategic autonomy, deepen ties with U.S. allies, and balance China's influence, while avoiding conflict in its economic and broader relations with Beijing.

Conclusion

In a shifting global order marked by great power rivalry, Vietnam faces fragile and dynamic relations with major powers, especially Russia and China. Success depends on managing these complex dynamics to secure strategic position and national interests of Vietnam.

Vietnam's balancing strategy is both prudent and effective. By steadfastly upholding strategic autonomy, Vietnam has adeptly navigated the complex interplay of convergence and divergence among major powers. Through flexible and creative adjustments to its foreign policy, informed by close monitoring of global dynamics, Vietnam has avoided strategic passivity and safeguarded itself from overreliance on any single actor — whether Russia, China, or the United States.

Crucially, the feasibility of Vietnam's balancing approach hinges on the persistence of divergent strategic interests between Russia and China. While not overtly confrontational, Moscow and Beijing pursue distinct agendas in the Asia-Pacific and Southeast Asia. China seeks regional primacy through economic and military expansion — particularly via the Belt and Road Initiative and assertive actions in the East Sea and Southeast Asia. In contrast, Russia seeks to assert itself as an independent Eurasian power. It resists subordination to Beijing, maintains neutrality in maritime disputes, and engages the region primarily through defense and energy cooperation. These strategic divergences are especially salient in Vietnam's case. Russia is a close and long-standing strategic partner, notably in energy cooperation in the South China Sea, where its projects often face pressure from China. While Beijing asserts maritime claims and applies economic leverage, Moscow supports peaceful dispute resolution in line with international law. Such asymmetries in behavior and interests between the two

¹ However, Russia simultaneously serves as a provider of military and economic cooperation to potential adversaries of China, such as Vietnam, India, South Korea, and Japan, thereby creating counterbalances to China in the Asia-Pacific region.

powers provide Vietnam with critical strategic space to sustain a flexible, autonomous, and multidirectional foreign policy.

By promoting a multipolar world grounded in international rules and norms and diversifying partnerships beyond Russia and China — including the U.S., Japan, India, and Australia, and through institutions like UN, ASEAN, EAS, ARF and APEC — Vietnam expands its strategic space and safeguards sovereignty.

To maximize national benefits from balancing between Russia and China, the most crucial factor is Vietnam’s internal strength, combining hard and soft power, underpins its ability to balance externally. The “bamboo diplomacy” approach remains central to adapting within the complex 21st-century Indo-Pacific geopolitics.

Ultimately, Vietnam’s flexible, diversified, and multilateral foreign policy — based on the principles of independence, autonomy, and cooperation and the pursuit of national interests and legitimate partner interests in international relations — enables it to maintain strategic equilibrium with Russia and China amid ongoing geopolitical competition.

References

- Baev, P.K. (2019). Three Turns in the Evolution of China—Russia Presidential Pseudo-Alliance. *Asia and the Pacific Policy Studies*, 6: 4—18. DOI: 10.1002/app5.263
- Đới Duy Lai (2025). Sự trỗi dậy của các cường quốc tầm trung và quá trình tái cấu trúc trật tự quốc tế [The Rise of Middle Powers and the Restructuring of the International Order]. *Nghiên cứu chiến lược [Strategic Research]*, March 18. URL: <https://.org/su-troi-day-cua-cac-cuong-quoc-tam-trung-va-qua-trinh-tai-cau-truc-trat-tu-quoc-te/18/3/2025>
- Emmers, R., Teo, S. (2014). Regional Security Strategies of Middle Powers in the Asia-Pacific. *International Relations of the Asia-Pacific*, 15(2):185—216. DOI: 10.1093/irap/lcu020
- Fu Ying (2015). How China Sees Russia — Beijing and Moskva Are Close. But Not Allies. *Foreign Affairs*, December 14. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/how-china-sees-russia>
- Hill, F., Lo, B. (2013). Putin’s pivot: Why Russia is looking East. *Foreign Affairs*, July 31. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2013-07-31/putins-pivot>
- Hội nghị Trung ương Đảng 8 (khóa XI). Nghị quyết số 28-NQ/TW về Chiến lược bảo vệ Tổ quốc trong tình hình mới [8th Central Party Conference (11th tenure). Resolution No. 28-NQ/TW on the Strategy for National Defense in the new situation]. *Tạp chí Quốc phòng Toàn dân [National Defense Magazine]*, 10.06.2014. (In Vietnamese)
- Kazuyuki, H. (2020). *Cường quốc trong tương lai: Vẽ lại bản đồ thế giới năm 2030 [The Future Superpowers: Redrawing the World Map in 2030]*. Võ Vương Ngọc Chân dịch. Hà Nội: Nxb. Thế Giới. (In Vietnamese)
- Kozyrev, V. (2014). Russia-Vietnam strategic partnership: The return of the brotherhood in Arms? *Russian Analytical Digest*, 145(31), 8—11. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-145-8-11.pdf>
- Lê Hải Bình (2021). Những điểm mới về cục diện thế giới và khu vực trong văn kiện Đại hội XIII của Đảng: Một số phân tích thực tiễn [Le Hai Binh. New points on the world and regional situation in the Documents of the 13th National Party Congress of the Communist Party of Vietnam: Some practical analysis]. *Tạp chí Cộng sản [Communist Magazine]*, May 21. (In Vietnamese)

Lê Hồng Hiệp (2018). Đã đến lúc Việt Nam định vị mình là “cường quốc tầm trung”? [Is It Time for Vietnam to Identity as a Middle Power?]. *Nghiên cứu chiến lược [Strategic Research]*, August 10. URL: <https://nghiencuuquocte.org/2018/08/10/da-den-luc-viet-nam-dinh-vi-minh-la-cuong-quoc-hang-trung/>. (In Vietnamese)

Lowy Institute. *Asia Power Index*, 2024 edition. URL: <https://power.lowyinstitute.org/>

Luzyanin, S.G. (2022). Russia-Vietnam-China Triangle: Current Challenges, Transformations and Asymmetries. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6 (4): 4—12. DOI: 10.54631/VS.2022.64-117510.

Lý Tường Vân (2024). Tiến trình liên kết Đông Á của Nhật Bản và vai trò của quan hệ Nhật Bản — Việt Nam [Ly Tuong Van. Japan's East Asian Integration Process and the Role of Japan—Vietnam Relations]. *Journal of Social Sciences and Humanities*, 10 (8/2024): 384—399. (In Vietnamese)

Lý Tường Vân (2024a). Đồng thuận và mâu thuẫn Liên Xô-Trung Quốc trong thập niên 1950: Tác động đến tiến trình Hội nghị Geneva về Đông Dương [Ly Tuong Van. Sino-Soviet Consensus and Conflicts in the 1950s: Impacts on the Geneva Conference on Indochina]. *Biên bản Hội nghị toàn quốc kỷ niệm 70 năm Chiến thắng Điện Biên Phủ do Bộ Ngoại giao tổ chức ngày 7 tháng 5 năm 2024 [Proceedings of the National Conference Commemorating the 70th Anniversary of the Dien Bien Phu Victory, organized by the Ministry of Foreign Affairs May 7, 2024]*. (In Vietnamese)

Medveded, D.A. (2008). *External economic strategy of the Russian Federation Until 2020*. Retrieved on 25.4.2025 from: <http://economy.gov.ru/>

Ministry of National Defence (2019). *Vietnam National Defence 2019*. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia.

Ngô Đại Huy (2018). Người Nga nghĩ gì trước sự trỗi dậy của Trung Quốc? [Ngo Dai Huy. What Do Russians Think About China's Rise?]. *Nghiên cứu chiến lược [Strategic Research]*, May 21. URL: <https://nghiencuuquocte.org/2018/05/21/nguoi-nga-nghi-gi-truoc-su-troi-day-cua-trung-quoc>. (In Vietnamese)

Nguyen Ba Hai, Kobayashi, K. (2024). Vietnam-Russia Relations After 2022: Exploring the Challenges and Opportunities of “Bamboo Diplomacy” in A Multipolar World. *The Russia Program at GW*. George Washington University.

Nguyễn Phú Trọng (2024). *Xây dựng và phát triển nền đối ngoại, ngoại giao Việt Nam toàn diện, hiện đại, mang đậm bản sắc “cây tre Việt Nam* [Nguyen Phu Trong. *Building and developing a comprehensive and modern Vietnamese foreign policy and diplomacy imbued with the distinctive identity of the “Vietnamese bamboo”*]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia. (In Vietnamese)

Nilov, R. (2023). Thế giới và nước Nga nhìn từ chiến lược đối ngoại mới của Liên bang Nga [The World and Russia Through the Lens of the Russian Federation's New Foreign Policy Strategy]. *Lý luận Chính trị [Political Theory]*, August 11. URL: <https://lyluanchinhtri.vn/the-gioi-va-nuoc-nga-nhin-tu-chien-luoc-doi-ngoai-moi-cua-lien-bang-nga-88.html>. (In Vietnamese)

Nye, J. S. (2015). A New Sino-Russian Alliance? *Project Syndicate*, January 12. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-china-alliance-by-joseph-s--nye-2015-01>

Phạm Đức Tâm (2022). Chính sách châu Á-Thái Bình Dương của Nga và đề xuất chính sách đối với Việt Nam trong quan hệ Việt-Nga [Pham Duc Tam. Russia's Asia-Pacific Policy and Policy Recommendations for Vietnam in Vietnam—Russia Relations]. *Lý luận Chính trị [Political Theory]*, March 5. URL: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/quoc-te/item/4092-chinh-sach-chau-a-thai-binh-duong-cua-nga-va-de-xuat-chinh-sach-doi-voi-viet-nam-trong-quan-he-viet-nga.html>. (In Vietnamese)

Phạm Quang Minh (2014). Quan hệ tam giác Việt Nam-Liên Xô-Trung Quốc trong cuộc kháng chiến chống Mỹ (1954—1975) [Pham Quang Minh. *The Vietnam — Soviet Union — China Triangle Relations during the Anti-American Resistance War (1954—1975)*]. Hà Nội: Nxb. Đại học Quốc gia. (In Vietnamese)

Phạm Quang Minh (2018). Chính sách đối ngoại Đổi mới của Việt Nam (1986—2015) [Pham Quang Minh. Vietnam's Foreign Policy of Renovation (1986—2015)]. Hà Nội: Nxb. Thế Giới. (In Vietnamese)

Phạm Quốc Thành (2022). Cạnh tranh chiến lược nước lớn và đối sách của Việt Nam [Pham Quoc Thanh. Great power strategic competition and Vietnam's response strategies]. *Lý luận Chính trị [Political Theory]*, September 22. URL: <https://lyluanchinhtri.vn/canh-tranh-chien-luoc-nuoc-lon-va-doi-sach-cua-viet-nam-2266.html>. (In Vietnamese)

Phan Xuan Dung (2022). No One Can Force Vietnam to Choose Sides: Vietnam as a Self-Reliant Middle Power. *Asia Policy National Bureau of Asian Research*, 17 (4): 151—179. DOI: 10.1353/asp.2022.0061/

Thị Thi (2022). Chiến lược gia tăng ảnh hưởng của Nga tại châu Á và hàm ý đối với Việt Nam [Russia's Strategy to Increase Influence in Asia and Its Implications for Vietnam]. *Nghiên cứu chiến lược [Strategic Research]*, December 12. URL: <https://nghiencuuchienluoc.org/chien-luoc-gia-tang-anh-huong-cua-nga-tai-chau-a-va-ham-y-doi-voi-viet-nam>. (In Vietnamese)

Toàn văn Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng [Full text of the Resolution of the 13th National Congress of the Party]. *Báo Điện tử Chính phủ [Government Electronic Newspaper]*, 26.02.2021. URL: <https://baochinhphu.vn/toan-van-nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quooc-lan-thu-xiii-cua-dang-102288263.htm>. (In Vietnamese)

Tsvetov, A. (2014). Russia — Vietnam strategic partnership: between the United States and China. *Russian International Affairs Council*. November 24. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russian-vietnamese-strategic-partnership-between-the-united-/>

Дата поступления статьи: 19.05.2025

Дата поступления в переработанном виде: 30.05.2025

Принята к печати: 18.06.2025

Received: May 19, 2025

Received in revised form: May 30, 2025

Accepted: June 18, 2025

Nguyen Duy Quynh

The Core Values of Vietnamese Political Culture¹

Abstract. The present paper covers the socio-historical backdrop of the influence of basic political orientations, patriotism, national unity, human politics, and foreign politics on Vietnam's political culture throughout its history, extending right to the present. A historical and analytical view examines theoretical frameworks and real-life examples of these values influencing political behaviour. Evidence has shown that these values produced national unity, led to the making of policies, and structured Vietnam's diplomatic approach, which assisted in Vietnamese independence and social-political stability.

Keywords: political culture, Vietnam, patriotism, national solidarity, human politics, foreign policy.

Author: Nguyen Duy Quynh, Ph.D. (Political Science), Lecturer, Faculty of Political Science, VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, Vietnam.
ORCID: 0000-0003-4542-2146.

E-mail: quynhnd69@gmail.com, quynhnd@ussh.edu.vn

For citation: Nguyen Duy Quynh (2025). The Core Values of Vietnamese Political Culture. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 18–31.

Нгуен Зуи Куинь

Основные ценности вьетнамской политической культуры²

Аннотация. В данной статье рассматриваются социально-исторические предпосылки влияния базовых политических ориентаций, патриотизма, национально-го единства, заботы о человеке и внешних установок на политическую культуру Вьетнама на протяжении всей его истории вплоть до настоящего времени. Исторический и аналитический подход позволяет изучить теоретические основы и реальные примеры влияния этих ценностей на политическое поведение. Показано, как данные ценности способствовали укреплению национального единства, формированию государственной политики и структуры внешнеполитического курса Вьетнама, что обеспечило его независимость и её социально-политическую стабильность.

Ключевые слова: политическая культура, Вьетнам, патриотизм, национальная солидарность, забота о человеке, внешняя политика.

¹ This research paper is solely funded by VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, under project number USSH-2025.02.

² Исследование проведено при финансовой поддержке Университета общественных и гуманитарных Ханойского государственного университета в рамках проекта USSH-2025.02.

Автор: Нгуен Зуи Куинь, к. полит. н., преподаватель, факультет политологии, Университет общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета, Вьетнам. ORCID: 0000-0003-4542-2146.
E-mail: quynhnd69@gmail.com, quynhnd@ussh.edu.vn

Для цитирования: Нгуен Зуи Куинь. Основные ценности вьетнамской политической культуры // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 18—31.

Introduction

The political culture of Vietnam has evolved throughout a rather complex political history, which has shaped and been shaped in the form of actors' behaviors and attitudes. Founded on the socio-political context of Vietnam, historical struggles for independence, and traditional cultural values, the political culture has consistently guided political behavior across authority through generations.

The core values of patriotism, national unity, humanistic policy, and foreign politics have continued to facilitate political strategies and decisions from historical times. Evolving from its birth around Confucianism, Buddhism, and an agrarian lifestyle, the political culture in Vietnam has carried a remarkable capacity to adapt itself to foreign invasions, colonialism, and revolutions. That abnegation is mirrored in the values of nationalism and patriotism, which united the Vietnamese during their persistent resistance against colonial and imperial powers.

These enduring values remain central to Vietnam's modernization and global economic integration. The ideals of patriotism drive policies on sovereignty and independence; national unity acts as good glue during crises or natural calamities; humane politics puts people first. The priority here is directed to social welfare, health, and education to better the rest of life. Conversely, foreign policy is grounded on independence. Their stance of multilateralism and constructive diplomacy defines Vietnam as the character aiming to approach people and civilizations, striking a hair-raising balance between national interests and global cooperation.

However, these political-cultural values have yet to be analyzed in a comprehensive, scholarly format. Hence, this study aims to fill that gap by following the continuities and changes of these values and how they have affected governance. The research seeks to answer the following main questions: What are the core values of the Vietnamese political culture? How have these values kindled changes in political actors' behavior during historical epochs? What are these values' roles in Vietnam's political and socio-economic development? Through these questions, the research aims to provide greater insight into the historical and contemporary relevance of these core values in shaping Vietnamese political culture.

Methodology

This study adopts a qualitative approach combining literature review and content analysis to examine the interplay between political culture, core values, and political behaviour in Vietnam. Drawing on relevant academic theories and official documents, the research identifies key conceptual frameworks and findings illuminating how cultural values have shaped political conduct across historical periods.

The selected literature provides theoretical grounding and contextual depth, enabling the study to trace enduring patterns in Vietnam's political culture and assess their implications for contemporary governance and modernization. This approach ensures analytical coherence while situating the research within broader scholarly discourse.

Theoretical and conceptual foundations

Values

In social sciences, values are the general acceptance of principles that individuals and groups hold sacred and which, in some way, guide their actions and judgments. Values represent a crucial part of behavior; they help determine social norms and provide the framework to interpret things as good or bad, desirable or not, worth doing or worth not doing.

Clyde Kluckhohn defines values as “conceptions of the desirable which guide the actions and behavior of individuals and groups” [Kluckhohn 1951]. This definition works better regarding the normative side of the concept of values, which acts as a factor in shaping behavior and social norms. Bolstering this argument, Milton Rokeach also refines values to mean “enduring beliefs that a specific mode of conduct or end-state of existence is personally or socially preferable to an opposite mode of conduct or end-state” [Rokeach 1973].

Theories about how values determine behavior have evolved over the years. Shalom Schwartz's Theory of Basic Human Values identifies ten universally recognizable values: power, achievement, hedonism, stimulation, self-direction, universalism, benevolence, tradition, conformity, and security — each representing distinct motivational goals [Schwartz 1992]. Schwartz's model shows how values can be coherently organized and interactively nested with others of their kind.

Values are beyond individual beliefs and have socio-culturally grounded meanings. Emile Durkheim emphatically stresses their societal origin in that values derive from a collective conscience that furthers social cohesion and regulates behavior within the community [Durkheim 1893]. Similarly, Talcott Parsons refers to values as central to social integration, as they shape the operations of social systems and guide the phenomenon of socialization through families, schools, and institutions [Parsons 1951]. In this transmission process, values bring continuity to customs and practices handed down across generations. Values influence political behavior and attitudes. As societies achieve economic security, Ronald Inglehart's theory of post-materialism asserts that citizens shift their focus from materialist values (economic and physical security) to post-materialist values (self-expression and quality of life). This transition has powerful political behavioral consequences in that it tends to engender greater political participation, environmental awareness, and support for democratic institutions [Inglehart 1977].

Cultural value

As a subset of social values, cultural values fundamentally shape individual and collective behavior by providing interpretive frameworks for societal engagement and

behavioral regulation. Edward Tylor defines cultural values as a “complex whole” encompassing knowledge, belief, art, morals, law, custom, and habits acquired as members of society [Tylor 1871]. This complexity underscores their pervasive influence on social order and cohesion. Clyde Kluckhohn and Fred Strodtbeck emphasize that cultural values enable coordinated societal interactions and coherence [Kluckhohn, Strodtbeck 1961].

Vietnam’s cultural values, shaped by its agricultural civilization, Confucian traditions, and historical experiences, reflect a deep connection to collective historical memory. Citing the scholarship of Song Thanh, cultural values in Vietnam are derived from shared historical experiences, which include patriotism, national solidarity, respect for learning, and communal orientation [Song Thành 2010: 86]. These values underpin not only societal behaviors but also national policies. For instance, rural healthcare reforms and poverty reduction programs highlight the cultural tradition of collective responsibility. Lam Quoc Tuan underscores the role of collectivism and community solidarity in sustaining Vietnam’s social stability and resistance to foreign invasions [Lâm Quốc Tuấn 2006].

Geert Hofstede’s cultural dimensions theory offers a comparative framework for analyzing cultural values across societies. Dimensions such as Power Distance, Collectivism versus Individualism, and Long-term Orientation provide insights into how cultural values influence societal and organizational practices [Hofstede 1980]. These frameworks help contextualize Vietnam’s governance structures and decision-making processes, where respect for authority and collective consensus remain integral.

Cultural values also inspire social integration and collective action. The value of national solidarity, forged during Vietnam’s struggles for independence, fosters unity and resilience against external challenges. Moreover, these values guide institutional practices and governance, ensuring policies resonate with public expectations and cultural legitimacy. Despite the significant emphasis on Vietnam’s historical struggles and cultural foundations, there remains a gap in exploring how enduring values — such as patriotism, national unity, humanistic politics, and foreign relations — adapt to contemporary governance challenges and global dynamics. This study builds upon existing literature to assess these adaptations and their implications for effective governance.

Likewise, modern scholarship by Russian scholars marks the importance of traditional elements and historical influences relating to contemporary Vietnamese political culture. Ivan Kalmykov observed that Vietnam has a significant base of traditional values. In a traditional context, elements of family, community, familial obligations, and respect for authority can be seen in a position of central importance [Kalmykov 2024]. This corresponds with the values of patriotism and national solidarity mentioned previously in this paper.

Political culture

As a subset of social values, cultural values shape individual and collective behavior by providing frameworks for societal engagement and regulation. Tylor defines cultural values as a “complex whole” that includes knowledge, beliefs, art, morals, law, customs, and habits acquired within society [Tylor 1871]. These values are foundational for social

cohesion and coordinated societal interactions, as emphasized by Kluckhohn and Strodtbeck [Kluckhohn, Strodtbeck 1961].

In Vietnam, cultural values are deeply rooted in its agricultural civilization, Confucian traditions, and historical experiences. Song Thanh describes these values as deriving from shared historical memory, encompassing patriotism, national solidarity, respect for learning, and community orientation [Song Thành 2010: 86]. Such values influence both societal behaviors and national policies, evident in healthcare reforms and rural poverty reduction programs that reflect the tradition of collective responsibility. Lam Quoc Tuan further underscores that collectivism and community solidarity have been critical to Vietnam's stability and resistance against foreign invasions [Lâm Quốc Tuấn 2006].

The enduring influence of Vietnam's cultural values, particularly national solidarity, fosters unity and resilience in addressing external challenges. Despite this emphasis, a need remains to explore how these traditional values—patriotism, national unity, humanistic politics, and foreign relations—adapt to contemporary governance challenges and global dynamics. This study builds on existing literature to assess these adaptations and their implications for effective governance.

However, contemporary governance challenges, most notably systemic corruption pose significant tensions within the normative structure of Vietnam's political culture. As Russian experts Evgeny Kobelev and Vladimir Mazyrin (2021) argue, corruption undermines the legitimacy of the socialist system and weakens public trust in the Communist Party of Vietnam. Despite substantial institutional reforms, including the prosecution of high-ranking officials and the strengthening of legal frameworks, corruption remains a persistent challenge [Kobelev, Mazyrin 2021]. This paradox highlights a deeper theoretical tension between culturally rooted ideals of moral leadership and the empirical realities of institutional dysfunction.

Therefore, this study adopts the perspective of political culture as both an analytical lens and a normative benchmark to assess how Vietnam's traditional values, such as patriotism, collective solidarity, and moral governance are being reinterpreted and recontextualized in response to global integration and internal political pressures.

Political actors' behavior

The behavior of political actors is profoundly shaped by a society's values and cultural norms, which are reflected in five interconnected elements: political knowledge, ideals, values, beliefs, and capacities. These elements collectively guide political decision-making and action, ensuring alignment with societal expectations and norms.

Political knowledge is understanding political life gained through education and active participation. It enables political actors to navigate complex systems and make informed decisions. Vladimir Lenin underscored this importance, stating that “The illiterate is the person standing outside politics” [Lenin 2005: 218], highlighting the critical role of education in fostering effective political participation.

Political ideals represent the noble objectives that political actors strive to achieve. Rooted in sound knowledge, these ideals act as a moral and strategic compass, fostering pragmatic and aspirational goals that guide political behavior and decision-making.

Political values are enduring principles widely accepted within a community. These values, whether inherited from tradition or shaped by political practice, provide a stable framework for ethical decision-making, influencing political actors to prioritize actions within defined moral boundaries.

Political beliefs underpin a cohesive political culture. In Vietnam, these beliefs foster mutual respect and adherence to shared standards, enabling political actors to bridge differences and achieve unity. This foundation strengthens political stability and collective action within the community.

Political capacity, encompassing theoretical and practical dimensions, is essential for effective political behavior. Theoretical capacity offers a scientific basis for understanding systems, while practical capacity facilitates the application of knowledge to real-world contexts. Together, these dimensions empower political actors to adapt and address evolving challenges.

These elements interact to shape the behavior of political actors. Knowledge informs ideals, while values and beliefs provide stability and unity. Political capacity ensures that these principles are effectively implemented. By integrating these dimensions, political actors contribute to a resilient and adaptive political system that aligns with societal values and norms.

As Kalmykov [2024] clarifies, the political elites in Vietnam typically find their behaviour shaped not just by institutional restraints, but informal mechanisms formed through traditional socio-political culture, prioritizing seniority, collective harmony and avoiding confrontation. Patterns of inclusion which derive from village autonomy/self-governance and from Confucian ethical orientations embody an embedded cultural logic that draws on and connects to formal institutions, and assists in imbedding legitimacy and adjusting to problem-solving adaptive behaviour.

Core values shaping Vietnamese political culture

The study underscores the pivotal role of Vietnam's core values — patriotism, national solidarity, human politics, and foreign politics — in shaping political actors' behavior and the broader political culture. These values form the foundation of Vietnam's governance, guiding decision-making across historical and contemporary contexts. Building on Gabriel Almond and Sidney Verba's seminal work on political culture [Almond, Verba 1963], the research highlights the enduring relevance of these values in navigating post-colonial and transitional challenges. This analysis enriches the understanding of political culture in developing societies, emphasizing the adaptability and continuity of foundational principles in governance.

Patriotism and its impact on political behavior

Perhaps patriotism is the most entrenched and eternal feature of Vietnamese political culture. Patriotism is intertwined with the identity and fervour of Vietnam's citizenry and has ongoing implications for the behaviour and decision-making of political actors. The long history of Vietnam's defence of sovereignty from foreign bodies has fueled Vietnamese nationalism and arguably instilled in all Vietnamese national solid pride, contributing to a formative identity. The famous phrase of Ho Chi

Minh, “Nothing is more precious than independence and freedom” [Hồ Chí Minh 2011: 131], captures the spirit of patriotism that has mobilized and unified Vietnamese for centuries.

Interestingly, the deep roots of Vietnamese patriotism can be traced not only through historical conflicts but also within the cultural foundation of the family unit. When mentioning the roots of Vietnamese patriotism — the main driving force behind all liberation movements and the essence of Vietnamese history, Russian scholar Evgenia Marchenko suggests that it can be traced back to the family unit [Marchenko 2011]. This familial foundation created a sense of inherited responsibility and devotion to national well-being, which has, over generations, shaped political behaviour at both elite and grassroots levels.

It comes as little surprise that during some of the most significant events in the nation’s history, such as the Indochina Wars, patriotism was one of the most significant mobilizing forces that prompted Vietnam’s resistance against French and American colonialist forces. Political actors like Ho Chi Minh and military leaders like General Vo Nguyen Giap came to characterize the spirit of patriotic sentiment — calling the army and civilian population to sacrifice in the name of the national liberation struggle. Ho Chi Minh affirmed, “Our people have a deep patriotism. It’s one of our precious traditions. Every time the Vietnamese country was invaded from the past, the spirit was excited” [Hồ Chí Minh 2011: 38].

Perhaps the most conspicuous example of the effect of patriotism on political behaviour can be found throughout the resistance movement against foreign invasions in Vietnam. These events prominently illustrate the patriotic zeal not only mobilized the military but also civilians during the Battle of Dien Bien Phu in 1954 and the unification of Vietnam in 1975 under the leadership of Ho Chi Minh and General Vo Nguyen Giap. Outstandingly, within the contexts, the leaders tapped into national pride, urging against fighting for national independence and encouraging people to unify and sacrifice their lives for independence. It ends up being a belaboured presentation on how the basic value of patriotism has played in history to frame political actions and decisions toward preserving national independence. This example demonstrates how the core value of patriotism has historically shaped political actions and decisions to safeguard national sovereignty.

In addition to shaping immediate and consequential political decisions, patriotism has been a normative guide in shaping long-term national developmental policy. The government’s recent emphasis on self-reliance and sustainability as a motto for national development grew from the ideal of national independence, shaped by a legacy of every Vietnamese citizen once pioneering the economic reforms undertaken in the Doi Moi (Renovation) program in 1986. Doi Moi legislation was the national construct of moving the economy from a centrally planned approach (also referred to as the “state-controlled economy”) to a “Socialist Orientation”. The Doi Moi legislation highlights the sentiment of creating a self-sufficient nation-state that departed from very dependency, which contributes to a great extent to economic growth, poverty reduction, and improving the quality of life for millions of Vietnamese people [Đinh Xuân Dũng 2014].

Furthermore, contemporary expressions of Vietnamese patriotism are closely linked to the nation's long-term aspirations for development and modernisation. Patriotism is not only an emotional attachment to the homeland but also a commitment to realising the country's strategic vision. Specifically, the Resolution sets forth the ambitious goal for Vietnam to become a high-income developed nation by 2045 [Đảng Cộng sản Việt Nam 2021: 327]. In this context, patriotism is no longer confined to symbolic or historical narratives but is redefined as an active civic responsibility, mobilising all societal sectors toward building a strong, prosperous, and globally integrated Vietnam.

The legacy of patriotism in the Vietnamese education and training system shapes our national education system to insist on a curriculum that seeks to document the nation's history through the experiences and sacrifices reflecting past generations' efforts to build an independent nation. Every nation needs republican values in a political system that reflects its educational purposes to instil a learned practice. The education legacy of patriotism was designed to entrench patriotism in our social cognition for generations while simultaneously ensuring the guiding expectation of duty and civic responsibility was instilled in the government's expectation of the curriculum--desiring to shape political attitudes and behaviours in future leaders. Creating a combination of patriotic style education and civic responsibility can contribute to a moral construct inscribed in obligations for the students who fill leadership positions (or aspirations to fill leadership positions of society in the future and most likely provide elected representatives to serve national interests).

The consequence of patriotism extends universally into Vietnam's organization of its inter-nation dealings through diplomacy politics and a sense of prudence on international purposes within defence policies that protect state integrity and sovereignty. For example, Vietnam's participation in regional organizations such as ASEAN and strategic partnerships with major powers reflects an orientation between protecting national interests and enhancing regional stability and development. Evidence of the duality of assertiveness and diplomacy in Vietnam's relations with other states shows that patriotic values will continue to shape the behaviours of political agents and states, reinforcing the connection between past, present, and future patterns of preference and action.

Patriotism remains a core value that strengthens cohesive preferences and shared identity with long-term development objectives and helps direct Vietnam's foreign policy. Ultimately, the influence of patriotism on Vietnamese political culture endures as the most significant influence on a nation's past, present, and future political trajectory. Political actions and policies unite political actors under the guiding principle of developing national independence and prosperity. In turn, patriotism functions as an enduring value and mobilizes collective self-interest.

National solidarity: Unity as a political value

National solidarity has long been a cornerstone of Vietnamese political culture, shaping political behavior across eras. Rooted in unity and collective action, it has been fundamental to maintaining social order and resilience in times of uncertainty. From historical epochs to the present, national solidarity has guided political actors in decision-making and action.

Historical events such as the Binh Than and Dien Hong conferences during the Tran Dynasty exemplify the unifying power of national solidarity. In 1282, facing the Mongol threat, Emperor Tran Thanh Tong convened the Binh Than Conference with high-ranking officials and generals to strategize defence. Similarly, the Diên Hồng Conference in 1284 united elders and common citizens in support of the royal court's decision to resist invaders. After the eventual victory over the Yuan army, Tran Quoc Tuan, known as Hung Dao dai Vuong, famously declared, “Due to the consensus of king and servant, the harmony between siblings, the contributions of the whole country, the enemy must be arrested” [Đại Việt sử ký toàn thư 2023: 414]. These events underscore how national solidarity has historically fostered unity and resilience, enabling Vietnam to overcome external threats and maintain national cohesion.

Political culture has profoundly shaped Vietnam's political behavior throughout its military and post-war history. During the Vietnam War, national unity was pivotal in mobilizing soldiers and civilians to defend the nation. This cultural value transcended the battlefield, guiding logistics, intelligence gathering, and paramilitary operations and fostering collaboration among diverse ethnic groups under the leadership of Ho Chi Minh and Viet Minh. Beyond wartime, national solidarity became a cornerstone of post-war reconstruction, emphasizing the collective good over individual interests and continuing to influence Vietnam's political identity and behavior.

Today, national solidarity remains a critical strength in governance, particularly during crises such as natural disasters, epidemics, or sovereignty violations. In these moments, Vietnamese people, including public officials and civil servants, set aside differences to unite and overcome challenges. This solidarity ensures practical responses and fosters social trust and cohesion, mitigating the impact of crises and accelerating recovery within communities. The COVID-19 pandemic demonstrated how national solidarity was put into practice in contemporary governance. The Vietnamese state mobilized almost the entire political system (central and local) and all mass organizations, all civil servants, and all ordinary citizens to take immediate public health action and for public social welfare. One example is the “vaccine diplomacy” approach that relied on Vietnam's international relationships to obtain access to vaccine supplies in the ever-increasing global shortage of vaccines. These orchestrated acts reflected a governance model that was essentially one of collectivist values and moral obligation that exemplifies how traditional political-cultural principles and systems are implemented in policy responses to the crisis situation.

National solidarity is equally vital to Vietnam's socio-economic development. Government programs like the National Target Program for Building New Rural Areas exemplify this value by promoting local involvement in decision-making. By tailoring projects to community needs, these initiatives enhance development outcomes and cultivate a sense of ownership and accountability among participants, strengthening kinship and unity.

On the international stage, national solidarity underpins Vietnam's foreign policy. The country's commitment to regional cooperation, as demonstrated through ASEAN engagement and partnerships with nations like Japan, Russia, and the United States, reflects the principle of solidarity. Through mutual respect and shared interests, Vietnam

fosters regional stability and development while reinforcing its sovereignty and status as a responsible global actor.

In sum, national solidarity is a defining value of Vietnam's political culture, shaping political actors' behavior and governance. It enhances collaboration, social trust, and unity, ensuring political behavior aligns with the collective good. This enduring value, rooted in historical struggles, continues to inform socio-economic policies, diplomatic strategies, and Vietnam's resilience in the face of contemporary challenges. As highlighted by this research, national solidarity is not merely a reactive virtue but a proactive feature of governance and development, influencing domestic and foreign policy directions.

Human politics: Prioritizing welfare and equity

Human politics is a foundational value of Vietnamese political culture, emphasizing welfare, social equity, and human rights. Rooted in Vietnam's agrarian past and shaped by Confucian and Buddhist principles, human politics promotes compassion, moral leadership, and governance for the people's benefit. Throughout history, this value has guided political actors in decision-making, shaping domestic and foreign policies.

In Vietnam's dynastic history, rulers like Ly Nhan Tong (1066—1128) and Tran Nhan Tong (1258—1308), prioritized policies that improved the well-being of the people, such as tax reductions during crises and land redistribution to support the peasant class. Ngo Thi Nham, a prominent Nguyen Dynasty advisor, argued that governance should align with socio-economic needs, stating, "The adjustment of the land policy so that the people can be content is the work that has not been stopped since this time" [Ngô Thị Nhậm 2003: 192]. These policies established a tradition of human-centred governance, reflecting the enduring importance of social responsibility and humane politics.

This principle extended even to the treatment of enemies. For example, after defeating the Ming army in the 15th century, Lê Lợi ensured that captured soldiers were provided with food, transport, and safe passage home, exemplifying the Vietnamese commitment to humane values even in conflict. Similarly, Ho Chi Minh's leadership emphasized human politics through reforms such as literacy campaigns, land redistribution, and public health initiatives. Ho Chi Minh famously proclaimed, "The populace is highly astute, enthusiastic, and heroic. Therefore, we must learn from the populace, consult the populace, and understand the populace" [Hồ Chí Minh 2011: 333]. This philosophy underpinned his governance, as evidenced by his humane policies toward prisoners of war. Notably, during the war, French prisoners received allowances of 200 VND per month, surpassing the 150 VND allocated to Vietnamese soldiers; as Ho Chi Minh reasoned, "We can endure hardship, but we need to be more generous towards them" [Lê Văn Hiến 1995: 6—7].

In the modern era, human politics continues to shape Vietnam's governance. The Đổi Mới reforms in 1986 reflected this principle by transitioning from a centrally planned economy to a market-oriented system while focusing on welfare and equity. Programs like the National Target Program on Sustainable Poverty Reduction and healthcare initiatives, including the 2002 national health insurance scheme, exemplify the government's ongoing commitment to improving the lives of vulnerable populations.

Campaigns against infectious diseases, such as malaria and tuberculosis, further highlight the centrality of health security in governance.

Education also reflects the principles of human politics. Investments in schools, teacher training, and scholarships for rural and remote communities ensure equitable access to quality education. These efforts align with Vietnam's vision of human development, reducing regional disparities and fostering socio-economic progress.

Transparency and public participation are now integral to human politics. The 2016 Law on Access to Information ensures citizens' rights to government transparency, while public feedback mechanisms strengthen trust and accountability. These practices underscore Vietnam's commitment to governance that prioritizes the needs and aspirations of its people.

On the global stage, Vietnam's human politics is evident in its peacekeeping missions, humanitarian efforts, and active participation in organizations like the United Nations and ASEAN. These contributions reflect Vietnam's dedication to global peace and cooperation, extending its humanistic values beyond domestic borders.

From pre-dynastic governance to Ho Chi Minh's revolutionary leadership and modern welfare policies, human politics has consistently prioritized the well-being of the people. It reinforces trust between the government and citizens, fostering stability and resilience. In essence, human politics is both a moral guide and a practical framework for governance, ensuring equity and justice while advancing Vietnam's development trajectory.

Foreign politics: Independence, multilateralism, and sincere diplomacy

Foreign politics in Vietnam are characterized by independence, multilateralism, and sincere diplomacy, guiding political actors in international engagements. Independence is central to maintaining state sovereignty, while sincere engagement fosters trust and collaboration with other nations. These principles have historically underpinned Vietnam's foreign policy, ensuring autonomy and stable international relationships.

From the feudal era to modern times, Vietnam's leaders have prioritized foreign diplomacy. During the Tran Dynasty, for instance, efforts to repel Mongol invasions highlighted the importance of diplomacy in national security. Such pragmatic foreign policies, rooted in resilience, have continued to guide Vietnam's response to external threats.

Independence remains vital, granting Vietnam autonomy in addressing international challenges and safeguarding sovereignty. Multilateralism complements this by fostering strategic partnerships and reducing reliance on any single power. Vietnam has promoted regional stability and economic growth through organizations like ASEAN and APEC while preserving its independence.

Vietnamese diplomats have also established themselves as respected international actors, engaging in peacekeeping missions and humanitarian initiatives. These efforts have bolstered Vietnam's diplomatic reputation and demonstrated its commitment to global peace and security.

Key foreign relations concepts — independence, multilateralism, and sincere diplomacy — shape Vietnam's political behavior. For example, in the South China Sea

disputes, Vietnam has balanced assertive sovereignty with adherence to international law. Sincere dialogue with China highlights Vietnam's strategic use of diplomacy to uphold sovereignty while seeking peaceful resolutions.

Economic diplomacy further illustrates these values. Vietnam's participation in trade agreements like the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership and Regional Comprehensive Economic Partnership has attracted foreign investment, reinforced economic security, and reduced dependency on individual trading blocs. This approach has supported poverty alleviation and driven one of Southeast Asia's fastest-growing economies.

Vietnam's active engagement in international organizations like ASEAN and its strategic trade agreements reflect the integration of sovereignty with global cooperation. These efforts have improved living standards and infrastructure while advancing Vietnam's export-led growth strategy. This balance of assertiveness and collaboration showcases the practical benefits of its foreign policy values.

Through sincere diplomacy, Vietnam has enhanced its international standing, contributing to peacekeeping and humanitarian efforts. These activities reinforce Vietnam's responsibility to the global community and demonstrate its alignment with global stability and development principles.

In conclusion, foreign politics remain a core aspect of Vietnam's political culture, rooted in independence, multilateralism, and sincerity. These principles guide Vietnam's foreign policy, ensuring sovereignty, fostering economic opportunities, and establishing the nation as a stable and respected global actor. As Vietnam adapts to domestic and global challenges, these values continue to underpin its resilience and international stature.

Conclusion

This study has examined the core values of Vietnam's political culture — patriotism, national solidarity, human politics, and foreign politics — and their enduring influence on political actions and governance. These values have consistently shaped Vietnam's political structure, decision-making, and practices, bridging historical legacies with contemporary governance.

Patriotism, deeply rooted in Vietnam's struggles for independence, remains a unifying force guiding decisions on sovereignty and territorial disputes. It fosters resilience, unity, and a shared purpose, underpinning governance in historical and modern contexts. Similarly, national solidarity enhances social cohesion and collective action, vital for addressing crises and sustaining socio-economic development. It integrates diverse efforts to ensure national stability and long-term growth.

Human politics, shaped by Vietnam's agricultural traditions and Confucian-Buddhist influences, centres governance on welfare, social equality, and public trust. Education, healthcare, and social welfare policies reflect this value, promoting well-being and human development. Foreign politics, guided by independence, multilateralism, and sincere diplomacy, balances sovereignty with global cooperation, strengthening Vietnam's international standing and regional stability.

This study contributes to Vietnam studies by analyzing how these core values have shaped political behavior from ancient times to the present while offering insights into their evolving role in addressing modern governance challenges. It underscores the continuity of traditional values in transitional societies like Vietnam, demonstrating their impact on policy decisions and political behavior.

For policymakers, the practical implications are clear. Integrating patriotism into education fosters national identity and civic responsibility. Promoting solidarity in development projects strengthens social cohesion. Policies ensuring fair access to healthcare and education embody the principles of human politics. Balancing independence with multilateralism through sincere diplomacy secures sovereignty while contributing to global peace and stability.

Future research should explore how Vietnam's political culture adapts to globalization and digital transformation, including comparative studies with other nations. These inquiries can further elucidate the unique characteristics of Vietnam's political culture and its implications for governance.

In sum, this study highlights the enduring significance of Vietnam's core values as both continuities in times of change and pathways for future development, ensuring the nation's stability and progress amid globalization.

References

- Almond, G.A., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Đại Việt sử ký toàn thư [Complete Annals of Dai Viet] (2023). Hà Nội: Nxb. Hồng Đức. (In Vietnamese)
- Đảng Cộng sản Việt Nam (2021). Văn kiện Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ XIII, t. II [Communist Party of Vietnam. Documents of the 13th National Congress, vol. II]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese)
- Đinh Xuân Dũng (2014). *Văn hóa trong chiến lược phát triển của Việt Nam* [Dinh Xuan Dung. *Culture in Vietnam's Development Strategy*]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese)
- Durkheim, E. (1893). *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press.
- Hồ Chí Minh (2011). *Toàn Tập*, tập 5, 7, 15 [Ho Chi Minh. *Complete Works*, Vol. 5, 7, 15]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese)
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: Sage Publications.
- Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
- Kalmykov, I. D. (2024). The Characteristics of the Political Culture of Modern Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8(1), 22–37. (In Russian)
- Kluckhohn, C. (1951). *Mirror for Man*. New York: McGraw-Hill.
- Kluckhohn, C., Strodtbeck F.L. (1961). *Variations in Value Orientations*. Evanston: Row, Peterson.
- Kobelev, E.V., Mazyrin, V.M. (2021). Corruption in Vietnam and Measures to Combat It: Uneasy Challenge for the CPV. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5(3), 27–51.

Lâm Quốc Tuấn (2006). *Nâng cao văn hóa chính trị của cán bộ lãnh đạo quản lý ở nước ta hiện nay* [Lam Quoc Tuan. *Improving the Political Culture of Leaders and Managers in Our Country Today*]. Hà Nội: Nxb.Văn hóa — Thông tin. (In Vietnamese)

Lê Văn Hiến (1995). *Nhật ký của một Bộ trưởng, tập 1* [Le Van Hien. *Diary of a Minister, Vol. 1*]. Đà Nẵng: Nxb.Đà Nẵng. (In Vietnamese)

Lênin, V.I. (2005). *Toàn Tập, tập 44* [Lenin V.I. *Complete Works, Vol. 44*]. Hà Nội: Nxb.Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese)

Marchenko, E.A. (2011). Traditsionnye osnovy vietnamskogo obshchestva v sovremennykh usloviyakh [Traditional foundations of Vietnamese society in modern conditions]. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 1(1), 91—107. (In Russian)

Ngô Thì Nhậm (2003). *Toàn Tập, tập 3* [Ngo Thi Nham. *Complete Works, Vol. 3*]. Hà Nội: Nxb.Khoa học Xã hội. (In Vietnamese)

Parsons, T. (1951). *The Social System*. New York: Free Press.

Rokeach, M. (1973). *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.

Schwartz, S.H. (1992). *Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries*. San Diego: Academic Press.

Song Thành (2010). *Hồ Chí Minh nhà tư tưởng lỗi lạc* [Song Thanh. *Ho Chi Minh A Brilliant Ideologue*]. Hà Nội: Nxb.Lý luận Chính trị. (In Vietnamese)

Tylor, E.B. (1871). *Primitive Culture: Researches Into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom*. London: John Murray.

Дата поступления статьи: 22.01.2025

Дата поступления в переработанном виде: 21.03.2025

Принята к печати: 11.06.2025

Received: January 22, 2025

Received in revised form: March 21, 2025

Accepted: June 11, 2025

Т.А. Воронова, Е.С. Новикова, Нгуен Хью Фу

Трансформация внешнеэкономических связей Вьетнама с ведущими партнёрами (2021—2024 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается развитие торгово-экономических отношений Вьетнама с 12 ведущими партнёрами — Китаем, Россией, Индией, Южной Кореей, США, Японией, Австралией, Францией, Малайзией, Новой Зеландией, Индонезией и Сингапуром. Проведен анализ динамики товарооборота с каждой отдельной страной, включая экспорт и импорт продукции, структуру поставок, объем инвестиций и количество инвестиционных проектов, а также численности в странах-партнёрах вьетнамских трудовых мигрантов и студентов в статусе иностранных. Отдельное внимание в работе уделено выявлению ключевых преимуществ развития всеобъемлющего стратегического партнёрства, оценке возможностей его адаптации и применения в различных национальных экономиках в условиях глобализированной, но всё более фрагментированной мировой системы.

Ключевые слова: Вьетнам, стратегические партнёры, товарооборот, экспорт, импорт, мировая экономика, инвестиционный потенциал, рабочая сила, конкурентоспособность.

Авторы: Воронова Татьяна Андреевна, д. э. н., кафедра международного бизнеса, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва. ORCID: 0009-0000-0931-5306. E-mail: Voronova.ta@rea.ru

Новикова Екатерина Сергеевна, к. э. н., кафедра экономической теории, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва. ORCID: 0000-0003-2342-6939.

E-mail: novikova.es@rea.ru

Нгуен Хью Фу, магистрант, Высшая школа экономики и бизнеса, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва. ORCID: 0009-0004-2404-6932.

E-mail: nguyenuuuphubp@gmail.com

Для цитирования: Воронова Т. А., Новикова Е. С., Нгуен Хью Фу. Трансформация внешнеэкономических связей Вьетнама с ведущими партнёрами (2021—2024 гг.) // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 32—47.

Tatiana A. Voronova, Ekaterina S. Novikova, Nguyen Huu Phu

Transformation of Vietnam's Foreign Economic Relations with Leading Partners in 2021—2024

Abstract. The article examines the development of trade and economic relations between Vietnam and 12 leading partners — China, Russia, India, South Korea, the USA, Japan, Australia, France, Malaysia, New Zealand, Indonesia and Singapore. The ar-

ticle analyzes the dynamics of trade turnover with each individual country, including export and import of products, supply structure, investment volume and number of investment projects, as well as the number of Vietnamese labor migrants and foreign students in partner countries. Particular attention is paid to identifying the key advantages of developing a comprehensive strategic partnership, assessing the possibilities of its adaptation and application in various national economies in the context of a globalized, but increasingly fragmented world system.

Keywords: Vietnam, comprehensive strategic partnership, trade turnover, export, import, world economy, investment potential, labor force, competitiveness.

Authors: Voronova Tatiana A., D.Sc. (Economics), Department of International Business, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

ORCID: 0009-0000-0931-5306. E-mail: Voronova.ta@rea.ru

Novikova Ekaterina S., Ph.D. (Economics), Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow. ORCID: 0000-0003-2342-6939.

E-mail: novikova.es@rea.ru

Nguyen Huu Phu, Master student, High School of Economics and Business, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow. ORCID: 0009-0004-2404-6932.

E-mail: nguyenhuuphubp@gmail.com

For citation: Voronova, T.A., Novikova, E.S., Nguyen Huu Phu (2025). Transformation of Vietnam's Foreign Economic Relations with Leading Partners in 2021—2024. *The Russian journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 32—47.

Введение

В последние годы в мировой экономике наметилась явная тенденция регионализации или разделения стран по союзным блокам, объединениям, группировкам в связи с активизацией торговой войны одних экономик против других, что выражается во всё большем количестве санкционных мер друг против друга. Таким образом, основными конкурирующими блоками становятся объединение стран БРИКС и так называемый западный блок стран во главе с США. При этом доля каждого из этих блоков в мировой экономике значительна: на долю стран БРИКС приходится 40 % мировой экономики, а на долю стран G7 — лишь 28 % [BRICS GDP outperforms... 10.06.2025]. Продолжается их конкуренция за оставшиеся рынки. Мотивацией к этому являются довольно низкие темпы экономического роста западного блока стран, усиленная борьба за доступ к дешевым природным ресурсам, включая редкоземельные металлы, а также перераспределение рынков сбыта производимой продукции.

Особняком стоят страны, которые стремятся остаться в нейтральном статусе, используя сложившуюся ситуацию для развития своей национальной экономики. В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание на Вьетнам, который в последние три десятилетия демонстрирует устойчивый экономический рост, опережая по данному показателю ведущие экономики мира.

В 1986 г. благодаря так называемой политике обновления (Doi Moi) Вьетнам перешёл к рыночной экономике, открывшись для внешнего мира. Началось ускоренное развитие промышленного сектора страны, чему способствовало активное привлечение в экономику иностранных инвестиций. С начала реформ насе-

ление Вьетнама выросло более чем на 65 % — с 60,35 млн до более 100 млн человек, по состоянию на апрель 2025 г. [Vietnam Population... 10.06.2025]. За последние годы темпы экономического роста Вьетнама колебались на уровне 6—7 % в год. При этом в 2022 г. ВВП страны вырос до 8 % при средней инфляции на уровне 3,2 %, что стало одним из лучших показателей экономического роста как для самого Вьетнама, так и для всего мира. Начиная с 1990 г. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности вырос в стране в 10 раз, составив более 17,48 тыс. долл. США в 2025 г. [GDP per capita... 10.06.2025].

Вьетнамская экономика обладает большой инвестиционной привлекательностью. По данным министерства планирования и инвестиций Вьетнама, на конец 2024 г. общий объем накопленных иностранных инвестиций составил 502,8 млрд долл., из них в 2024 г. было привлечено порядка 25,35 млрд долл., что на 9,4 % больше, чем в 2023 г. [MPI 2025]. Во Вьетнаме реализуются более 42 тыс. инвестиционных проектов в 18 секторах экономики, что открывает дополнительные возможности ее развития.

Одним из факторов достижения таких высоких показателей стала внешне-экономическая политика страны. Её анализ с акцентом на торгово-экономические связи (товарооборот, инвестиционные потоки), является основной задачей, которую решает данное исследование. При в центре внимание авторов — в отличие от прежних исследований на ту же тему — наиболее крупные торговые партнеры СРВ.

Обзор литературы

Изучению Вьетнама и вьетнамской экономики посвящено довольно много как отечественных, так и зарубежных исследований. Из значимых работ выделим статьи В.М. Мазырина, С.С. Сафиной, А.И. Волынского, М.Е. Тригубенко и Нгуен Тхи Кань [Мазырин 2021; Сафина 2024; Волынский 2024; Тригубенко 2017; Nguyen Thi Canh 2011]. Исследования ряда авторов прямо затрагивают вопросы двустороннего партнёрства Вьетнама — с Японией [Киреева 2021], Индией [Pant 2018], США [Nguyen Khanh Van 2021; Nguyen Thanh Son 2023], Австралией [Pham 2024], Китаем [Beeson 2021; De Treglode 2019].

Внимание вьетнамских исследователей вызвала проблема отношений с Китаем и США в условиях конфронтации последних, что нашло отражение в работах Нгуен Мань Зунга, Нгуен Минь Чанга и Чан Фьонг Зунга, Д. Гроссмана [Нгуен Мань Зунг 2022; Nguyen Minh Trang 2024; Grossman 2021].

Торговую политику Вьетнама исследовали Н. Чэпман и Лена Ле [Charpman 2017; Le Lena 2021], которые отмечали в качестве ее характерных черт одновременное взаимодействие со всеми стратегическими странами-партнерами и стремление достичь максимальных выгод для дальнейшего роста вьетнамской экономики.

Взаимоотношениям Вьетнама и России в российской научной среде уделено особое внимание, учитывая задачу расширения экономического сотрудничества двух стран. Рассмотрены вопросы российско-вьетнамского всеобъемлющего

стратегического партнерства [Мазырин 2021a], а также кооперации Вьетнама и России, в том числе в рамках ЗСТ, до и после введения антироссийских санкций [Мосяков 2022; Новикова 2023; Мазырин 2024]. Методологические аспекты взаимодействия России и Вьетнама раскрыты через анализ основ, содержания и принципов двустороннего сотрудничества [Шпаковская 2019]. Вьетнамский экономист Нгуен Хунг Кыонг обобщил практику 70 лет вьетнамо-российских отношений, делая акцент на их устойчивости, несмотря на непредсказуемую ситуацию в мировой экономике [Nguyen Hung Cuong 2022]. Российско-вьетнамскому военно-техническому сотрудничеству посвящена работа М. Заребы [Zareba 2023].

Хотя внешнеэкономические отношения Вьетнама с отдельными странами рассмотрены во многих научных работах, авторы предприняли попытку обобщить опыт его сотрудничества с конкретными 12 ведущими странами-партнерами. В процессе подготовки данной публикации подобного рода исследований найдено не было. Авторы провели соответствующий комплексный анализ такого сотрудничества, оценив имеющиеся противоречия, нераскрытый потенциал и возможные перспективы его реализации.

Результаты исследования

Особого внимания заслуживает изучение сотрудничества Вьетнама со странами, обладающими статусом всеобъемлющего стратегического партнёра (далее — странами-партнёрами). К апрелю 2025 г. Ханой подписал договоры о таком партнёрстве с Китаем, Россией, Индией, Южной Кореей, Японией, США, Францией, Австралией, Малайзией, Новой Зеландией, Индонезией и Сингапуром.

Среди этих партнёров Вьетнам присутствуют как страны, входящие в БРИКС, так и страны западного блока, включая США, Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию и Францию. То есть Вьетнам успешно сотрудничает со странами, являющимися не просто конкурентами, но и открыто противостоящими друг другу и находящимися в настоящее время в условиях жесточайшей санкционной войны. Более того, он постепенно становится территорией, на которой «противоборствующие» стороны находят пути решения своих экономических проблем. Так, США в 2023 г. подписали с Вьетнамом договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с целью получения доступа к редкоземельным металлам для производства полупроводников после того, как Китай ограничил экспорт галлия и германия в США. Учитывая, что Вьетнам считается второй страной в мире после Китая по запасам редкоземельных металлов, очевидна мотивация США к налаживанию торговых отношений с Вьетнамом.

Что же касается Китая, то за последние несколько десятков лет КНР инвестировала во Вьетнам порядка 30 млрд долл. в более чем 5 тыс. различных проектов, направленных на развитие инфраструктуры, производство оборудования полного цикла, строительство транспортных узлов, позволяющих объединить китайскую и вьетнамскую территории для более эффективной логистики всего региона. Двусторонний товарооборот между Китаем и Вьетнамом за последние более чем 20 лет вырос в 90 раз — с 2,5 млрд долл. в 2000 г. до 260 млрд долл.

в 2024 г. Китай уже много лет остается крупнейшим торговым партнером Вьетнама, а СРВ является крупнейшим торговым партнером КНР среди стран АСЕАН [Vietnam deepening friendship...: 10.06.2025].

Принимая во внимание быстрое развитие вьетнамской экономики за последние годы, важно оценить уровень вовлечённости в неё всеобъемлющих стратегических партнёров Вьетнама, а также рассмотреть позиции каждой страны по отношению к остальным участникам экономического взаимодействия.

Проведённый анализ общей структуры импорта и экспорта Вьетнама с каждой из вышеприведённых стран (табл. 1) и товарной структуры позволил выделить определённые группы товаров, по которым происходит основное взаимодействие экономик.

Таблица 1. Динамика внешнего товарооборота Вьетнама с партнёрами в 2024 г. (млрд долл.)

Страна-партнёр	Экспорт	Импорт	Прирост экспорта с 2023 г., %	Прирост импорта с 2023 г., %
Австралия	6,5	7,6	24	-11
Индия	9,1	5,8	6,7	-0,6
Индонезия	6,2	10,5	22	20,6
Китай	61,2	144	0	30
Новая Зеландия	0,7	0,6	5,8	-11
Малайзия	5,1	9,1	4	17
Россия	2,3	2,2	34	19
Сингапур	5,2	5,4	17,6	14
США	119,5	15,1	23	9
Франция	3,4	2	7	23
Южная Корея	25,6	55,9	9	6,5
Япония	24,6	21,6	5,5	-0,2

Источник: URL: <https://www.gso.gov.vn/en/import-export/> (дата обращения: 15.04.2025).

Анализ данных демонстрирует, что внешнеэкономические связи Вьетнама с государствами — стратегическими партнёрами в 2024 г. характеризуются устойчивым, но неоднородным развитием. Наиболее существенный рост экспорта зафиксирован в направлении России (+34 %), Австралии (+24 %), США (+23 %) и Индонезии (+22 %), что указывает на расширение присутствия вьетнамских товаров на этих рынках. Импорт, в свою очередь, показал резкий рост со стороны Китая (+30 %) и Индонезии (+20,6 %), подчёркивая сохраняющуюся зависимость Вьетнама от внешних поставок определённых товарных категорий.

При этом с Китаем и Южной Кореей зафиксированы значительные торговые дисбалансы в пользу импорта, тогда как с США и Индией сохраняется заметный положительный экспортный баланс. Отрицательная динамика импорта из Австралии и Новой Зеландии (-11 %) может указывать на структурные изменения в логистике или спросе. В целом, представленная структура торговли от-

ражает как успехи Вьетнама в наращивании экспортного потенциала, так и необходимость корректировки торговой политики для обеспечения более сбалансированных партнёрских отношений.

По данным на конец 2024 г., основной объем импорта приходится на электрическое и электронное оборудование, особенно из Южной Кореи (62,5 %), Японии (37,1 %), Китая (40,8 %) и Сингапура (9,25 %) (табл. 2).

Таблица 2. Структура экспорта и импорта по странам и товарным категориям

Страна	Основные экспортно-импортные товарные группы Вьетнама	Доля в экспорте Вьетнама, %	Доля в импорте Вьетнама, %
Австралия	Минеральное топливо, масла и продукты их перегонки	8,56	35,75
	Электрическое оборудование и части к нему	31,84	0,16
Китай	Реакторы, котлы, механическое оборудование	9,40	11,18
	Электрическое оборудование и части к нему	49,60	40,75
Франция	Обувь и подобные изделия	16,72	0,01
	Электрическое оборудование и части к нему	25,56	5,52
Индия	Мясо и съедобные мясные субпродукты	—	11,09
	Электрическое оборудование и части к нему	44,05	5,68
Индонезия	Минеральное топливо, масла и продукты их перегонки	0,46	24,11
	Электрическое оборудование и части к нему	15,36	4,68
Япония	Черные металлы	0,68	11,73
	Электрическое оборудование и части к нему	25,84	37,12
Южная Корея	Реакторы, котлы, механическое оборудование	17,63	4,72
	Электрическое оборудование и части к нему	37,33	62,53
Малайзия	Минеральное топливо, масла и продукты их перегонки	1,20	20,57
	Электрическое оборудование и части к нему	22,38	26,02
Новая Зеландия	Молочная продукция, яйца, мед и др.	0,06	40,03
	Электрическое оборудование и части к нему	41,33	0,47
Россия	Одежда и аксессуары, кроме трикотажа	25,08	0,00
	Минеральное топливо, масла и продукты их перегонки	1,06	41,25
Сингапур	Минеральное топливо, масла и продукты их перегонки	5,60	49,17
	Электрическое оборудование и части к нему	27,93	9,25
США	Реакторы, котлы, механическое оборудование	13,85	2,85
	Электрическое оборудование и части к нему	34,79	30,36

Источник: URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 10.06.2025).

Данные табл. 2 показывают, что большое значение для страны имеют поставки минерального топлива и нефти — из Австралии (35,75 % вьетнамского импорта из этой страны), России (41,25 %) и Сингапура (49,17 %). Также Вьетнам активно импортирует руду и металлы из таких стран, как Австралия (руда — 16,76 %), Япония (железо и сталь — 11,73 %) и Индонезия (железо и сталь — 12,04 %). Показатели импорта этих товарных групп указывают на направленность вьетнамской экономики на развитие обрабатывающей промышленности и энергоёмких производств.

Что касается экспорта, Вьетнам проявляет себя как центр сборки и производства высокотехнологичной продукции. Ключевым экспортным товаром являются компьютеры и электроника, которые направляются в Китай (50 % вьетнамского экспорта в эту страну), Южную Корею (37,3 %), США (34,8 %) и Австралию (32 %). Также значимую роль играют промышленные машины и оборудование, особенно при экспорте в США (13,85 %) и Южную Корею (17,63 %). Вьетнам также активно экспортирует текстиль и одежду, в том числе во Францию (17 %), Японию (17 %), Южную Корею (13 %) и США (9,44 %). Это говорит о высокой конкурентоспособности страны в сфере трудоёмких производств, что объясняется доступной рабочей силой, низкой стоимостью аренды и близостью к сырьевым рынкам.

В торгово-экономических отношениях между Вьетнамом и Россией заметное место занимают поставки сырья и ресурсов. Россия занимает важное место как поставщик минерального топлива и угля (41,25 %), что особенно важно для энергетического сектора Вьетнама. Кроме того, Россия экспортирует во Вьетнам удобрения (10,13 %) и зерновые культуры (8,34 %), что способствует обеспечению продовольственной безопасности и поддержке аграрного сектора страны. Хотя объем экспорта из Вьетнама в Россию сравнительно небольшой и не охватывает широкий спектр продукции, потенциал двустороннего сотрудничества остаётся высоким, особенно в сферах энергетики, сельского хозяйства и промышленной кооперации.

Вьетнам также является довольно привлекательным рынком рабочей силы для азиатского региона (табл. 3).

Высокотехнологические отрасли Японии и Тайваня с каждым годом привлекают всё больше вьетнамской рабочей силы на заводы по производству компью-

Таблица 3. Основные рынки экспорта рабочей силы из Вьетнама (количество человек)

Страны	2021	2022	2023	2024
Китай	1820	910	1785	2335
Тайвань	19 531	58 598	54 769	62 282
Южная Корея	1036	9968	7830	13 649
Япония	19 510	67 295	74 354	71 518
Всего (по всем странам мира)	45 058	142 779	146 156	149 784

Источник: URL: <https://dangcongsan.vn/xa-hoi/xuat-khau-lao-dong-vuot-xa-muc-tieu-trong-nam-2023-655720.html> (дата обращения: 30.03.2025).

терного оборудования, телефонов и другой техники, пользующейся высоким спросом в мире. В 2024 г. численность трудовых мигрантов из СРВ в Японии, по сравнению с 2021 г., выросла в 3,5 раза, а на Тайване — в 3 раза. Что касается Республики Корея и КНР, то их экономики значительно меньше привлекают рабочую силу из СРВ в численном выражении, но за последние четыре года эти показатели выросли в 13 раз (Южная Корея) и в 1,3 раза (КНР).

Тесное взаимодействие Вьетнама со странами-партнерами напрямую влияет на всё возрастающую численность вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом. Например, значительные инвестиции во Вьетнам корпораций Южной Кореи, включая Samsung, LG, Hyundai, Lotte Group и др., привели к росту вьетнамского персонала, нанимаемого южнокорейскими компаниями. В 2024 г. Республика Корея стала одним из наиболее значимых иностранных инвесторов Вьетнама с общим зарегистрированным капиталом в 92 млрд долл. [Vietnam... commercial guide: 02.04.2025]. Следствием этого стал всё возрастающий интерес вьетнамцев к университетам Южной Кореи. На конец 2023 г. 73 тыс. вьетнамских студентов обучались в университетах этой страны, превысив количество китайских студентов в Южной Корее (67 450 человек). Второй по популярности страной, организующей университетские программы для выходцев из Вьетнама, является Япония — 49 тыс. студентов. Численность вьетнамских студентов в Австралии (33 тыс.) выросла на 37,5 % в 2023 г. по сравнению с 2022 г. Китай насчитывает порядка 27 тыс. вьетнамских студентов, а США — 22 тыс. [Close to 22,000... : 21.08.2024].

При этом Россия на данный момент ежегодно принимает около 1000 студентов из Вьетнама по правительственной квоте, а в общей сложности в российских университетах обучаются более 7000 вьетнамских студентов, из них более 2,3 тыс. в пределах квоты, что гораздо ниже данных показателей у основных стратегических партнёров Вьетнама [Чернышенко назвал...: 18.04.2024].

Как отмечалось выше, ключевым фактором привлечения рабочей силы и студентов из Вьетнама является объём инвестиций каждой страны-партнера (рис. 1). И если первые позиции по объёму инвестиций удерживает Южная Корея, то 2-е место занимает Сингапур с отставанием всего лишь в 10 %, тогда как еще в 2023 г. на 2-м месте располагалась Япония. При этом следует учитывать, что количество самих проектов Южной Кореи во Вьетнаме практически в 3 раза превышает показатели Сингапура и в 2 раза — Японии.

Что же касается России, то по объёму инвестиций она занимает одно из последних мест в списке стратегических партнёров Вьетнама. В период 2021—2024 гг. Россия весьма скромно наращивала и объём своих инвестиций во Вьетнам, и количество проектов, реализуемых на территории страны (табл. 4) вследствие ограничения доступа в стратегические отрасли экономики СРВ.

Минсельхоз России рассматривает Вьетнам как возможную площадку для наращивания экспорта продукции АПК в государства Юго-Восточной Азии. Поставки на вьетнамский рынок к 2030 г., по сравнению с 2024 г., могут вырасти в 4 раза. Товарооборот сельхозпродукции и продовольствия между Россией и Вьетнамом ежегодно растёт. В 2024 г. российский экспорт увеличился на 32 %, при

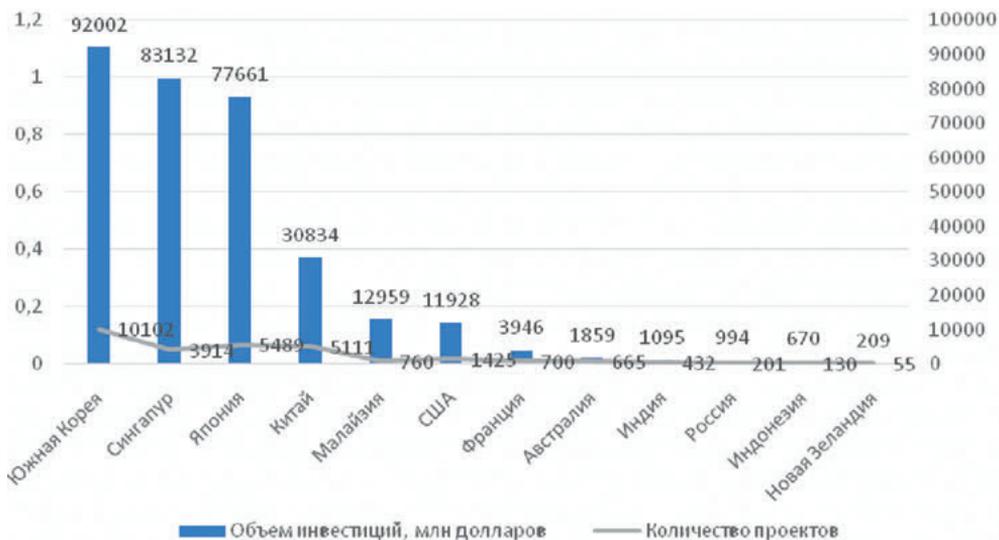

Рис. 1. Общий объём инвестиций стран-партнёров во Вьетнам за 2024 г., млн долл.

Источник: URL: <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/Report-on-Foreign-Direct-Investment-1740.aspx> (дата обращения: 02.04.2025).

Таблица 4. Количество проектов и объём инвестиций стран-партнёров во Вьетнаме

Стратегический партнёр	Количество проектов, ед.				Объём инвестиций, млн долл.			
	2024	2023	2022	2021	2024	2023	2022	2021
Австралия	665	628	583	550	1859	2034	1980	1937
Индия	432	392	349	313	1095	1119	1006	910
Индонезия	130	122	106	101	670	651	639	612
Китай	5111	4230	3567	3325	30 834	27 479	23 349	21 338
Новая Зеландия	55	52	51	48	209	208	211	210
Малайзия	760	733	702	665	12 959	13 107	13 060	12 806
Россия	201	185	164	151	994	984	966	954
Сингапур	3914	3494	3097	2836	83 132	74 519	70 846	64 362
США	1425	1336	1216	1138	11 928	11 827	11415	10 280
Франция	700	678	660	637	3946	3836	3765	3613
Южная Корея	10 102	9863	9534	9223	92 002	85 866	80 970	74 656
Япония	5489	5264	4978	4798	77 661	73 963	68 897	64 397

Источник: URL: <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/Report-on-Foreign-Direct-Investment-1740.aspx> (дата обращения: 31.03.2025).

этом основными статьями стали зерновые, ракообразные и свинина [Минсельхоз ждёт...: 15.03.2025].

Отдельно следует выделить тот факт, что Вьетнам становится ключевым рынком для производства полупроводников во всем мире. Уже сегодня СРВ обладает значительным потенциалом для развития технологий производства чипов, в том числе за счет привлечения иностранных инвестиций, а в перспективе данная отрасль может стать одним из основных секторов экономики Вьетнама с поставками продукции как на экспорт, так и на растущий внутренний рынок. В последние годы ежегодный темп прироста рынка чипов составляет порядка 6 %. По экспертным оценкам, к 2027 г. объем рынка достигнет примерно 1,66 млрд долл. США [Policies to attract... 22.02.2024].

Еще одним важным фактором взаимодействия Вьетнама со странами-партнёрами является численность туристов, посетивших Вьетнам за последние годы, что указывает на уровень налаженности связей между странами (табл. 5).

Таблица 5. Количество туристов, посетивших Вьетнам, кол-во человек

Страны	2020	2022	2023	2024
Австралия	92 227	144 736	390 087	490 880
Индия	37 416	...*	145 340	501 427
Индонезия	21 446	36 084	105 380	184 093
Китай	871 819	124 896	1 743 204	3 738 126
Новая Зеландия	947	11 398	33 730	47 963
Малайзия	116 221	170 870	470 105	495 383
Россия	244 966	39 921	125 610	232 300
Сингапур	51 726	178 861	328 195	347 495
США	172 706	318 171	717 073	779 795
Франция	74 480	81 575	215 508	278 943
Южная Корея	819 089	965 366	3 595 062	4 568 941
Япония	200 346	174 720	589 522	711 464
Всего (из всех стран мира)	3 686 779	3 661 222	12 599 145	17 583 900

* Официальная статистика отсутствует.

Источник: URL: <https://thongke.tourism.vn> (дата обращения: 17.03.2024).

Наиболее объективно отражает процессы, происходящие в туристической сфере, статистика за последние три года, когда не вводились ограничения на перемещение населения между странами. Наибольший поток туристов прибыл во Вьетнам в последние годы из Китая и Южной Кореи, он во много раз превысил турпотоки из других стран-партнеров.

У России интерес к Вьетнаму как туристическому направлению с каждым годом растёт, что говорит о возрастающем взаимодействии двух стран. Что же каса-

ется 2023 г., то поездки российских туристов значительно снизились по причине возникших сложностей с оплатой различного рода услуг российскими банковскими картами и отсутствия прямого авиасообщения между двумя странами, ограниченного западными санкциями против российской экономики.

Общий туристический поток в СРВ из всех стран мира в 2024 г., по сравнению с 2020 г., возрос почти в 5 раз, что в период пандемии он почти иссяк, а сейчас восстанавливается. Росту турпотока, а следовательно, и доходам страны будет способствовать практическая реализация инициативы Таиланда по созданию безвизовой зоны по типу европейского Шенгена между шестью азиатскими государствами (Таиланд, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Вьетнам), которая позволит туристам беспрепятственно передвигаться между данными странами с помощью единой визы.

Заключение

Проведённый анализ взаимодействия Вьетнама с главными странами-партнёрами (имеющими статус всеобъемлющего стратегического партнера) показал, что ключевое значение для него имеет азиатский рынок. Возможности сотрудничества Вьетнама с Южной Кореей, Японией, Китаем, Сингапуром, Индонезией и Малайзией будет определять устойчивый рост вьетнамской экономики в ближайшем будущем. Особо стоит отметить инвестиционный потенциал компаний Южной Кореи, Сингапура и Японии, реализация которого позволяет активно наращивать количество рабочих мест во Вьетнаме, эффективно задействовать торговые и производственные площади, а также развивать региональную инфраструктуру.

Что же касается Китая, то, несмотря на территориальные претензии друг к другу в ЮКМ, обе страны стремятся к выстраиванию эффективных бизнес-отношений, которые важны для сохранения общей гармонизированной среды в Юго-Восточной Азии. В первую очередь, данная политика выгодна для самого Китая, который пытается сохранить и даже улучшить свои позиции по отношению к США.

В свою очередь, США рассматривают Вьетнам в качестве альтернативы Китаю для переноса производства американской продукции, что значительно удешевляет стоимость готовых товаров, создает дополнительные возможности для США по сдерживанию китайской экономики. Именно по этой причине США заинтересованы в построении более тесных торговых взаимоотношений с Вьетнамом, учитывая наличие в стране запасов редких металлов, так необходимых американским компаниям для производства полупроводников.

Австралия, Новая Зеландия, Индия и Россия для Вьетнама являются в большей степени рынками дешёвых природных ресурсов (уголь, руда, железо, удобрения, пшеница из Австралии и России), а также необходимой каждодневной потребительской продукции (например, фармацевтической продукции из Индии). При этом для России Вьетнам исторически является стратегическим рынком в Азии, с помощью которого возможно дальнейшее выстраивание логисти-

ческих и торговых связей между российским и азиатским деловыми сообществами.

Таким образом, можно сделать вывод, что Вьетнам стремится достичь устойчивого экономического роста за счет взаимодействия с развитыми странами, интересы которых порой являются диаметрально противоположными в рамках всей мировой системы. Данная стратегия может привести к дополнительному улучшению позиций вьетнамской экономики при условии сбалансированного подхода к каждому стратегическому торговому партнёру в отдельности, а при нарушении такового грозит большим уроном как показывает недавняя тарифная “агрессия” США против СРВ.

Список литературы

Волынский А.И. Френдшоринг: вызов или шанс для Вьетнама? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. № 4 (65). С. 204—213. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-204-213.

Киреева А.А. Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 6—25. DOI: 10.54631/VS.2021.54-6-25.

Мазырин В.М. Две системы, два пути развития экономики Вьетнама // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 131—148.

Мазырин В.М. (а). О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнёрства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148—161. DOI: 10.54631/VS.2021.54-148-161.

Мазырин В.М. Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 128—148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80253549>

Минсельхоз ждет роста экспорта сельхозпродукции во Вьетнам в 4 раза к 2030 году // Milk News. 03.04.2024. URL: <https://milknews.ru/index/minselhoz-apk-vietnam.html>

Мосяков Д. В. Россия и Вьетнам до и после санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. № 4 (57). С. 117—125. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-117-125.

Нгуен Мань Зунг. Комплексное исследование отношений Китая с соседними странами // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 86—89. DOI: 10.54631/VS.2022.64-117633.

Новикова Е.С., Нгуен Хью Фу, Ле Хоанг Ань. Торговое сотрудничество Вьетнама с Россией в текущих условиях глобальной турбулентности // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 25-36. DOI: 10.54631/VS.2023.74-567919.

Сафина С.С., Артамонова О.С. Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 118—130. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-3-118-130.

Тригубенко М.Е. Вьетнамская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. № 5 (139). С. 26—31.

Чернышенко назвал число вьетнамских студентов, учащихся в российских вузах // РИА Новости. 18.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240418/chernyshenko-1940759955.html>

Шпаковская М.А., Нгуен Тхи Нган Занг, Куклин Н. С. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: основа, содержание и принципы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 2 (43). С. 172—181.

Beeson M., Duong Hang, Taylor J. Comradely comparisons: China, Vietnam and the limits of learning // *Journal of International Relations and Development*. 2021. Vol. 24. P. 753—780. DOI: 10.1057/s41268-021-00211-5.

BRICS GDP outperforms global average, accounts for 40 % of world economy // *Brics Brasil* 2025. 02.05.2025. URL: <https://brics.br/en/news/brics-gdp-outperforms-global-average-accounts-for-40-of-world-economy> (дата обращения: 10.06.2025).

Chapman N. Mechanisms of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017. No. 36. P. 31—69.

Close to 22,000 International Students Studying in Vietnam // *Erudera*. 21.08.2024. URL: <https://erudera.com/news/close-to-22000-international-students-studying-in-vietnam/>

De Treglode B. Hanoi and Beijing: ambiguities of a strategic partnership // *Вьетнамские исследования*. 2019. № 2. С. 8—18. DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10011.

GDP per capita, current prices // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/VNM?zoom=VNM&highlight=VNM> (дата обращения: 10.06.2025).

Grossman D., Orner P. Tracking Chinese Perspectives of Vietnam's Relations with China and the United States // *Asia Policy*. 2021. Vol. 16. № 2. P. 104—127.

Le Lena, Hoang Khac Nam. Forging strategic partnership in the Indo—Pacific region: Vietnam's diplomatic direction // *Political Science*. 2021. No. 73(3). P. 270—289. DOI: 10.1080/00323187.2021.1957955.

Ministry of Planning and Investment Portal (MPI). URL: <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/2023-12-29/FDI-attraction-situation-in-Vietnam-and-Vietnam-s-fh2c25.aspx> (дата обращения: 30.03.2025).

Nguyen Hung Cuong. Vietnam — Russia Relations — 70 years of historical milestones // *Экономика и социум*. 2022. № 12-1 (103). С. 1220—1235. DOI: 10.46566/2225-1545_2022_1_103_1220.

Nguyen Khanh Van, Nguyen Xuan Trung. Vietnam and the United States: A Strategic Partnership in the Future? // *India Quarterly*. 2021. 77(2). P. 238—251. DOI: 10.1177/09749284211005034.

Nguyen Minh Trang, Tran Phuong Dung. Vietnam-the US relationship and effects on economic cooperation // *International Journal of Scientific Research and Management*. 2024. Vol. 12. No. 06. P. 6630—6640. DOI: 10.18535/ijstrm/v12i06.em07.

Nguyen Thanh Son, Wu Y. Vietnam's bilateral trade intensity: the role of China // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2023. 22(2). P. 183—204. DOI: 10.1080/14765284.2023.2206785.

Nguyen Thi Canh, Tran Hung Son. Economic development under reform and world integration and the main factors influencing the economic growth in Vietnam // *Science and Technology Development Journal*. 2011. № 14. P. 5—27. DOI:10.32508/stdj.v14i1.1872.

Pant H.V. India and Vietnam: a strategic partnership in the making // *Policy Brief*. 2018. P. 1—20. URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/04/PB180409_India-and-Vietnam.pdf

Pham Thi Huyen Trang, Tran Ngoc Dung. Developments of Vietnam's policies towards Australia after the Cold War // *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2024. Т. 7. № 4. P. 15—24. DOI: 10.54631/VS.2023.74-192531.

Policies to attract investment waves into the semiconductor chip industry needed // *Vietnam News*. 22.02.2024. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/1650742/policies-to-attract-investment-waves-into-the-semiconductor-chip-industry-needed.html>

Vietnam Country commercial guide. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/vietnam-education-and-training> (дата обращения: 02.04.2025).

Vietnam deepening friendship, cooperation with China // China Daily. 14.04.2025. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202504/14/WS67fcb02aa3104d9fd381f265.html#:~:text=Vietnam%20maintains%20its%20position%20as,and%20second%2Dlargest%20export%20market> (дата обращения: 10.06.2025).

Vietnam Population 1950—2025 // Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/vnm/vietnam/population> (дата обращения: 10.06.2025).

Zareba M. Rola współpracy wojskowej w relacjach wietnamsko-rosyjskich [Роль военного сотрудничества во вьетнамо-российских отношениях] // Eastern Review. 2022. 11(2). P. 51—66. DOI: 10.18778/1427-9657.11.16.

References

Beeson, M., Duong Hang, Taylor, J. (2021). Comradely comparisons: China, Vietnam and the limits of learning. *Journal of International Relations and Development*, 24: 753—780. DOI:10.1057/s41268-021-00211-5.

BRICS GDP outperforms global average, accounts for 40 % of world economy. *Brics Brasil 2025*. 02.05.2025. URL: <https://brics.br/en/news/brics-gdp-outperforms-global-average-accounts-for-40-of-world-economy>

Chapman, N. (2017). Mechanisms of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 36: 31—69.

Chernyshenko nazval chislo vietnamskih studentov, uchashchihsya v rossijskih vuzah [Chernyshenko named the number of Vietnamese students studying in Russian universities]. *RIA Novosti*, 18.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240418/chernyshenko-1940759955.html>. (In Russian)

Close to 22,000 International Students Studying in Vietnam. *Erudera*, 21.08.2024. URL: <https://erudera.com/news/close-to-22000-international-students-studying-in-vietnam/>

De Treglode, B. (2019). Hanoi and Beijing: ambiguities of a strategic partnership. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 2: 8—18. DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10011.

GDP per capita, current prices. *IMF*. Retrieved on 10.06.2025 from URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/VNM?zoom=VNM&highlight=VNM>

Grossman, D., Orner, P. (2021). Tracking Chinese Perspectives of Vietnam's Relations with China and the United States. *Asia Policy*, 16 (2): 104—127.

Kireeva, A.A. (2021). Japan — Vietnam Extensive Strategic Partnership: Interests and Constraints. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 6—25. DOI: 10.54631/VS.2021.54-6-25.

Le Lena, Hoang Khac Nam (2021). Forging strategic partnership in the Indo—Pacific region: Vietnam's diplomatic direction. *Political Science*, 73(3): 270—289. DOI: 10.1080/00323187.2021.1957955.

Mazyrin, V.M. (2021). Dve sistemy, dva puti razvitiya ekonomiki Vietnama [Two systems, two development paths of Vietnam's economy], in: *Nezavisimyj Vietnam: nacionalnye interesy i cennosti [Independent Vietnam: National interests and values]*. S. 131—148. (In Russian)

Mazyrin, V.M. (2021a). The State of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 148—161. DOI: 10.54631/VS.2021.54-148-161.

Mazyrin, V.M. (2024). Soglashenie o svobodnoj trgovle EAES s Vietnamom: ozhidaniya i realnost [The EAEU—Vietnam Free Trade Agreement: Expectations and Reality]. *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 17(3), 128—148. (In Russian)

Ministry of Planning and Investment. Retrieved on 30.03.2025 from URL: <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/2023-12-29/FDI-attraction-situation-in-Vietnam-and-Vietnam-s-fh2c25.aspx>

Minselhoz zhdet rosta eksporta selhozprodukcii vo Vietnam v 4 raza k 2030 godu [The Ministry of Agriculture expects agricultural exports to Vietnam to grow fourfold by 2030]. *Milk News*, 03.04.2024. URL: <https://milknews.ru/index/minselhoz-apk-vietnam.html>. (In Russian)

Mosyakov, D.V. (2022). Rossiya i Vietnam do i posle sankcij [Russia and Vietnam before and after sanctions] // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual problems of Development*], 4 (57): 117–125. (In Russian)

Nguyen Hung Cuong (2022). Vietnam — Russia Relations — 70 years of historical milestones. *Ekonomika i socium*, 12-1 (103): 1220–1235. DOI: 10.46566/2225-1545_2022_1_103_1220.

Nguyen Khanh Van, Nguyen Xuan Trung (2021). Vietnam and the United States: A Strategic Partnership in the Future? *India Quarterly*, 77(2): 238–251. DOI: 10.1177/09749284211005034.

Nguyen Manh Dung (2022). Comprehensive Research on China's Land Border Relations with Neighboring Countries. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6 (4): 86–89. DOI: 10.54631/VS.2022.64-117633.

Nguyen Minh Trang, Tran Phuong Dung (2024). Vietnam — the US relationship and effects on economic cooperation. *International Journal of Scientific Research and Management*, 12 (6): 6630–6640. DOI: 10.18535/ijstrm/v12i06.em07.

Nguyen Thanh Son, Wu Y. (2023). Vietnam's bilateral trade intensity: the role of China. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 22(2): 183–204. DOI: 10.1080/14765284.2023.2206785.

Nguyen Thi Canh, Tran Hung Son (2011). Economic development under reform and world integration and the main factors influencing the economic growth in Vietnam. *Science and Technology Development Journal*, 14: 5–27. DOI: 10.32508/stdj.v14i1.1872.

Novikova, E.S., Nguyen Huu Phu, Le Hoang Anh (2023). The Trading Cooperation of Vietnam with Russia under the Current Global Turbulence. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 25–36. DOI: 10.54631/VS.2023.74-567919.

Pant, H.V. (2018). India and Vietnam: a strategic partnership in the making. *Policy Brief*: 1–20. URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/04/PB180409_India-and-Vietnam.pdf

Pham Thi Huyen Trang, Tran Ngoc Dung (2024). Developments of Vietnam's policies towards Australia after the Cold War. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 15–24. DOI: 10.54631/VS.2023.74-192531.

Policies to attract investment waves into the semiconductor chip industry needed // VietnamNews. 22.02.2024. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/1650742/policies-to-attract-investment-waves-into-the-semiconductor-chip-industry-needed.html>

Safina, S.S., Artamonova, O.S. (2024). Opyt Vietnama v formirovanii i razvitii specialnyh ekonomicheskikh zon [Vietnam's experience in the formation and development of special economic zones]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [*Management consulting*], 3 (183): 118–130. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-3-118-130. (In Russian)

Shpakovskaya, M.A., Nguyen Thi Ngan Dang, Kuklin, N.S. (2019). Vseob'emlyushchee strategicheskoe partnerstvo Socialisticheskoy Respubliki Vietnam i Rossijskoj Federacii: osnova, sodержanie i principy. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual problems of Development*], 2 (43): 172–181. (In Russian)

Trigubenko, M.E. (2017). Vietnamskaya ekonomika segodnya: dostizheniya i problemy [Vietnamese Economy Today: Achievements and Problems]. *Ekonomika i upravlenie* [*Economy and Management*], 5 (139): 26–31. (In Russian)

Vietnam Country commercial guide. Retrieved on 02.04.2025 from URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/vietnam-education-and-training>

Vietnam deepening friendship, cooperation with China // China Daily. 14.04.2025. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202504/14/WS67fcb02aa3104d9fd381f265.html#:~:text=Vietnam%20main%20its%20position%20as,and%20second%20largest%20export%20market>

Vietnam Population 1950—2025. Macrotrends. Retrieved on 10.06.2025 from URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/vnm/vietnam/population>

Volynskij, A.I. (2024). Friendshoring: vyzov ili shans dlya Vietnama? *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual problems of Development*], 4 (65): 204—213. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-204-213. (In Russian)

Zareba, M. (2022). Rola współpracy wojskowej w relacjach wietnamsko-rosyjskich [Role of military cooperation in Vietnam-Russia relations]. *Eastern Review*, 11(2): 51—66. DOI: 10.18778/1427-9657.11.16. (In Polish)

Дата поступления статьи: 23.09.2024

Дата поступления в переработанном виде: 30.03.2025

Принята к печати: 13.06.2025

Received: September 23, 2024

Received in revised form: March 30, 2025

Accepted: June 13, 2025

Е.С. Бурова

Торговля аграрной продукцией между Вьетнамом и Камбоджей: рост зависимости или взаимовыгоды?

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики и структуры торговли сельскохозяйственной продукцией между Вьетнамом и Камбоджей, которая за последние десятилетия превратилась в важный элемент экономического взаимодействия двух стран. Вьетнам, являясь крупнейшим импортером камбоджийской аграрной продукции, играет ключевую роль в формировании спроса и направлении развития сельского хозяйства Камбоджи. Основное внимание уделено таким товарным группам, как каучук, кешью и рис, которые составляют значительную долю в двустороннем товарообороте. Отмечается, что Камбоджа, поставляя сырье во Вьетнам, теряет значительную часть добавленной стоимости, что усиливает ее зависимость от вьетнамского рынка. В то же время Вьетнам, используя камбоджийское сырье для переработки и экспорта, укрепляет свои позиции на мировом рынке. Подчеркивается, что, несмотря на взаимовыгодный характер сотрудничества, Камбоджа рискует превратиться в сырьевой придаток Вьетнама, что делает её экономику уязвимой к изменениям вьетнамской аграрной политики. Автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие аграрного сотрудничества между двумя странами требует баланса между интересами Вьетнама и необходимостью укрепления перерабатывающих мощностей в Камбодже для снижения зависимости от экспорта сырья.

Ключевые слова: Камбоджа, Вьетнам, торговое сотрудничество, международная торговля, аграрная продукция, аграрный сектор, инвестиции, АПК.

Автор: Бурова Елена Сергеевна, с. н. с., Институт Китая и современной Азии РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. ORCID: 0000-0003-1047-2573.
E-mail: burova@iccaras.ru

Для цитирования: Бурова Е.С. Торговля аграрной продукцией между Вьетнамом и Камбоджей: рост зависимости или взаимовыгоды? // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 48—64.

Elena S. Burova

The Trade in Agricultural Products between Vietnam and Cambodia: Growth of Dependence or Mutual Benefit?

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the dynamics and structure of agricultural trade between Vietnam and Cambodia, which has become an important element of economic interaction between the two countries over the past decades. Vietnam, as the largest importer of Cambodian agricultural products, plays a key role in shaping the demand and development directions of Cambodia's agriculture. The focus is on commodity groups such as rubber, cashews, and rice, which constitute a significant share of bilateral trade. It is noted that Cambodia, by supplying raw materials to Vietnam, loses a substantial part of the added value, which enhances its dependence on

the Vietnamese market. At the same time, Vietnam, by using Cambodian raw materials for processing and export, strengthens its position in the global market. It is emphasized that despite the mutually beneficial nature of cooperation, Cambodia risks becoming a raw material appendage of Vietnam, which makes its economy vulnerable to changes in Vietnamese agricultural policy. The author concludes that the further development of agricultural cooperation between the two countries requires a balance between Vietnam's interests and the necessity of strengthening processing capacities in Cambodia to reduce dependence on raw material exports.

Keywords: Cambodia, Vietnam, trade cooperation, international trade, agricultural products, agricultural sector, investment, agro-industrial complex.

Author: Burova Elena S., Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Centre for Vietnam and ASEAN Studies. ORCID: 0000-0003-1047-2573. E-mail: burova@iccaras.ru

For citation: Burova, E.S. (2025). The Trade in Agricultural Products Between Vietnam and Cambodia: Growth of Dependence or Mutual Benefit? // *The Russian journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 48–64.

Введение

За последние три десятилетия Вьетнам достиг впечатляющего роста производства и экспорта в аграрном секторе экономики, превратившись из импортёра продовольствия в мирового экспортёра сельскохозяйственной продукции и сырья. Страна обладает большим потенциалом для сельскохозяйственного производства. Расположенная по соседству Камбоджа (рис. 1) также добилась существенных успехов на поприще расширения аграрного производства и экспорта сельскохозяйственной продукции.

Как во Вьетнаме, так и в Камбодже аграрный сектор играет ключевую роль в развитии обеих стран. От него напрямую зависит обеспечение продовольственной безопасности и, как следствие, внутренней стабильности. Он обеспечивает поставки на внешние рынки и, соответственно, рост доходов, демонстрируя положительную динамику и расширяя географию торговли. В последние годы во Вьетнаме эта тенденция наиболее заметна.

По мере увеличения спроса и appetites вьетнамского рынка в Камбодже происходит концентрация торговых потоков аграрной продукции, ориентированных преимущественно на вьетнамский рынок. В результате Вьетнам превратился в главного импортёра камбоджийской сельскохозяйственной продукции, оказывая существенное влияние на развитие аграрного сектора и задавая тренды в нём, а также увеличивая уязвимость и зависимость соседней страны от вьетнамской аграрной политики и спроса [Thuy Dung 2021]. В то же время Камбоджа стала крупнейшим поставщиком аграрной продукции на вьетнамский рынок, внося существенный вклад в удовлетворение внутреннего спроса населения, а также укрепляя экспортные позиции Вьетнама на мировой арене [Tam An 2023].

Обе страны динамично расширяют сотрудничество в аграрной сфере, углубляя интеграцию и наращивая взаимосвязанность и взаимозависимость. Этот процесс в определенной степени носит двойственный характер, создавая как

Рис. 1. Карта Камбоджи и Вьетнама.

Источник: URL: <https://cambodiatravel.com/best-time-to-visit-vietnam-and-cambodia/>

преимущества для развития аграрных территорий и повышения качества жизни населения, так и определённые риски, в первую очередь, для Камбоджи. В частности, она рискует превратиться в сырьевой придаток Вьетнама (если этого ещё не произошло). Именно поэтому анализ основных тенденций развития рынков продовольствия по обе стороны границы является крайне важным и актуальным. Актуализирует исследование по данной проблематике и влияние соседних аграрных рынков на социально-экономическое развитие двух стран, возможность повышения уровня жизни населения и обеспечения продовольственной безопасности.

Вместе с тем данная тема мало изучена. Несмотря на свою актуальность, работ, посвящённых камбоджийско-вьетнамским отношениям, не так много. В основном, они затрагивают внешнеполитические, а не экономические аспекты взаимодействия [Kry Suyheang, Chy Terith 2018; Nguyen Vu Tung 2018; Kimkong Heng 2022]. Среди последних значительное внимание уделяется торговым отношениям и инвестициям. Исследования показывают, что на протяжении последних двух десятилетий экономическая составляющая стала краеугольным камнем двусторонних отношений [Бурова, Мазырин 2023]. Расширение торговли между странами способствует развитию их экономик, укрепляет экспортный потенциал, углубляет интеграцию и удовлетворяет потребности населения. Исследователи отмечают, что вьетнамские инвестиции играют важную роль в создании инфраструктуры и рабочих мест в Камбодже. Однако вместе с положительными аспектами сотрудничества возникают и отрицательные, такие как неравенство торговых потоков и растущая зависимость [Там же].

Есть отдельные работы, посвящённые и торговле сельскохозяйственной продукцией, которые подчёркивают высокий потенциал аграрного сектора Камбоджи, ограниченный ориентацией на вьетнамский рынок. В то время как Вьетнам перерабатывает камбоджийские товары в продукцию с более высокой добавленной стоимостью, Камбоджа сталкивается со стагнацией доходов агропроизводителей и ограниченным доступом к технологиям [Mom Mit, Prom Thary, Meas Somica 2025].

Принимая во внимание позиции риса в товарообмене между странами, немалый интерес вызывает проблематика торговли рисом и её воздействие на развитие сопредельных территорий. Так, вьетнамскими экспертами были исследованы тенденции производства и сбыта риса в приграничных провинциях, торговые потоки, а также паттерны потребления [Dao The Anh, Thai Van Tinh 2020]. Камбоджийские и китайские ученые изучали потенциал для расширения торговли не только с Вьетнамом, но и другими странами субрегиона Большого Меконга [Vin Sareth, Xu Shiwei, Yuwen 2014].

Тенденции взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией

В последние годы обе страны существенно нарастили позиции друг друга во внешней торговле. В 2023 г. Вьетнам превратился в третьего торгового партнёра Камбоджи в мире, уступая лишь КНР и США. Позиции Камбоджи во вьетнам-

ском внешнеторговом комплексе скромнее — она идет пятнадцатой среди торговых партнеров Вьетнама [ASEANSTATS: 23.02.2025].

При анализе структуры взаимной торговли по степени обработки выявляется преобладание сырьевого экспорта из Камбоджи во Вьетнам, что явно говорит о превращении первой в сырьевой придаток второго. До 2021 г. доля сырья в структуре камбоджийских поставок достигала 86 %, но затем произошло существенное сокращение — до 60 %. Сырьевой экспорт из Камбоджи представлен, прежде всего, сельскохозяйственными продуктами. Доля последних достигает 98 % сырьевых поставок во Вьетнам [FAOSTAT: 21.02.2025].

Аграрная продукция традиционно занимает весомые позиции в структуре взаимной торговли. На неё приходится 34 % всего товарооборота между странами. Столь внушительный и нарастающий вклад в двустороннюю торговлю данной товарной группы объясняется наличием у неё выявленных сравнительных преимуществ, показатели которых имеют тенденцию к росту. Так, индекс такого преимущества для камбоджийского сельскохозяйственного сырья возрос с 6,97 до 8,27 в 2015—2021 гг. [The World Integrated Trade Solution: 25.02.2025]

В 2010—2023 гг. торговля сельскохозяйственной продукцией росла быстрыми темпами — на 21 % в год. В итоге объёмы двусторонних поставок возросли более чем в 10 раз — с 280 млн до 3 043 млрд долл. США (рис. 2).

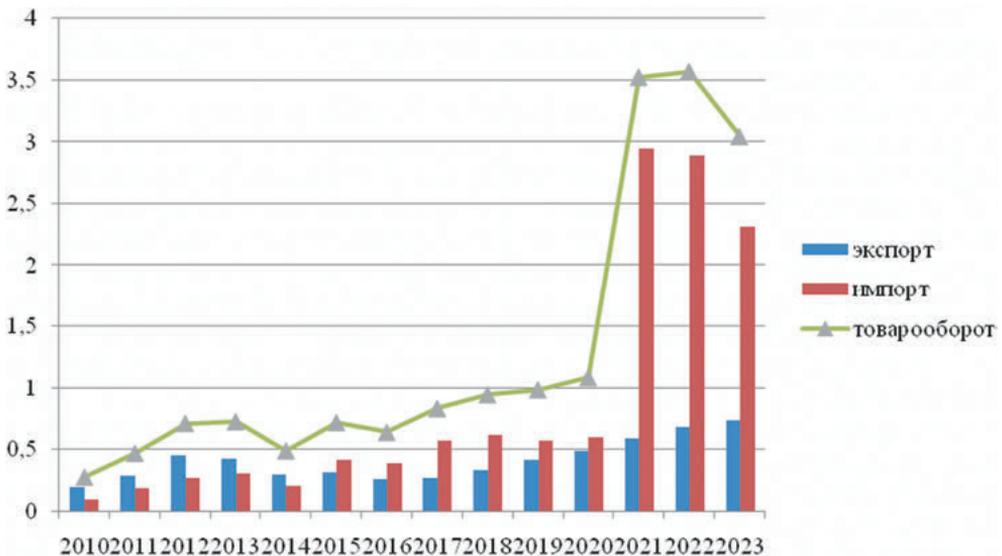

Рис. 2. Динамика торговли сельскохозяйственной продукцией между Вьетнамом и Камбоджей (млрд долл. США).

Источник: ASEANSTATS (дата обращения: 23.02.2025).

В структуре двусторонней торговли эта категория в меньшей степени подвержена колебаниям, хотя в 2014 и 2016 гг. наблюдалось сокращение объёмов торговли, вызванное не только конъюнктурными, но и политическими факторами. Дело в том, что в этот период на отношения двух стран стал всё сильнее вли-

ять Китай. Усиление влияния Китая в Камбодже и его активная экономическая поддержка и в предыдущие годы серьёзно беспокоили Вьетнам, однако подстраивание камбоджийцев на саммите АСЕАН в 2012 г. под внешние интересы Китая вызвало ещё большее раздражение Ханоя. В 2012—2014 гг. наблюдалось охлаждение отношений, существенное сокращение визитов официальных лиц, ослабление инвестиционных и торговых потоков. Определённый разлад в отношении в эти годы внесли и массовые протесты камбоджийской оппозиции, традиционно использующей антивьетнамскую риторику. Например, в 2014 г. во время камбоджийско-вьетнамского инвестиционного форума в Пномпене проходили массовые выступления, в ходе которых пострадал и вьетнамский бизнес [Wallace, Vannarin 2014].

В 2023 г. также наблюдалось сокращение взаимной торговли аграрной продукцией, которое составило 15 % и произошло за счет снижения импорта из Камбоджи. Это вызвано, в первую очередь, падением цен на каучук на мировых рынках и, соответственно, уменьшением камбоджийских поставок данной товарной группы на вьетнамский рынок в стоимостном выражении.

До 2015 г. взаимная торговля носила относительно сбалансированный характер или же сводилась с профицитом в пользу Вьетнама. Затем наметился обратный тренд, и Вьетнам превратился в импортера камбоджийской аграрной продукции. Это объясняется рядом причин. Во-первых, развитие обработки сельскохозяйственного сырья и пищевкусовой промышленности в Камбодже началось лишь в 2010-х годах с активным притоком китайского капитала, в первую очередь, в рисоочистительную индустрию. До этого Камбоджа вынуждена была отправлять на международные рынки сельскохозяйственное сырье в необработанном виде, а затем закупать переработанную продукцию для удовлетворения нужд населения. Во-вторых, возрастающие закупки вьетнамских компаний объясняются также ставкой Вьетнама на её аккумуляцию из соседних стран с целью переработки и вывоза на мировой рынок в виде собственной продукции. Хотя в последние годы Камбоджа активно старается привлекать инвестиции в эту отрасль, тем не менее она не поспевает за ростом производства сырья. Ввоз и концентрация вьетнамского капитала в аграрном секторе Камбоджи также служат существенным фактором роста камбоджийских поставок на соседний рынок. В 2022 г. Вьетнам аккумулировал 80 % всех поставок АПК Камбоджи и стал крупнейшим рынком для камбоджийской сельскохозяйственной продукции в мире [Thuy Dung 2021].

В то же время Камбоджа является важнейшим поставщиком аграрного сырья во Вьетнам, заняв первую строчку в списке в 2022 г. В 2022 г. Камбоджа поставила на вьетнамский рынок 96—99 % всего объема своего экспорта кешью, перца и бобовых, и оттуда после переработки эта продукция отправилась в третьи страны. При этом она продаётся под вьетнамскими торговыми марками, что лишает Камбоджу рекламы и прибыли: она «теряет» большую часть добавленной стоимости товаров. Так, например, по нашим оценкам, порядка 4 % черного перца, 14 % бананов в экспортных поставках Вьетнама составляла камбоджийская продукция [FAOSTAT : 21.02.2025].

Кажется, что такое положение вещей вполне устраивает камбоджийскую сторону [Mom Kunthea 2025]. В риторике властей преобладает положительная ха-

рактеристика и констатация достижений взаимной торговли. Однако негативная риторика в адрес Вьетнама всегда опасна в Камбодже из-за наличия традиционных антивьетнамских настроений в обществе. В кулуарных разговорах всё же звучит озабоченность из-за явных дисбалансов. Власти стремятся усилить переработку сельхозпродукции, чтобы снизить зависимость и повысить конкурентоспособность на региональном и мировом рынках.

Торговля каучуком

Вьетнам занимает видные позиции в производстве и торговле каучуком, расположившись на 5-м месте по площадям земель под гевеей и на 3-м месте среди мировых производителей [Top 15 Natural Rubber Exporters: 14.12.2016]. В 2010—2022 гг. страна наращивала производство в среднем на 5 % в год, увеличив его объем с 751 тыс. до 1,3 млн т. Экспортные поставки каучука возрастали на 7 % ежегодно, их стоимость увеличилась с 2,9 млрд до 6,5 млрд долл. США [FAOSTAT: 21.02.2025].

На рынке Вьетнама доминируют две компании — Vietnam Rubber Group (VRG) и Hoang Anh Gia Lai (HAGL). В силу ограниченности земельных ресурсов вьетнамский капитал устремился в соседнюю Камбоджу.

Крупнейший проект осуществляет госкорпорация VRG. Накопленный зарегистрированный объём инвестиций VRG составляет 1,175 млрд долл. США (40 % от всех вьетнамских инвестиций в Камбодже) [Statistical Yearbook of Vietnam 2021: 290]. Она занимает плантации площадью 90 тыс. га в провинциях Кратъех, Раттанакири, Кампонгтхом, Мондолкири, Сием Риап, Оддар Ментей и Преах Вихиа, что составляет 30 % от общих посадок гевеи в стране. VRG открыла шесть заводов по переработке латекса с этих плантаций. Госкорпорация создала более 20 тыс. рабочих мест для местного населения, построила школы, больницы, транспортную и логистическую инфраструктуру. Рабочие VRG получают от компании социальный пакет.

С притоком вьетнамского капитала в производство каучука в Камбодже увеличился и экспорт из страны на вьетнамский рынок — со 126 млн до 1,5 млрд долл. США в 2010—2022 гг. Возросли и позиции Камбоджи в импорте Вьетнама — с 10 % до 32 % [Там же].

В результате каучук стал крупнейшей статьёй аграрной торговли между странами, достигая 43 % в общем объёме. Торговля каучуком отмечена высокой динамикой. Так, в 2010—2022 гг. темпы её роста составили 28 %. Затем в 2023 г. наблюдалось существенное сокращение объёмов торговли — с 1,6 млрд до 922 млн долл. США, что было вызвано снижением цен на глобальном рынке [Там же].

За указанные годы возросла доля импортного каучука из Камбоджи в экспорте каучука из Вьетнама на мировые рынки — с 4 % до 14 %, что свидетельствует об увеличении роли первой в цепочках поставок второго [Там же].

Однако с вьетнамскими компаниями связан целый ряд земельных конфликтов, связанных с угрозой захвата ими камбоджийских земель. Неслучайно их называют «каучуковыми баронами» [Rubber Barons 2013]. Передача в руки этих

компаний обширных площадей в Камбодже привела к негативным последствиям для окружающей среды [Tatarski 2020]. Тесные связи с политическими и бизнес-элитами обеспечивают им безнаказанность, а сделки окутаны тайной.

Отсутствие прозрачности грозит подорвать и каучуковую отрасль Вьетнама, поскольку международные покупатели всё чаще требуют материал, произведённый с соблюдением строгих экологических и правовых стандартов, что препятствует расширению торговли каучуком. Более того, крупные ТНК, такие как Nike и Adidas, отдают приоритет закупкам каучука у производителей, сертифицированных Лесным попечительским советом (FSC)¹ (его сертификат — это золотой стандарт отрасли с точки зрения соответствия правовым и экологическим критериям).

Американская резиновая компания Yulex уже поставляет некоторые бренды одежды, производящиеся во Вьетнаме, но для этого она использует каучук, импортируемый с одобренных FSC плантаций в Шри-Ланке или Гватемале [Saun Turtonn 2021].

Таким образом, более серьёзные требования могут негативно отразиться на Вьетнаме и Камбодже ввиду их взаимосвязанности. Однако до тех пор, пока более половины вьетнамского каучука отправляется в Китай, где нет серьёзных барьеров с точки зрения соответствия стандартам, имеется существенный потенциал для наращивания торговли каучуком между странами.

Вьетнам торгует камбоджийским кешью

Вьетнам уже долгие годы удерживает позиции ведущего экспортера кешью в мире, неуклонно наращивая поставки данного вида продукции на мировые рынки. Однако при детальном рассмотрении торговых потоков кешью вырисовывается явная тенденция укрепления позиций реэкспорта, нежели собственного производства. Так, в 2010—2022 гг. производство кешью было подвержено существенным колебаниям, и его средние темпы роста не превышали 0,7 % (рис. 3). В то же время экспорт кешью из Вьетнама увеличивался на 13 % ежегодно. Ещё динамичнее страна наращивала импорт кешью — на 22 % [FAOSTAT: 21.02.2025], что безусловно сыграло ключевую роль в захвате и удержании позиций мирового экспортера.

Орехи кешью являются одной из ведущих товарных групп в структуре двусторонней торговли сельскохозяйственной продукцией. На них приходится 30 % всего товарооборота АПК. Вьетнам выступает нетто-импортером кешью из Камбоджи, наращивая закупки колоссальными темпами — 32 % ежегодно в период 2010—2023 гг. [Там же].

За последнее десятилетие в Камбодже наблюдался значительный рост производства кешью, он достиг 660 тыс. т в 2022 г., что вдвое превышает уровень Вьетнама [Там же]. В рассматриваемый период камбоджийские производители рас-

¹ Международная некоммерческая неправительственная организация, которая занимается продвижением ответственного управления лесами во всем мире.

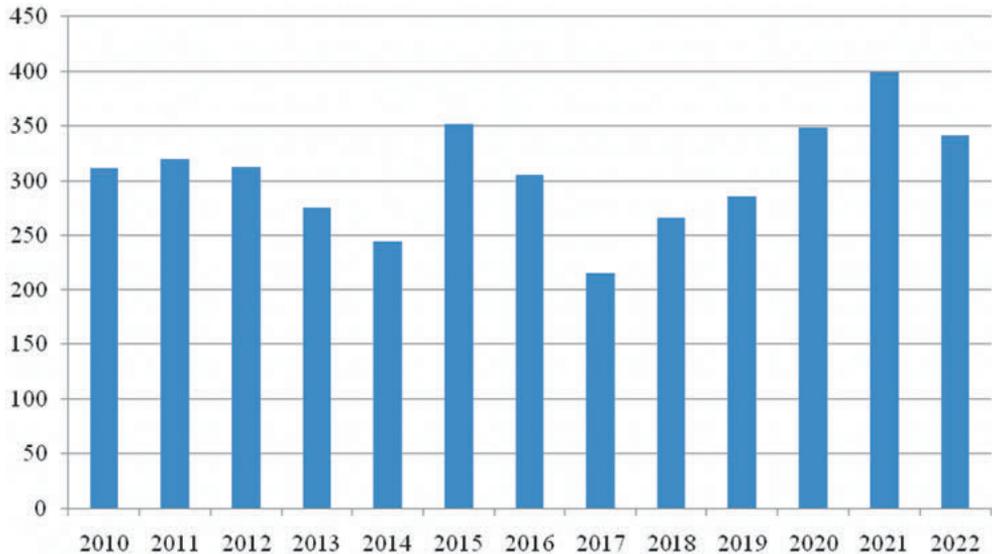

Рис. 3. Динамика производства кешью во Вьетнаме (тыс. т).

Источник: FAOSTAT (дата обращения: 21.02.2025).

ширяли площади под данной культурой и внедряли высокоурожайные сорта с целью увеличения продукции.

Производство кешью в Камбодже полностью ориентировано на вьетнамский рынок и получило развитие исключительно под воздействием возрастающего спроса соседа. Вьетнам является крупнейшим рынком сбыта камбоджийских орехов кешью, поглощая 98,5 % всех орехов, выращенных в этой стране [Thun Senghong 2023]. Одновременно Камбоджа выступает крупнейшим поставщиком кешью на вьетнамский рынок, загружая своим сырьем перерабатывающие мощности последнего и способствуя росту его экспорта на мировые рынки [Cambodia is Viet Nam's largest source...: 19.07.2024]. Об укреплении её позиций говорит рост доли камбоджийского импорта во вьетнамском экспорте кешью на мировые рынки — с 3 % до 30 %.

Таким образом, Камбоджа теряет миллионы долларов добавленной стоимости, будучи более крупным производителем, но поставляя сырьё своему соседу. Однако в ближайшем будущем она не намерена составлять конкуренцию Вьетнаму, о чём заявил глава Ассоциации производителей кешью в Камбодже [Pazo 2024]. К тому же в краткосрочной и среднесрочной перспективе мало шансов оппорить позиции Вьетнама на мировом рынке кешью. Перерабатывающие мощности, долгосрочные цепочки поставок, созданные вьетнамскими компаниями, и их финансовые ресурсы намного превышают камбоджийские.

Тем не менее на камбоджийский рынок приходят интересные инвестиционные проекты, которые потенциально могут кардинально изменить соотношение сил на мировом рынке кешью. Так, например, Корейский институт энергетических исследований обратился к Ассоциации производителей кешью в Камбодже

с предложением о сотрудничестве в переработке скорлупы кешью в биоэнергию и органические удобрения [Там же].

К сожалению, статистика и данные по инвестициям в производство орехов кешью в Камбодже отсутствуют, но можно предположить, что в нём участвует и вьетнамский капитал, позволяя снизить риски Вьетнама из-за недогрузки собственных производственных мощностей.

Рисовые потоки

Рис занимает существенные позиции в структуре взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией. По официальным данным, на него в среднем приходится 20 % поставок АПК [FAOSTAT: 21.02.2025]. Однако цифры статистических ведомств не отражают реальной картины. По признанию кхмерских экспертов, большая часть аграрного экспорта во Вьетнам не имеет должного оформления (полного декларирования), а часть поставляется вовсе нелегальным путем [Sar Socheath 2020]. Таким образом, доля риса в товарообмене между странами существенно выше официальных данных.

В последние годы укрепилась тенденция неуклонного и динамичного роста торговли рисом между странами (рис. 4). В период 2020—2023 гг. она увеличивалась колоссальными темпами — на 57 % ежегодно. Причём Вьетнам наращивал закупки камбоджийского риса более быстрыми темпами, которые составляли 89 % [FAOSTAT: 21.02.2025]. Таким образом, Камбоджа превратилась в ключевой импортный рынок риса для Вьетнама — на неё приходится 66 % всех рисовых закупок. В то же время Камбоджа увеличивала импорт вьетнамского риса в среднем на 30 % в год, сконцентрировав почти 30 % закупок на рынке Вьетнама [ASEANSTATS: 23.02.2025].

Любопытно отметить увеличение соотношения импорта риса из Камбоджи с его экспортом из Вьетнама на мировые рынки. Так, в рассматриваемые годы этот показатель возрос с 3 % до 13 %, свидетельствуя о повышении вклада камбоджийской продукции в укреплении экспортного потенциала и позиций Вьетнама.

Производство риса вносит значительный вклад в экономику Камбоджи в целом и юго-восточных провинций, граничащих с Вьетнамом, в частности. В дождливый сезон под рисом находится около 648 тыс. га, что составляет 22 % всех занятых в стране под ним площадей [អង្កេតកសិកម្មកម្ពុជាឆ្នាំ២០២៣. ខិត្តប័ណ្ណព័ត៌មាន 2024: 3]. Провинции Такео, Свай Риенг и Прея Венг формируют восточную рисовую чашу страны. Из-за определённого типа почв и климатических условий во влажный сезон здесь преобладает производство ароматного риса со средним (90—150 дней) и длительным сроком вегетации (более 150 дней). В сухой же сезон доминирует производство неароматного риса с коротким вегетационным периодом (до 90 дней). Подобная производственная структура рисоводства обусловлена нехваткой ирригационных сооружений в Камбодже.

Структура камбоджийского производства в приграничных районах определяется не столько внутренним, сколько вьетнамским спросом. И хотя, как ни парадоксально, по ту сторону границы располагается рисовая житница Вьетнама —

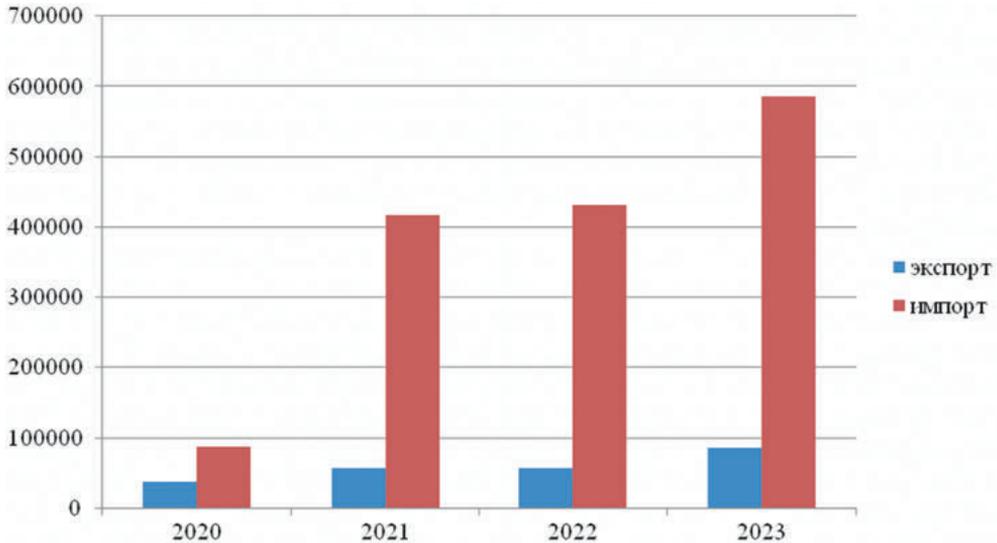

Рис. 4. Динамика торговли рисом между Вьетнамом и Камбоджей в 2020—2023 гг., млн долл. США.

Источник: ASEANSTATS (дата обращения: 23.02.2025).

дельта Меконга, в которой производится более половины всего риса страны и обеспечивается 90 % экспортных поставок, спрос на камбоджийский рис велик. На последний приходится 90 % потребления риса на юге Вьетнама [Dao The Anh, Thai Van Tinh 2020: 397].

Учитывая высокую плотность населения во Вьетнаме и аграрную перенаселённость, необходимость сбережения земли образовало детерминантные параметры развития аграрного сектора в целом и рисоводства в частности. Вьетнамскому сельскому хозяйству присуща высокая степень интенсификации с активным применением химических удобрений, пестицидов, гербицидов, использованием высокоурожайных сортов, а также неоднократным включением фактора плодородия почвы в производственный цикл. Таким образом, именно эти специфические черты обусловили выбор технологического способа производства и аграрной модели хозяйства.

В юго-западных провинциях СРВ культивируют высокоурожайные сорта риса с коротким сроком вегетации, урожайность которых достигает 7—9 т/га. Столь высокий уровень продуктивности земли обусловлен не только разнообразностью высокоурожайных сортов, но и чрезмерным использованием вводимых материальных ресурсов, способствующих увеличению выхода продукта. Вьетнамское рисоводство характеризуется окрепшей тенденцией «затратной» экономики, предопределяя высокую себестоимость продукции [Бурова 2021].

В то же время специализация Вьетнама на недорогом аграрном сырье с низким качеством определяют невысокую его стоимость. Высокоурожайные разновидности вьетнамского риса отличаются низким качеством и ценой. Тем не менее именно они являются основой вьетнамского экспорта в бедные страны.

Активное применение химических средств снижает качество вьетнамской продукции, безопасность которой настораживает местное население. И в структуре потребления оно отдает предпочтение ароматным сортам, культивируемым в соседних камбоджийских провинциях [Dao The Anh, Thai Van Tinh 2020].

С достижением продовольственной безопасности и неуклонным ростом производства риса в Камбодже увеличиваются и его излишки. В то же время плохо развитые обрабатывающие мощности не способны переработать весь выращенный излишек, а отсутствие складских помещений не позволяет его сохранить. Спрос на вьетнамском рынке становится «спасательным кругом» в производственной цепочке камбоджийских крестьян, способствуя росту их доходов.

Одновременно увеличение импорта риса из Камбоджи расширяет его предложение на вьетнамском рынке и, следовательно, увеличивает экспортный потенциал Вьетнама. Импорт камбоджийского риса также помогает удовлетворить спрос на более высококачественную продукцию. Во Вьетнаме имеется множество различных видов риса, и рис, импортированный из Камбоджи, внёс свой вклад в диверсификацию продуктов, доступных на вьетнамском рынке.

Большую часть импорта камбоджийского риса составляют ароматные сорта — 80—90 %. И лишь 10—20 % приходится на неароматные. Ароматный рис потребляется на внутреннем рынке, в то время как неароматный перерабатывается и реэкспортируется [Там же].

Во Вьетнаме также культивируются ароматные сорта для внутреннего производства. Однако потребители отмечают более высокое качество камбоджийского ароматного риса и его большую экологичность и предъявляют на него повышенный спрос. В городах Кантхо и Хошимин 50 % розничных магазинов реализуют рис из Камбоджи. Хотя его цена превышает вьетнамский, он является более конкурентоспособным продуктом по сравнению с ароматным рисом Вьетнама [FAOSTAT: 21.02.2025].

Что касается высокоурожайных сортов неароматного риса с коротким сроком вегетации, произведённых в Камбодже, то их качество, наоборот, значительно уступает вьетнамским, что сказывается на цене. Они отличаются более мелкими, меловыми и повреждёнными ядрами. Тем не менее более низкая стоимость позволяет перекупщикам получить большую прибыль, учитывая установленную правительством Вьетнама экспортную цену, ниже которой рис не продается за рубеж.

Спрос на неароматный камбоджийский рис более стабилен, что связано с экспортной направленностью торговли этой разновидностью. Хотя цена может незначительно колебаться в зависимости от сезона, во Вьетнаме всегда есть спрос на этот сорт. Несмотря на низкую стоимость, высокий урожай может обеспечить больший доход, чем другие сорта. Камбоджийские хозяйства заимствуют у вьетнамских торговцев удобрения и пестициды в залог будущего урожая под весьма внушительные проценты — 2 % ежемесячно [Dao The Anh, Thai Van Tinh 2020].

Часть крестьянских хозяйств подписывает с торговцами контракты с фиксацией цены до начала производственного цикла. Другая же часть имеет устную

договоренность с трейдерами, согласуя цену с соседними производителями. Последние, как правило, остаются неудовлетворенными ценой.

Существенными фактором, расширяющим вьетнамский спрос на камбоджийский рис, являются различия в технологиях производства и сортах, в результате чего сбор урожая во Вьетнаме происходит на 1—2 месяца раньше, чем в Камбодже. За счёт этого вьетнамские рисоочистительные предприятия дополнительно загружают свои мощности в «невысокий» период для вьетнамского рисоводства и «высокий» для камбоджийского, обеспечивая себе дополнительные доходы.

Рост импорта камбоджийского риса во Вьетнам также связан со сдачей в аренду камбоджийских земель вьетнамским производителям. Наличие свободных земель в соседних провинциях привлекает в производство соседей. Любопытно отметить, что большая часть вьетнамских производителей в Камбодже раньше была торговцами, которые работали в приграничных районах и нашли свободные земли [Там же: 402]. Вся производимая вьетнамцами продукция отправляется на вьетнамский рынок, увеличивая поставки в пограничные районы.

Импорт из Камбоджи способствовал развитию вьетнамской экономики в целом, внося свой вклад в общенациональный экспорт и предложение. Однако он оказывал положительное воздействие лишь на определённые звенья производственно-сбытовой цепочки — скупщиков, рисоочистительные предприятия, торговцев, потребителей и экспортёров, одновременно поставив в сложное положение вьетнамских производителей и усугубив ценовую политику на их продукцию.

Увеличение импорта из Камбоджи привело к существенному снижению внутренних цен, что негативно сказалось на и без того невысоких доходах вьетнамских хозяйств, выращивающих рис в приграничных районах. Принимая во внимание более низкую стоимость высокоурожайного камбоджийского риса, большинство скупщиков торгуют камбоджийским рисом, потому что он даёт большую прибыль. Многие вьетнамские фермеры не могут продать свой рис по внутренним ценам из-за конкуренции со стороны камбоджийской продукции. Что касается ароматных сортов, то они более конкурентоспособны, нежели вьетнамские аналоги.

До 2015 г. в аграрной политике Вьетнама приоритет отдавался производству риса с упором на повышение количества и урожайности, что и обусловило доминирующую роль высокоурожайных низкокачественных разновидностей риса в структуре производства. Вьетнам стал одним из ведущих экспортёров риса в мире и занял свою нишу на международных рынках. Однако в последние годы вьетнамское рисоводство функционирует на пределе своих возможностей, демонстрируя низкую эффективность и высокую «затратность». Ситуация усугубляется обострившимися экологическими проблемами и климатическими изменениями, вызванными в определённой степени высокой интенсификацией хозяйства. «Тупиковость» аграрной модели и усиливающиеся кризисные явления в ней, в том числе за счёт камбоджийского импорта, заставляют переосмыслить вектор развития рисоводства. Именно поэтому вьетнамское правительство подчёркивает необходимость поступательного перехода от дешёвых низкокаче-

ственных, но высокоурожайных сортов риса к дорогим его разновидностям, сме-
ны приоритета с количества на качество.

Изменения в аграрной политике Вьетнама могут повлечь за собой серьёзные
последствия для камбоджийских производителей риса в юго-восточных провин-
циях. Спрос на гарантированном рынке сбыта является существенным стимулом
производства. Его отсутствие вкупе с неразвитостью местных обрабатывающих
мощностей и их неспособностью поглотить производственный излишек при-
ведёт к резкому снижению доходов крестьянских хозяйств и, как следствие, вы-
толкнет их из аграрного сектора в поисках новых источников доходов вне сель-
ского хозяйства.

Столь сильная зависимость жителей юго-восточных провинций от вьетнам-
ского рынка заставляет камбоджийское правительство задуматься о привлечении
и поощрении инвестиций в перерабатывающие мощности страны. Ведь большая
часть риса экспортируется во Вьетнам в необработанном виде, к тому же по не-
официальным каналам. А нелегальный экспорт необрушенного ароматного
риса, занявшего ниши на премиальных рынках в высоком стоимостном сегмен-
те, является колоссальной потерей прибыли как для хозяйств, так и для страны в
целом.

Заключение

Торговое сотрудничество Камбоджи и Вьетнама в аграрной сфере динамич-
но развивается и оказывает положительное воздействие на прогресс экономики
обеих стран. Увеличение двустороннего товарообмена способствует не только
удовлетворению потребностей населения, расширению рынка сбыта продукции,
но и укреплению экспортного потенциала Камбоджи и Вьетнама на мировом
рынке, причём второго за счет первой. Также в последние годы наблюдается рост
внутриотраслевой торговли, что свидетельствует о начале вертикальной интегра-
ции с учётом выявленных сравнительных преимуществ. Немаловажную роль иг-
рает и реализация Вьетнамом инвестиционных проектов, которые занимают пус-
тующие ниши, создают необходимую инфраструктуру, вносят весомый вклад в
социально-экономическое развитие, стимулируют рост бюджетных поступле-
ний, а также создают рабочие места в Камбодже. На сегодняшний день взаимо-
действие двух стран в этой отрасли выглядит взаимовыгодным.

Вместе с тем усиливается риск превращения Камбоджи в сырьевой придаток
Вьетнама. С одной стороны, она продаёт свою продукцию, для переработки ко-
торой не обладает нужными производственными мощностями. С другой сторо-
ны, Камбоджа теряет добавленную стоимость, поставляя в основном сырьё. Бо-
лее того, возрастает зависимость от вьетнамского спроса и политики, что делает
аграрный сектор Камбоджи более уязвимым к внешним шокам.

Утешительным и балансирующим моментом для Камбоджи выступает рост
зависимости и самого Вьетнама от камбоджийской аграрной продукции. И тут
встает вопрос, какая из двух стран подвержена большему риску? В случае увели-
чения внешних инвестиций в обрабатывающую промышленность Камбоджи из

третьих стран Вьетнам рискует потерять крупнейшего поставщика целого ряда видов сельскохозяйственного сырья и, как следствие, утратить свои лидирующие позиции.

Список литературы

Бурова Е.С. Аграрный сектор Вьетнама на перепутье дорог: достижения, проблемы и перспективы // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 100—115. DOI: 10.24412/cl-36362-2021-1-100-115.

Бурова Е.С., Мазырин В.М. Торгово-инвестиционное сотрудничество Камбоджи и Вьетнама: видимые успехи и скрытые проблемы // Международная экономика. 2023. № 11. DOI: 10.33920/vne-04-2311-02.

ASEANSTATS. URL: <https://data.aseanstats.org> (дата обращения: 23.02.2025)

Cambodia is Viet Nam's largest source of cashew nuts // Viet Nam News. 19.07.2024. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/1659566/cambodia-is-viet-nam-s-largest-source-of-cashew-nuts.html>

Dao The Anh, Thai Van Tinh. The Cross Border Trade in Rice from Cambodia to Vietnam // White Gold. The Commercialization of Rice Farming in the Lower Mekong Basin. Singapore, 2020.

FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> (дата обращения: 21.02.2025).

Kimkong Heng. Cambodia-Vietnam Relations: Key Issues and the Way Forward. ISEAS Perspective. Singapore, 2022.

Kry Suyheang, Chy Terith. Cambodia's relations with Vietnam: prospects and challenges // Cambodia's Foreign Relations in Regional and Global Contexts. Phnom Penh: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2018.

Mom Kunthea. CCC seeks support for increase in agricultural exports to Vietnam // Khmer Times. 20.03.2025. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501656819/ccc-seeks-support-for-increase-in-agricultural-exports-to-vietnam/>

Mom Mit, Prom Thary, Meas Somica. Cambodia struggles to harvest its agricultural potential while Vietnam reaps the benefits // EastAsiaForum. 28.02.2025. URL: <https://eastasiaforum.org/2025/02/28/cambodia-struggles-to-harvest-its-agricultural-potential-while-vietnam-reaps-the-benefits/>

Nguyen Vu Tung. Vietnam-Cambodia Relations: An Analysis from a Vietnamese Perspective // Cambodia's Foreign Relations in Regional and Global Contexts. Phnom Penh: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2018.

Pazo J.P. Kingdom emerges biggest supplier of raw cashew nuts to Vietnam // Khmer Times. 09.07.2024. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501519482/kingdom-emerges-biggest-supplier-of-raw-cashew-nuts-to-vietnam/>

Rubber Barons // Global Witness. 2013. URL: <https://cdn2.globalwitness.org/archive/files/library/rubberbaronssummaryenglish.doc.pdf>

Sar Socheath. Paddy rice exports increase to Vietnam // Khmer Times. 15.11.2020. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50783000/paddy-rice-exports-increase-to-vietnam/>

Shaun Turtonn. Vietnam's rubber industry faces pressure to meet global standards // Nikkei Asia. 11.10.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Markets/Commodities/Vietnam-s-rubber-industry-faces-pressure-to-meet-global-standards#:~:text=Vietnamese%20customs%20data%20shows%20that%2050%20times%20larger%20than%202019.>

Statistical Yearbook of Vietnam 2021. Hanoi: Statistical Publishing House, 2022.

Tam An. Cambodia becomes major agricultural product supplier to Vietnam // VietnamNet. 21.02.2023. URL: <https://vietnamnet.vn/en/cambodia-becomes-major-agricultural-product-supplier-to-vietnam-2112042.html>

Tatarski M. Vietnamese agribusiness firm HAGL accused of clearing indigenous land in Cambodia // Mongabay. 15.06.2020. URL: <https://news.mongabay.com/2020/06/vietnamese-agribusiness-firm-hagl-accused-of-clearing-indigenous-land-in-cambodia/>

Thun Senghong. Cambodia's cashew sales to Vietnam top \$1 billion // Cambodianess. 08.02.2023. URL: <https://cambodianess.com/article/cambodias-cashew-sales-to-vietnam-top-1-billion>

Thuy Dung. Viet Nam becomes biggest importer of Cambodia's farm products // Viet Nam Government News. 19.10.2021. URL: <https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-becomes-biggest-importer-of-cambodias-farm-products-11142512.htm>

Top 15 Natural Rubber Exporters // InTradeFairs. 14.12.2016. URL: <https://intradefairs.com/news/top-15-natural-rubber-exporters>

Vin Sareth, Xu Shiwei, Yuwen. Rice trade between Cambodia and the Greater Mekong sub-region: Thailand, Vietnam and China // International Journal of Agricultural Science and Research (IJASR). Vol. 4. Issue 6. Dec 2014. P. 147—154.

Wallace J., Vannarin N. Cambodia protests unmask anti-Vietnam views // Aljazeera. 24.01.2014. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2014/1/24/cambodia-protests-unmask-anti-vietnam-views>

អង្គការសិក្សាស្រាវជ្រាវកម្ពុជា [Камбоджийское сельскохозяйственное обозрение. 2023]. វិទ្យាស្ថានជាតិស្ថិតិ, 2024. URL: https://www.nis.gov.kh/nis/CAS/2023/CAS2023_Statistical_Release_KH.pdf. (дата обращения: 21.01.2025). (На кхм. яз.)

References

ASEANSTATS. Retrieved on 23.02.2025 from URL: <https://data.aseanstats.org>

Burova, E.S. (2021). Agrarnyi sektor Vitnama na perepytye dorog: dostijenia, problemy i perspektivy [Vietnam,s agricultural sector at a crossroads: achievements, challenges and prospects], in: *Nezavisimyi Vietnam: natsionalnye interesy i isennosty [Independent Vietnam: national interests and values]*. M.: IDV RAN, 100—115. DOI: 10.24412/cl-36362-2021-1-100-115. (In Russian)

Burova, E.S., Mazyrin, V.M. (2023). Torgovo-investicionnoe sotrudnichestvo Kambodzhi i Vietnam: vidimye uspekhi i skrytye problemy [Trade and investment cooperation between Cambodia and Vietnam: visible successes and hidden problems]. *Mezhdunarodnaya ekonomika [International Economics]*, 11. DOI:10.33920/vne-04-2311-02

Cambodia is Viet Nam's largest source of cashew nuts (2024). *Viet Nam News*, July 19. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/1659566/cambodia-is-viet-nam-s-largest-source-of-cashew-nuts.html>

Dao The Anh, Thai Van Tinh (2020). The Cross Border Trade in Rice from Cambodia to Vietnam, in: *White Gold. The Commercialization of Rice Farming in the Lower Mekong Basin*. Singapore.

FAOSTAT. Retrieved on 21.02.2025 from URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> 21.02.2025

Kimkong Heng (2022). *Cambodia-Vietnam Relations: Key Issues and the Way Forward*. Singapore: ISEAS Perspective.

Kry Suyheang, Chy Terith (2018). Cambodia's relations with Vietnam: prospects and challenges, in: *Cambodia's Foreign Relations in Regional and Global Contexts*. Phnom Penh: Konrad-Adenauer-Stiftung.

Mom Kunthea (2025). CCC seeks support for increase in agricultural exports to Vietnam. *Khmer Times*, March 20. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501656819/ccc-seeks-support-for-increase-in-agricultural-exports-to-vietnam/>

Mom Mit, Prom Thary, Meas Somica (2025). Cambodia struggles to harvest its agricultural potential while Vietnam reaps the benefits. *EastAsiaForum*, February 28. URL: <https://eastasiaforum.org/2025/02/28/cambodia-struggles-to-harvest-its-agricultural-potential-while-vietnam-reaps-the-benefits/>

Nguyen Vu Tung (2018). Vietnam-Cambodia Relations: An Analysis from a Vietnamese Perspective, in: *Cambodia's Foreign Relations in Regional and Global Contexts*. Phnom Penh: Konrad-Adenauer-Stiftung.

Pazo J. P. (2024). Kingdom emerges biggest supplier of raw cashew nuts to Vietnam. *Khmer Times*, July 9. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501519482/kingdom-emerges-biggest-supplier-of-raw-cashew-nuts-to-vietnam/>

Rubber Barons (2013). *Global Witness*. URL: <https://cdn2.globalwitness.org/archive/files/library/rubberbaronssummaryenglish.doc.pdf>

Sar Socheath (2020). Paddy rice exports increase to Vietnam. *Khmer Times*, November 15. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50783000/paddy-rice-exports-increase-to-vietnam/>

Shaun Turtonn (2021). Vietnam's rubber industry faces pressure to meet global standards. *Nikkei Asia*, October 11. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Markets/Commodities/Vietnam-s-rubber-industry-faces-pressure-to-meet-global-standards#:~:text=Vietnamese%20customs%20data%20shows%20that,50%20times%20larger%20than%202019.>

Statistical Yearbook of Vietnam 2021. Hanoi: Statistical Publishing House, 2022.

Tam An (2023). Cambodia becomes major agricultural product supplier to Vietnam. *VietnamNet*, February 21. URL: <https://vietnamnet.vn/en/cambodia-becomes-major-agricultural-product-supplier-to-vietnam-2112042.html>

Tatarski, M. (2020). Vietnamese agribusiness firm HAGL accused of clearing indigenous land in Cambodia. *Mongabay*, June 15. URL: <https://news.mongabay.com/2020/06/vietnamese-agribusiness-firm-hagl-accused-of-clearing-indigenous-land-in-cambodia/>

Thun Senghong (2023). Cambodia's cashew sales to Vietnam top \$1 billion. *Cambodianess*, February 8. URL: <https://cambodianess.com/article/cambodias-cashew-sales-to-vietnam-top-1-billion>

Thuy Dung (2021). Viet Nam becomes biggest importer of Cambodia's farm products. *Viet Nam Government News*, October 19. URL: <https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-becomes-biggest-importer-of-cambodias-farm-products-11142512.htm>

Top 15 Natural Rubber Exporters (2016). *InTradeFairs*, Dec. 14. URL: <https://intradefairs.com/news/top-15-natural-rubber-exporters>

Vin Sareth, Xu Shiwei, Yuwen (2014). Rice trade between Cambodia and the Greater Mekong sub-region: Thailand, Vietnam and China. *International Journal of Agricultural Science and Research*, 4 (6): 147—154.

Wallace, J., Vannarin, N. (2014). Cambodia protests unmask anti-Vietnam views. *Aljazeera*, January 24. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2014/1/24/cambodia-protests-unmask-anti-vietnam-views>

អង្កេតកសិកម្មកម្ពុជាឆ្នាំ២០២៣. ទិន្នប័ណ្ណព័ត៌មាន [Cambodian Agricultural Survey 2023. Information brochure]. វិទ្យាស្ថានជាតិស្ថិតិ, 2024. Retrieved on 21.01.2025 from URL: https://www.nis.gov.kh/nis/CAS/2023/CAS2023_Statistical_Release_KH.pdf. (In Khmer)

Дата поступления статьи: 26.03.2025

Дата поступления в переработанном виде: 22.05.2025

Принята к печати: 16.06.2025

Received: March 26, 2024

Received in revised form: May 22, 2025

Accepted: June 16, 2025

Nguyen Ngoc Son

Policies for Vietnam to Overcome the Middle-Income Trap in the Era of Economic Rise

Abstract. Since initiating market reforms, Vietnam has experienced impressive growth, elevating it to middle-income country status. However, following the 2009 global financial crisis and the Covid-19 pandemic, the pace of Vietnam's economic expansion has slowed. There are growing concerns that Vietnam may be at risk of falling into the middle-income trap, including: i) a deceleration in growth and an increasing risk of falling behind; ii) low labor productivity, which is increasingly lagging behind other nations; iii) low Total Factor Productivity (TFP); iv) inefficient use of capital; and v) slow progress in economic restructuring. To avoid the middle-income trap, Vietnam must adopt policies that promote new drivers of growth required in the era of nation's rise in parallel with the digital era, the era of innovation and creativity. This article explores the general concept of the middle-income trap, examines the specific challenges Vietnam faces, and proposes strategies to help the country overcome current obstacles.

Keywords: Vietnam, middle income trap, Manufacturing value added (MVA), GNI, GDP, Total Factor of Productivity (TFP).

Author: Nguyen Ngoc Son, Ph.D. (Economics), Associated Professor, Vice Rector of the College of Economics and Public Management, National Economics University, Vietnam. ORCID: 0000-0002-9904-8017. E-mail: sonnn@neu.edu.vn

For citation: Nguyen Ngoc Son (2025). Policies for Vietnam to Overcome the Middle-Income Trap in the Era of Economic Rise. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 65—77.

Нгуен Нгок Шон

Политика для Вьетнама по преодолению ловушки среднего дохода в эпоху экономического подъёма

Аннотация. Вьетнам добился впечатляющих темпов роста после проведения экономических реформ, поднявших его до статуса страны со средним уровнем дохода. Однако экономический рост страны замедлился после мирового финансового кризиса 2009 года и последствий пандемии Covid-19. Становятся всё более очевидными признаки приближения Вьетнама к ловушке среднего дохода: а) замедление экономического роста и возрастание риска отставания; б) низкий уровень производительности труда и увеличение разрыва по этому показателю с другими странами; в) низкая совокупная факторная производительность (СФП); г) низкая эффективность капиталовложений; д) медленная реструктуризация экономики. Для преодоления ловушки среднего дохода Вьетнаму необходима политика, создающая новые движущие силы для роста. Статья рассматривает общие проблемы, связанные с ловушкой среднего дохода, определяет конкретные проблемы, с которыми сталкивается Вьетнам в этом контексте, и предлагает стратегии по их решению.

Ключевые слова: Вьетнам, ловушка среднего дохода, добавленная стоимость обрабатывающей промышленности (ДСОП), ВНД, ВВП, совокупная факторная производительность (СФП).

Автор: Нгуен Нгок Шон, к. э. н., доцент, проректор Школы экономики и государственного управления, Государственный экономический университет, Вьетнам. ORCID: 0000-0002-9904-8017. E-mail: sonnn@neu.edu.vn

Для цитирования: Нгуен Нгок Шон. Политика для Вьетнама по преодолению ловушки среднего дохода в эпоху экономического подъёма // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 65—77.

Introduction

After several decades of rapid growth, Asian economies are now struggling to maintain their dynamics, while many countries facing warnings of falling into the middle-income trap. Some Asian countries are facing numerous challenges in maintaining high and sustainable growth within the context of integration, the fourth industrial revolution, and the rise of AI.

The term “middle-income trap” was first introduced by Gill and Kharas in their work “An East Asian Renaissance” [Gill, Kharas 2007]. They argued that middle-income countries in Asia need to undergo three key transformations to sustain growth: (1) shifting from diversification to greater specialization in production and employment; (2) moving from an investment-driven model to one based on innovation; and (3) transitioning from simply equipping workers to adapt to new technologies to preparing them to create new products and processes. Without these transformations, Gill and Kharas (2007) warned, economic progress would stagnate, and these nations risk falling into the middle-income trap, as seen in many middle-income countries in the Middle East and Latin America [Ibid.: 17—18].

The middle-income trap typically arises when a country, having relied on certain natural endowments or initial advantages, fails to transition beyond a particular income threshold. According to Kenichi Ohno [2015], the level at which this trap becomes apparent varies depending on resource availability and other advantages, including land, demographics, and natural assets. The World Bank’s 2024 Annual Report [2024] highlights that developing countries face greater difficulty escaping the trap due to high debt, aging populations, and increasing protectionism in advanced economies. The report outlines a recommended sequence of policy focus by income level: Investment for low-income countries, Technology Learning for lower-middle-income countries, and Innovation for upper-middle-income countries.

K.P. Yurchenko and I.N. Savelyeva [2019] emphasize the renewed importance of industrial policy as a strategic tool for managing economic growth. Their analysis, employing comparative graphical and correlation methods, illustrates the vulnerability of the Russian economy to the middle-income trap, worsened by its dependence on natural resources. The proposed economic trajectory calls for a balanced application of traditional instruments, supported by empirical assessments drawn from comparable contexts, as a feasible approach to macroeconomic management.

According to Kenichi Ohno [2014], many symptoms of middle income trap are already visible in Vietnam. The three main cause are: i) lack of private-sector dynamism

in productivity, competitiveness, and innovation; ii) inability to cope with high growth like the rich — poor gap, environmental pollution, corruption, and so on; iii) improper management of macroeconomic shocks in the age of globalization.

Tran Van Tho [2016] also highlights risk of falling into the middle-income trap and advocates for a transition from gradual to deep structural reforms. Key areas include reforming state-owned enterprises and economic conglomerates, improving the market mechanisms for production factors, and designing strategic policies. Nguyen Ngoc Son [2016] proposes incentives to help Vietnam overcome the middle-income trap such as renewing the growth model, enhancing private economic development, improving institutional quality, fostering innovation, science and technology.

In Vietnam, discourse surrounding the middle-income trap began in 2008, when the country first reached lower-middle-income status, based on per capita GNI. At that time, the risk of falling into the trap appeared distant, as Vietnam had only just crossed the income threshold and seemed to have a long development path ahead. However, nearly 17 years later, the possibility is no longer remote. Today, many symptoms of the middle-income trap have become increasingly visible in Vietnam.

Research methodology

This study adopted the World Bank's framework for analyzing the middle-income trap to assess Vietnam's economic growth and income trends. The analysis utilizes data from the World Development Indicators (WDI) and the General Statistics Office (GSO) of Vietnam. According to the World Bank's 2022 classification, 26 economies are categorized as low-income (with a GNI per capita of USD1,135 or less, calculated using the WB Atlas method), 54 as lower-middle-income (GNI per capita between USD 1,136 and USD 4,465), 54 as upper-middle-income (GNI per capita between USD 4,466 and USD13,845), and 83 as high-income (GNI per capita of USD13,846 or more).

The study collects, synthesizes, and analyzes key economic indicators such as GDP, GNI, GDP per capita, GNI per capita, labor productivity, Total Factor Productivity (TFP), and the Incremental Capital-Output Ratio (ICOR). These data provide a comprehensive overview of Vietnam's economic growth, which is compared with selected East Asian economies to develop policy recommendations for Vietnam to escape the middle-income trap.

The study uses the World Bank's middle-income trap approach. In addition to data from the GSO and WDI, this paper draws on findings from existing studies on the middle-income trap in both global and Vietnamese contexts. These studies provide crucial evidence to support the paper's analysis of strategies to avoid the middle-income trap.

Research results

Many Asian countries have successfully implemented strategies to catch up with the economic powerhouses of North America and Western Europe. Japan, Korea, Singapore, and Taiwan were pioneers in this catch-up strategy (Figure 1).

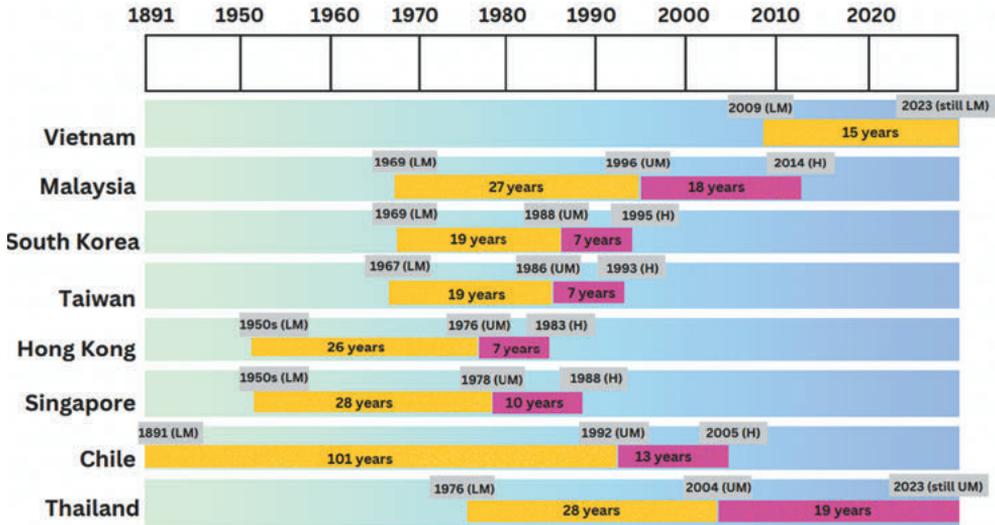

Fig. 1. Roadmap for countries to overcome the middle-income trap.
 Source: World Development Indicators 2024.

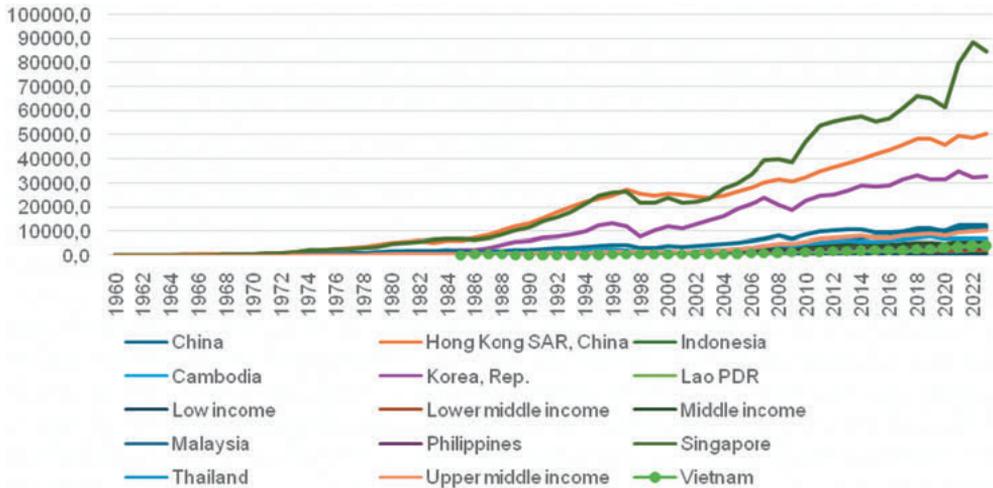

Fig. 2. GDP per capita in selected East Asia countries.
 Source: WDR 2024 team using data from WDI (World Development Indicators).

According to Tran Van Tho [2016], the world today can be divided into four groups: Group 1 consists of low-income countries. Group 2 includes countries that reached middle-income status long ago but have since stagnated. Group 3 comprises emerging economies that recently reached middle-income (upper-middle-income) levels. Group 4 consists of advanced high-income countries (Figure 2).

The main causes leading to the middle-income trap include: (i) Poor institutional quality; (ii) Lack of dynamism in the private economic sector; (iii) Inability to address

social issues arising from rapid growth, domestic and international integration; (iv) Inability to respond to external shocks, including those associated with globalization and climate change. According to Tran Van Tho [2016] and Kenichi Ohno [2014], among the countries considered to be catch up in the middle-income trap, Malaysia has encountered the first cause, while China and Thailand are facing the second issue. The Philippines and Vietnam are affected by all four of the aforementioned causes, each of which must be addressed thoroughly.

In Vietnam, the risks associated with the middle-income trap are becoming increasingly apparent. Economic growth has slowed markedly compared to pre-crisis periods, productivity remains low and continues to lag behind that of other nations, and structural transformation has been both slow and shallow. Moreover, Vietnam has made little headway in global competitiveness rankings. The country is also facing a host of socio-economic challenges, such as widening inequality, environmental degradation, social instability, and a growing crisis of confidence. These problems are not unique to Vietnam but are common among many ASEAN countries.

Symptoms that Vietnam is at risk of falling into the middle-income trap

i) Slowing growth and rising risk of lagging behind

Since the implementation of market reforms, Vietnam has maintained relatively strong growth compared to both regional and global averages. From 1990 to 2023, the country's average annual growth rate was 6.3 %, outperforming the global average of 3.0 % and the 5.5 % average for middle-income countries. However, growth has

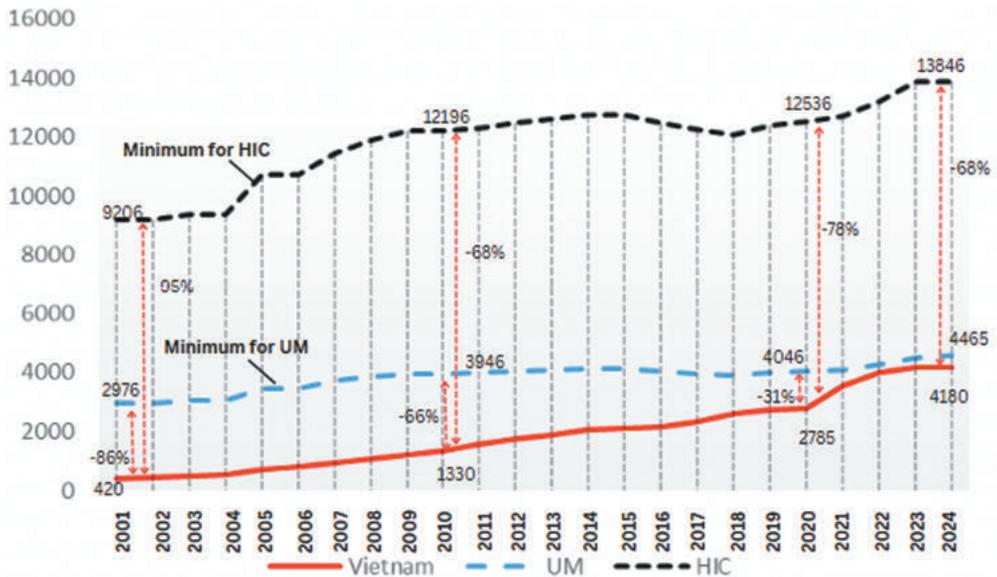

Fig. 3. Vietnam's GNI per capita and the minimum threshold for UPMIC and HIC.
 Source: World Development Indicators 2024.

significantly declined during the 2011–2023 period, particularly when compared to the robust performance from 1991 to 2010 (see Table 1). The sharpest deceleration occurred during 2020–2023, when growth averaged just 4.6 % [WDI 2023]. Applying the Rule of 70, it is estimated that — given current rates of GDP and population growth — it could take Vietnam approximately 30 years to reach the income level characteristic of high-income countries.

As of 2024, Vietnam’s gross national income (GNI) per capita was USD 4,180, which remains below the upper-middle-income threshold of USD 4,465 and far short of the high-income threshold of USD 13,846. This reflects a 6.4 % gap relative to the upper-middle-income threshold, suggesting Vietnam could potentially reach this level before 2030 (see Figure 3). Conversely, the gap between Vietnam’s GNI per capita and the high-income threshold stands at 68 %. At the current pace of growth, it would take Vietnam roughly 30 years to close this substantial gap.

ii) Extensive growth model

It is clear that Vietnam’s recent growth strategy has been largely dependent on extensive factors such as capital accumulation and natural resources. This model has been characterized by outsourcing and a significant reliance on foreign actors, including

Table 1. Economic growth rates of Vietnam and other countries in the world

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2001–2023
World	4.5	3.3	2.7	2.9	3.12	3.13	2.82	3.46	3.29	2.64	-2.93	6.26	3.09	2.72	2.89
Japan	4.1	0.0	1.4	2.0	0.30	1.56	0.75	1.68	0.64	-0.40	-4.15	2.56	0.95	1.92	0.66
Lao PDR	8.5	8.0	8.0	8.0	7.61	7.27	7.02	6.89	6.25	5.46	0.50	2.53	2.71	3.75	6.32
Malaysia	7.4	5.3	5.5	4.7	6.01	5.09	4.45	5.81	4.84	4.41	-5.46	3.30	8.65	3.68	4.46
Singapore	14.5	6.2	4.4	4.8	3.94	2.98	3.59	4.51	3.52	1.35	-3.87	9.69	3.84	1.08	4.58
Viet Nam	6.4	6.4	5.5	5.6	6.42	6.99	6.69	6.94	7.47	7.36	2.87	2.55	8.12	5.05	6.26
Cambodia	6.0	7.1	7.3	7.4	7.14	6.97	6.93	7.00	7.47	7.05	-3.10	3.03	5.24	5.40	6.76
China	10.6	9.6	7.9	7.8	7.43	7.04	6.85	6.95	6.75	5.95	2.24	8.45	2.99	5.20	8.29
Brunei Darussalam	2.6	3.7	0.9	-2.1	-2.51	-0.39	-2.48	1.33	0.05	3.87	1.13	-1.59	-1.63	1.41	0.68
Myanmar	9.6	5.6	7.3	8.4	8.17	6.99	5.86	6.14	6.27	6.58	-9.05	-12.02	4.04	1.00	7.18
Thailand	7.5	0.8	7.2	2.7	0.98	3.13	3.44	4.18	4.22	2.11	-6.05	1.57	2.46	1.88	3.26
Rep. Korea	6.8	3.7	2.4	3.2	3.20	2.81	2.95	3.16	2.91	2.24	-0.71	4.30	2.61	1.36	3.52
Philippines	7.3	3.9	6.9	6.8	6.35	6.35	7.15	6.93	6.34	6.12	-9.52	5.71	7.58	5.55	4.97
Indonesia	6.2	6.2	6.0	5.6	5.01	4.88	5.03	5.07	5.17	5.02	-2.07	3.70	5.31	5.05	4.88
United States	2.7	1.6	2.3	2.1	2.52	2.95	1.82	2.46	2.97	2.47	-2.21	5.80	1.94	2.54	2.04
Low income	7.0	0.8	-3.2	3.3	4.39	-0.57	2.02	3.04	3.42	4.23	0.34	2.07	3.74	3.01	3.57
Lower middle income	6.9	4.8	5.2	5.7	6.11	5.93	5.69	5.46	5.44	4.06	-3.59	6.65	5.82	5.29	5.32
Middle income	8.2	6.5	5.6	5.6	5.17	4.83	4.81	5.38	5.01	4.08	-1.21	7.51	3.85	4.54	5.49
Upper middle income	8.5	6.9	5.8	5.6	4.94	4.55	4.58	5.35	4.90	4.09	-0.59	7.72	3.36	4.35	5.53
High income	3.0	2.0	1.5	1.6	2.14	2.33	1.83	2.48	2.37	1.85	-3.91	5.58	2.64	1.64	1.85

Source: World Development Indicators 2023.

technologies introduced through foreign direct investment (FDI) enterprises, foreign markets, and the production and export activities of FDI companies.

This capital-driven model in Vietnam has predominantly led to the formation of bubbles in the real estate and investment sectors, rather than generating substantial improvements in productivity or national competitiveness. The model, which heavily relies on FDI and other forms of capital inflow, is now facing numerous structural instabilities. A considerable share of FDI enterprises in Vietnam remain concentrated in outsourcing and operate with medium- to low-level technologies. As a result, the Vietnamese economy has been lagging in competitiveness while simultaneously suffering from increasing environmental degradation. The negative environmental impact is especially evident in heavy industrial zones – most notably in steel, cement, chemical, and paper production sectors. In recent years, the FDI sector has been a significant contributor to GDP growth, further deepening Vietnam’s economic dependence on foreign capital and enterprises across several dimensions of development.

iii) Low labor productivity

From 2011 to 2020, Vietnam’s average annual labor productivity growth stood at approximately 5.29 %, with the highest rates recorded during 2015–2019. However, this momentum was disrupted during the period from 2020 to 2022, primarily due to the negative impact of the COVID-19 pandemic. In 2023, labor productivity growth declined further to 3.65 %, continuing the downward trend that has persisted since the 2016–2020 period.

Vietnam’s labor productivity remains among the lowest in the Southeast Asian. In terms of nominal GDP, Vietnam’s labor productivity in 2023 reached USD 7,151 per capita, which represents merely one-sixteenth of Singapore’s productivity, one-tenth of Japan’s, one-ninth of South Korea’s, one-third and one-sixth of Malaysia’s and

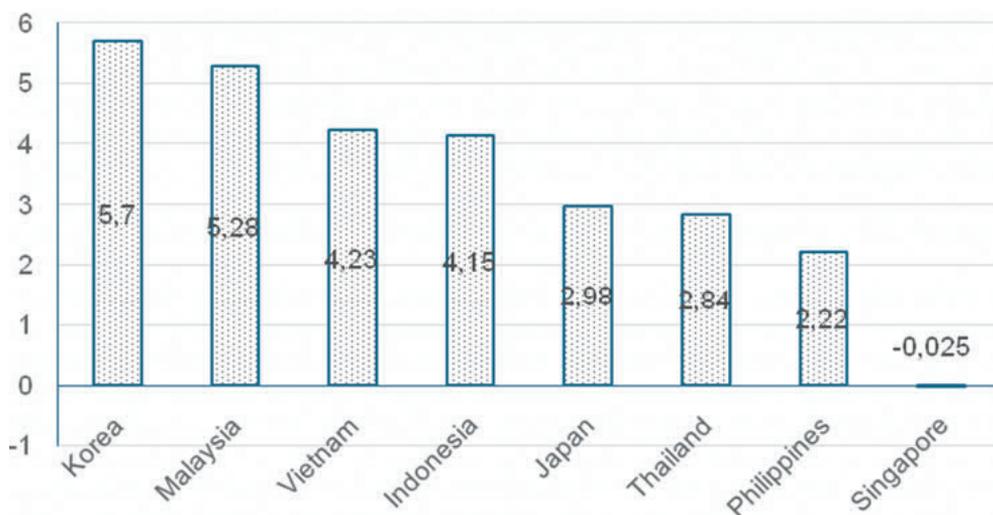

Fig. 4. Labor productivity growth rate of Vietnam compared to other Asian countries (2023).
Source: APO 2024.

Thailand’s productivity, respectively. When adjusted for purchasing power parity (PPP), Vietnam’s labor productivity is approximately one-seventh of Singapore’s and one-third of that of both Japan and South Korea. Although Vietnam’s productivity is higher than that of the Philippines and comparable to Indonesia, it continues to fall significantly behind the levels observed in Malaysia and Thailand.

Table 2. Labor productivity of Vietnam and other countries

Country Name	2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015
Japan	69 385	68 834	67 679	67 304	65 776	68 150	69 012	69 871	69 389	69 586
Lao PDR	6748	6603	6491	6579	6530	6530	6299	6030	5719	5420
Malaysia	24 862	24 088	23 417	21 824	21 699	22 931	22 509	22 021	21 268	20 671
Singapore	11 1382	107 747	104 923	103 169	96 117	99 588	100 133	97 584	93 838	91 232
Viet Nam	7151	6805	6546	6185	6044	5733	5372	5058	4757	4472
Cambodia	3020	2881	2762	2669	2654	2754	2650	2543	2469	2378
China	23 867	22 907	21 765	21 079	19951	19128	17982	16823	15707	14712
Thailand	11 834	11 431	11 110	11 002	10 871	11 603	11 290	10 956	10 464	10 042
Korea, Rep.	62 584	61 176	60 903	61 109	59 184	59 023	58 307	56 823	55 749	54 712
Philippines	9196	8878	8724	8796	8670	8988	8729	8384	7712	7418
Indonesia	8949	8642	8418	8246	7886	7991	7838	7609	7420	7147
United States	130 942	128 220	127 387	128 591	125 547	121 590	120 679	118 967	118 260	118 222
LIC	2077	2059	2111	2126	2143	2181	2166	2168	2176	2185
LMIC	6608	6371	6368	6309	6153	6281	6191	6001	5790	5566
UPMIC	21 148	20 490	19 795	19 478	18 618	18 218	17 593	16 901	16 182	15 620
HC	91 490	89 954	89 617	89 369	86 054	87 301	86 940	86 182	85 366	85 093

Source: World Development Indicators 2024.

iv) Low Total Factor Productivity (TFP)

Total Factor Productivity (TFP) has shown noticeable improvements and plays a vital role in enhancing Vietnam’s economic growth. Between 2011 and 2015, TFP contributed approximately 33.5 % to overall economic growth, which increased to about 45.42 % during the 2016–2020 period. The upward trend continued, but TFP contribution slowed down to 37.5 % in 2021, 43.8 % in 2022, and an estimated 44.8 % in 2023, according to the General Statistics Office (Table 3).

Despite these improvements, Vietnam’s TFP and labor productivity remain substantially lower than those of regional counterparts. As a result, the country’s growth model continues to be characterized by extensive growth, with the combined contribution of capital and labor reaching 55.2 % of GDP, significantly higher than the TFP contribution to growth in Malaysia, Thailand, China, South Korea, and Japan.

Table 3. Contribution of TFP to growth in Vietnam, %

Period/Year	GDP Growth Rate	TFP Growth Rate	TFP contribution to GDP growth
2011–2015	6,17	2,07	33,5
2016–2020	6,25	2,83	45,42
2021	2,87	0,79	27,78
2022	8,02	3,51	43,8
2023	5,05	2,28	44,8

Source: VNPI 2024.

v) Low capital efficiency

Vietnam's growth continues to depend heavily on capital accumulation. The total social investment rate consistently exceeded 35 % during the 2021–2023 period. However, the efficiency of capital use remains a significant concern.

Between 2011 and 2019, Vietnam's Incremental Capital-Output Ratio (ICOR) fluctuated within the range of 5.5 to 8.5 (Figure 5). The ICOR is influenced by various factors, including labor quality (knowledge content), the efficiency of resource allocation, the ability to adopt technology.

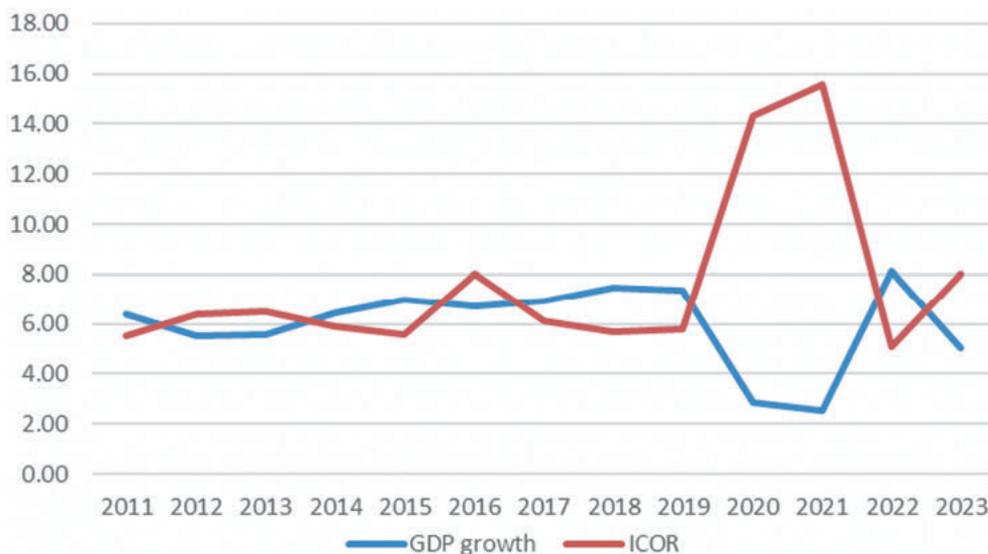

Fig. 5. GDP growth rate and ICOR of Vietnam from 2011–2023.

Source: Compiled by the author from the data of the General Statistics Office of Vietnam.

vi) Slow economic restructuring

Since 2001, Vietnam's industrial sector has undergone a gradual and slow transformation in terms of technological advancement. According to the United Nations Industrial Development Organization (UNIDO) classification method (2013),

the share of resource-based industries declined from 42.7 % in 2010 to 38.5 % in 2023. Similarly, low-tech industries decreased from 41.2 % in 2010 to 32.2 % in 2023. In contrast, the share of medium- and high-tech industries rose, reaching approximately 40 % by 2023 [UNIDO 2024].

In terms of Manufacturing Value Added (MVA) per capita, Vietnam has made notable progress—from USD 423 in 2011 to USD 829 in 2020, and further to USD 872 in 2023. This growth has narrowed the gap between Vietnam’s indicator and the MVA threshold characteristic (USD1,000 per capita) of newly industrialized countries. Currently, Vietnam ranks 101st out of 143 countries in terms of per capita MVA. Within Asia, Singapore occupies the top position (2nd out of 143), followed by Japan (3rd), South Korea (6th), Taiwan (17th), Malaysia (41st), and Thailand (49th) [UNIDO 2025].

How to overcome the middle-income trap

The key drivers for Vietnam to overcome the middle-income trap include political, economic, cultural, and social factors that strongly influence the creation of economic growth, enabling Vietnam to reach high-income country status in the shortest possible time.

The first driver: National aspiration to become a high-income and prosperous country

Vietnam is located in one of the most dynamic regions in the world, with highly favorable geopolitical conditions. To become a high-income country and follow the successful path of countries like Japan, South Korea, Israel, and Singapore, national aspiration especially among the leadership and intellectual elite is essential. Nations whose leadership and intellectuals are deeply concerned with their country’s destiny and capable of formulating development strategies aligned with global trends and the people’s aspirations tend to develop rapidly and improve their global position. Japan’s development into a modern country was driven by the vision and aspiration of the Meiji-era leadership. South Korea became a leading nation after the Korean War. Israel has earned global admiration since the establishment of the Jewish state. The Vietnamese nation, after thousands of years of nation-building and defense—through resistance to the Northern dynasties, French colonization, and American imperialism—has preserved its cultural identity and independence. This strong national aspiration must now be activated in peacetime to help Vietnam become a prosperous country.

The second driver: Innovation in the growth model

To build a solid foundation for a new development phase, Vietnam needs a new growth model to avoid the middle-income trap and move toward high-income status. This new growth model must, first, rely on endogenous resources, reducing excessive dependence on FDI and external factors. While FDI has significantly contributed to Vietnam’s economic growth, the dominance of low- and medium-tech FDI projects risks turning Vietnam into a destination for outdated technologies. Many large-scale projects in steel, cement, food processing, and paper production have caused serious environmental pollution, with damages outweighing benefits. Even higher-tech FDI projects are largely focused on processing and assembly, with multinational corporations

using their technological and managerial superiority to transfer profits abroad, leaving domestic firms at a disadvantage. Therefore, Vietnam's growth must be driven by value creation from Vietnamese enterprises and citizens, based on science, technology, innovation, and the digital economy. Second, the new growth model must focus on generating domestic value by leveraging the large-scale production capacity of the FDI sector. This includes enhancing linkages between domestic and FDI enterprises, developing FDI marketing strategies, building capacity among local firms, strengthening collaboration, improving logistics services, and training industrial human resources. A national productivity movement must be promoted with a clear policy framework that includes a vision, objectives, policy areas, action plans, and monitoring mechanisms.

The third driver: Improving the quality of institutions and building inclusive institutions

Scholars of new institutional economics argue that national prosperity is determined by institutions. Inclusive political institutions guarantee broad participation, political accountability, and rule of law. Inclusive economic institutions stimulate economic development by encouraging investment, enabling market-based resource allocation, and fostering participation by ensuring equal opportunities. Vietnam must treat institutional improvement as one of the strategic breakthroughs. This requires improving public administration efficiency, strengthening anti-corruption efforts, ensuring transparent property rights, enforcing the legal system, and reducing transaction costs. Only through higher institutional quality can Vietnam optimize resource use, enhance competitiveness, and overcome the middle-income trap.

The fourth driver: The golden population structure and a high-quality workforce

Globally, few countries like Vietnam possess both a large population and cultural, linguistic homogeneity, while also being in the "golden" population period. This creates favorable conditions for increasing national and household savings, boosting investment, and promoting development. The golden population structure reduces the dependency burden, promoting savings and investment, and spurring economic growth. While the golden population structure serves as a driver for Vietnam to escape the middle-income trap, low labor productivity remains a barrier. The key issue for Vietnam today is enhancing labor productivity. Labor productivity is the cornerstone of Vietnam's policy development as it is directly linked to the middle-income trap and deindustrialization.

The Vietnamese government should pay greater attention to nominal wage trends in relation to labor productivity. To create a virtuous cycle between wages and labor productivity and avoid future pitfalls, three requirements must be met. First, the government must collect, analyze, and provide information and data related to wages and labor productivity, not only covering the minimum wage but also reflecting actual market wage levels. Second, Vietnam must establish a social code in which wage increases can match but must not exceed productivity growth. The government, employers, and workers should collectively agree on this principle, recognizing that the benefits of increased productivity are shared among all parties without compromising the national economy's competitiveness. Third, the tripartite entities, government, employers, and workers, should commit to making maximum efforts to enhance productivity as a shared national objective.

The fifth driver: The process of integration and globalization

Globalization, international economic integration, and trade liberalization are prominent trends in today's global economy. Since 1986, Vietnam has promoted integration under the motto of “diversifying and multilateralizing foreign relations.” Integration is a powerful force for reform, enabling Vietnam to align with international standards, attract external resources, and access foreign markets. Participation in global trade and investment networks allows Vietnam to adopt new technologies, learn from best practices, and expand economic opportunities—thus creating an essential driver for escaping the middle-income trap.

The sixth driver: The dynamism of the private economic sector

Among the three main economic sectors—state, FDI, and private—the FDI sector has been the key driver of GDP growth, especially through export expansion. However, the domestic private sector has not yet become the growth engine it is expected to be. Its competitiveness remains weak due to limited capital, poor management, outdated technology, and restricted market access compared to state-owned and FDI enterprises. To build a growth model based on domestic factors, particularly the private sector, the government must be more determined in improving the investment environment and reducing inequality between private, state, and FDI sectors. Only by developing a dynamic and competitive private sector can Vietnam break through the middle-income barrier.

Conclusion

After a few years of attaining lower-middle-income status, the middle-income trap is no longer a distant threat for Vietnam—it has become a present and tangible reality. Growing evidence indicates that the country has either fallen into the trap or is facing a very high risk of doing so. This is not only evident but also of serious concern, especially considering the persistent issues of low labor productivity, low Total Factor Productivity (TFP), and low capital efficiency. Structural shifts that have been achieved were driven mainly by FDI and trade opportunities, and not by the strength of domestic firms and workers.

In order to avoid the middle-income trap, several concrete strategies have been proposed: National aspiration to become a high-income and prosperous country; Innovation economic growth model from quantity based model growth to quality based model growth once; Improving the quality of institutions and building inclusive institutions; Taking advantage of the the golden population structure and a high-quality workforce; Maximizing benefits from the process of integration and globalization; and leveraging the dynamism of the private economic sector.

To effectively implement these strategies, policy learning is essential in order to enhance policy capacity in Vietnam. This requires the collection and comparison of international experiences. Such knowledge gathering can be pursued through government-led initiatives, the mobilization of domestic private experts, or with the support of qualified foreign advisors.

References

- Asian Productivity Organization (APO) (2024). APO Productivity Databook 2024. Tokyo: Kelo Unuversity Press Inc. DOI: 10.61145/SQVZ2821.
- General Statistics Office of Vietnam (GSO) (2015). TFP Specialized Report.
- Gill, I., Kharas, H. (2007). *East Asia Renaissance: Ideas for Economic Development*. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin.
- Ohno, K. (2009). Avoiding the Middle-Income Trap: Renovating Industrial Policy Formulation in Vietnam. *ASEAN Economic Bulletin*, 26 (1): 25—43.
- Ohno, K. (2014). *Avoiding the Middle-Income Trap: How Vietnam can escape it*. Hanoi: Education Publishing House.
- Trần Văn Thọ (2016). *Cú sốc thời gian và kinh tế Việt Nam* [Tran Van Tho. *Time shock and Vietnam's economy*]. Hà Nội: Nxb. Tri thức. (In Vietnamese)
- United Nations Industrial Development Organisation (UNIDO) (2024). Industrial Development Report.
- UNIDO (2025). Competitiveness Industrial Performance Index. URL: <https://stat.unido.org/analytical-tools/cip?country=704>
- Vietnam Productivity Institute (VNPI) (2024). Báo cáo năng suất Việt Nam 2024 [Vietnam Productivity Report 2024]. Hà Nội: Nxb. Viện Năng suất Việt Nam. (In Vietnamese)
- World Bank (2009). Malaysia Economic Monitor: Repositioning for Growth. November.
- World Bank (2010). 'Avoiding the Middle-income Trap' Priorities for Vietnam's Long-term Growth. Senior Policy Seminar. Hanoi, August.
- World Bank (2024). World Development Indicators. World Development Report 2024.
- Yurchenko, K.P., Savelyeva, I.N. (2019). Traektorii makroekonomicheskoy politiki v usloviyah lovushki srednego dohoda [The trajectories of macroeconomic policy under the middle-income trap]. *Zhurnal novej ekonomiki* [Journal of New Economy], 20 (5): 23—41. DOI: 10.29141/26585081-2019-20-5-2. (In Russian)

Дата поступления статьи: 28.02.2025

Дата поступления в переработанном виде: 03.06.2025

Принята к печати: 15.06.2025

Received: February 28, 2025

Received in revised form: June 3, 2025

Accepted: June 15, 2025

Phan Thi Cam Lai

Changes of Social Values in Rural Vietnam¹

Abstract. Transitional developing countries are currently grappling with simultaneous transformations in their economic, social, and political spheres. One approach to understanding potential shifts in social values is to explore how perceptions of economic success (PES) vary in relation to social status and affiliations. This study investigates changes in PES across various socio-political groups and networks in rural Vietnam. The analysis draws on panel data from 2,117 rural households collected through the Vietnam Access to Resources Household Survey (VARHS) in 2012 and 2014. Disaggregated by socio-political groups/networks, results show that engaging in power or connection with power tends to stipulate individuals' endeavors rather than social networks in attaining economic success. In addition, membership in mass organizations such as the Women's Union, the Farmers' Union, or the Youth Union does not appear to substitute for political connections or broader social ties, but instead correlates with a greater emphasis on hard work, often in the absence of significant work experience. These results contribute to the limited body of literature on the transformation of social values in transitional rural societies and offer insights into how perceptions of economic success differ among socio-political groups and networks.

Keywords: Political groups, perception of economic success, social values, social relations, social networks, rural Vietnam.

Author: Phan Thi Cam Lai, Ph.D. (History), Lecturer, Faculty of Political Science, Ho Chi Minh University of Banking, Ho Chi Minh City, Vietnam.
ORCID: 0000-0002-4923-1454. E-mail: laiptc@buh.edu.vn

For citation: Phan Thi Cam Lai (2025). Changes of Social Values in Rural Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 78–90.

Фан Тху Кам Лай

Изменения социальных ценностей у сельских жителей современного Вьетнама²

Аннотация. Развивающиеся страны с переходной экономикой в настоящее время сталкиваются с проблемой несовпадения изменений в экономике, обществе и политической системе. Один из способов оценки потенциальных изменений в социальных ценностях — изучение изменений в восприятии экономического успеха (ВЭУ) в зависимости от социального статуса. В статье рассматриваются изменения в ВЭУ в социальных группах сельского Вьетнама. Анализ основан на выборке данных из 2117 сельских домохозяйств, собранных в ходе обследования доступа домохозяйств к ресурсам (VARHS) в 2012 и 2014 г. Результаты показыва-

¹ This research is funded by Ho Chi Minh University of Banking, Vietnam.

² Исследование проведено при финансовой поддержке Хошиминского банковского университета, Вьетнам.

ют, что на достижение экономического успеха в большей степени влияет участие во властных структурах или связи с людьми, обладающими властью, чем участие в общественных организациях. В то же время членство в массовых организациях, таких как Союз вьетнамских женщин, Союз крестьян или Федерация вьетнамской молодежи, по-видимому, скорее требует напряженной работы, часто при отсутствии опыта, чем политических или широких социальных связей. Полученные результаты могут внести вклад в изучение изменений социальных ценностей и их различий по социальным группам в сельской местности в развивающихся странах с переходной экономикой.

Ключевые слова: политические группы, восприятие экономического успеха, социальные ценности, социальные отношения, социальные сети, сельский Вьетнам.

Автор: Фан Тхи Кам Лай, к. и. н., преподаватель, факультет политологии, Хошиминский банковский университет, Хошимин, Вьетнам.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4923-1454>. E-mail: laiptc@buh.edu.vn

Для цитирования: Фан Тхи Кам Лай. Изменения социальных ценностей у сельских жителей современного Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 78—90.

Introduction

China has exerted cultural influence on Vietnam for centuries [Hirschman, Vu Manh Loi 1996; Jamieson 2001; Jayakody, Phuong Pham 2013; Yu Insun 1999]. In addition, other foreign countries have also shaped Vietnamese society — most notably France (Vietnam was a French colony from 1858 to 1945) [Mai Van Hai 2017], as well as Russia and the United States (Vietnam maintained close ties with the Soviet Union in the North and with the USA in the South between 1954 and 1975, and continued such relations thereafter). As a result, Vietnam’s system of cultural and social values is a hybrid of Oriental, Western, and socialist ideologies [Nguyen Thi Nhu Quynh 2016]. For example, Phan Ngoc [1994] mentioned dominant characteristics of Vietnamese, including: studious, intelligent and resourceful, sensitive to any changes, hard-working, adaptable, moderate and simple, and responsible for family. Pham Minh Hac [2003] added that Vietnamese culture is based on the interactions of family — village — nation, and family is the cornerstone of the relationships. Western culture endured new humanist values such as liberty, equality, and democracy since the French colonization of Vietnam [Nguyen Thi Nhu Quynh 2016]. When Vietnam comes to the socialist era of development, the values of prosperous people, strong country, democracy, justice and civilization are realized, inspected, and monitored by the nation as a whole [Phan Tan 2015].

In most societies, the family is the core social unit and the fundamental economic and cultural institution. It serves as both a repository and a transmission mechanism for traditional circular values, while also interacting with emerging cultural norms and practices [Hirschman, Vu Manh Loi 1996]. Therefore, families represent a crucial starting point for exploring societal transformation.

Although Vietnam has long been an agrarian society, it has been undergoing a shift toward a pre-industrial economy in recent decades, with projections suggesting it may

achieve full industrialization by 2050. This transformation has accelerated since the launch of the Doi Moi policy in 1986. Consequently, the rapid changes associated with industrialization and modernization have brought new challenges to development, including growing income inequality, social conflicts, and rural dislocation. As social values are deeply embedded within both cultural traditions and community structures [Johnson, Johnson 2010; Turkkahraman 2014], they too have undergone significant changes. However, relatively little is known about how these values have shifted in rural areas of transitional developing countries — especially those, like Vietnam, where cultural identity is shaped by an interplay of traditional, Western, and socialist influences — and how these changes are affected by households' membership in socio-political groups and networks.

Within the broader landscape of changing social values, the perception of economic success (PES) constitutes a central domain through which such transformations are both reflected and reinforced. As societies shift from collectivist, egalitarian value systems toward more individualistic and market-oriented orientations, economic success becomes a key site where new norms, aspirations, and identities are negotiated [Hofstede 2001; Maldonado Hernández 2008]. In Vietnam, for example, the transition from socialist ideology to a socialist-oriented market economy has generated significant redefinitions of success — from collective contribution and revolutionary virtue to entrepreneurial achievement and material wealth [Nguyen-Vo 2012; Gainsborough 2010]. This evolving perception is deeply influenced by globalization, media representations, and increased exposure to transnational standards of affluence, which amplify the salience of consumption and personal mobility [Baudrillard 2016; Kasser 2003]. Importantly, economic success is no longer merely a measure of income or productivity but functions as a culturally and morally loaded construct that expresses deeper shifts in what is valued in life and society.

In the Vietnamese context, these changing perceptions are particularly salient among the emerging middle class and youth, who increasingly equate success with visible indicators of upward mobility, such as property ownership, foreign education, and career advancement in the private sector [Schwenkel 2011]. This shift often stands in tension with older generations' emphasis on frugality, moral integrity, and public service, thereby revealing intergenerational fractures in the value system. Moreover, the growing prominence of private entrepreneurship and digital labor platforms has redefined legitimate paths to success, sometimes bypassing traditional state-mediated routes like civil service or party affiliation. As such, understanding how economic success is framed and pursued in Vietnam offers critical insight into the deeper value transformations shaping post-reform Vietnamese society [Taylor 2004; Vu 2010].

This study seeks to examine how traditional social values have evolved in rural Vietnam since the renovation in 1986. Specifically, it investigates how the prioritization of social values has shifted in contemporary Vietnamese life. More precisely, the paper focuses on changes in the perception of economic success (PES) in relation to households' socio-political status — including their income levels and involvement in political or mass organizations — based on data from the Vietnam Access to Resources Household Survey (VARHS).

Literature review

The concept of value and social values

The concept of value can be interpreted from multiple disciplinary perspectives. According to Pham Minh Hạc [2010], values manifest in three key aspects: first, as material and spiritual products created by humans; second, as expressions of human dignity; and third, as reflections of the relationship between individuals and the surrounding world.

Values can be categorized as both individual and social in nature [Pham Minh Hạc 2010]. Over time, communities and nations develop a value system aligned with their survival, stability, and aspirations. Social values are those shared by members of a society, encompassing ideals such as peace, beauty, friendship, patriotism, compassion, and national independence [Mai Van Hai 2017]. Mai Van Hai mentioned that through processes of education and socialization, these collective values become internalized at the individual level.

The connection between values and other related concepts reveals that values are embedded in belief systems, shaping individuals' tendencies to respond to objects, people, and events in specific ways [Aspin, Chapman 2007; Golden 2002]. Thus, analyzing beliefs and behavior offers a valuable approach to studying social values.

While objects and phenomena contribute to perception and knowledge, subjective experiences — comprising emotions, feelings, and moods — play a vital role in evaluative processes, such as determining satisfaction, dissatisfaction, pleasure, or displeasure [Mai Van Hai 2017]. In this evaluative context, we recognize the significance of values. According to Pham Minh Hạc [2010], experience forms the foundation of one's value system, which is inherently historical and context-dependent. In axiology, the concept of “value” is often linked with “standards,” and sometimes treated synonymously. Standards, though universal in function, vary in form across cultures and are typically associated with human goals, motivations, and desires. These standards are expressed through attitudes and behavior [Pham Minh Hạc 2010].

Social values are an essential component of national values. They reflect interpersonal relationships, are deeply rooted in cultural norms, and are closely tied to community life [Johnson, Johnson 2010; Turkkahraman 2014]. Social values emerge from both productive activities and cultural institutions, and vary across societies, resulting in different evaluations of what is considered “good” or “bad” [Zajda, Daun 2009]. However, many scholars argue that certain values — such as honesty, respect, and justice — are universal among human beings [Golden 2002].

Social values in Vietnam

Traditional social values are a vital and engaging aspect of Vietnamese culture and are reflected in many dimensions of daily life. This paper specifically explores how traditional Vietnamese social values function as a living philosophy by analyzing the perception of economic success (PES).

There are numerous ways of expressing success in society [Phạm Việt Long 2004]. Common markers of success include: (1) Having a wife [for example: “husband is successful and wealthy because of his wife” (*Giàu vì bạn, sang vì vợ*); “a good wife makes

a good husband” (*Vợ khôn ngoan làm quan cho chồng*); (2) Having a son (male chauvinism) [for example, a proverb: “the young rely on a father, the old rely on an offspring” (*Trẻ cậy cha, già cậy con*)]; (3) Hard-working [for example: “no bees, no honey, no work, no money” (or “no pains no gains”) (*Tay làm hàm nhai, tay quai miệng trễ*)]; (4) Social position [for example a proverb: “one mandarin benefits the whole clan” (*Một người làm quan, cả họ được nhờ*)]; (5) Wealth [for example: “nothing venture nothing gains” (*Phi thương bất phú*)]; and (6) Wisdom [for example: “experience is the father of wisdom” (*Đi một ngày đàng học một sàng khôn*)].

Only modest literature analyses the changes in social values as living philosophy in Vietnam in contemporary times. Uan, Thac, and Trang [1995] identified a hierarchy of 20 specific values. The authors found that the orders of priority as follows: peace, freedom, health, job, justice, knowledge, family, security, belief, career, the goal of life, affection and gratitude, self-respect, truth, independence, love, creation, beauty, a prosperous life, and social status. Another study on the value system of young Vietnamese workers and students by Phạm Minh Hạc et al. [2007] results in the scales of six values (happiness, health, knowledge, morality, wealth, and social status) and five values [(1) health, (2) knowledge, (3) confident, (4) intelligent and creative, and (5) responsible].

Vuong Quan Hoang and Tran Tri Dung [2009] highlighted the long-standing social ranking that classifies not only strata of society but also their corresponding dignity, often summarized in the traditional phrase: “Gentry Scholar/Intellectual Official — Farmer — Craftsman — Merchant/Businessman” (*Sĩ — Nông — Công — Thương*). Another proverb notes: “In peaceful times, first come to the scholars, next to the peasants. When running out of rice, first come to the peasants, followed by the scholars”. In this social ranking, the gentry scholar/intellectual official is the highest ranking in the society’s hierarchical system based on meritocracy, only after the king/emperor, and this refers to the role of education, intellectual knowledge, and social positions. The orders align with the traditional Vietnamese fondness for learning (Vietnam is known as “the nation of civilization”) in Vietnam’s cultural identity.

Farmer is the second position and indicates the role of agricultural activities and earnings from land, whereas craftsman is the role of traditional custom activities in rural communes. Furthermore, merchants, consisting of traders and entrepreneurs, have long been ranked lowest in terms of social dignity. However, trading is a valuable source of wealth as reflected in the old proverb: “One cannot get rich without engaging in trade” or “nothing venture nothing gains” (*Phi thương bất phú*).

So far, to the best knowledge, little has been known about the changes in social values as a living philosophy in a rural area within the context of a developing country in transition, where the culture is a mixture of traditional values, western ones, and socialist orientation, and how these changes are affected by changes in socio-political groups/networks.

Data source and method

The paper employs the Vietnam Access to Resources Household Survey (VARHS) dataset for the years 2012 and 2014. This dataset resulted from a collaborative project among several Vietnamese agencies, including the Central Institute for Economic

Fig. 1. Site surveys. *Source:* Author's creation.

Management, the Centre for Agricultural Policy, the Institute of Labor Science and Social Affairs, and the Development Economics Research Group at the University of Copenhagen, and Danish International Development Agency [Brandt, Tarp 2017]. The survey was conducted across 12 provinces in Vietnam (Fig. 1). The analytical sample used in this study includes 2,117 panel households from rural Vietnam observed in 2012 and 2014, total of 4,234 observations. This dataset has been widely used in research on rural Vietnam [Ngo, Q.-T. et al. 2020; Markussen, Ngo Quang Thanh 2019; Ngo, Q.-T. et al. 2019].

The household questionnaire collects information on general characteristics of household, agricultural activities, employment, income, consumption expenditure, political connections, and rural society. This paper primarily uses descriptive analysis of the data related to the Perception of Economic Success (PES). Specifically, the paper uses the Mann-Whitney test, which is a non-parametric statistical test used to compare two samples or groups from the same population. The null hypothesis (H0) in a Mann-Whitney U Test is that the two populations are equal, whereas the alternative hypothesis (H1) is that the two populations are not equal.

Analysis and discussions

General PES

PES reflects individuals' and households' social attitudes, which structure social relationships and networks in Eastern societies like Vietnam and China [Dalton et al 2002; V. B. Pham 2013]. The general overview of PES is illustrated in Figure 2. The less the average value is, the more critical the chosen answer is.

Figure 2 depicts that the most influential factor that may affect “how economically successful a person” is “hard-working”, the second most influential one is “education”, and the third one is “work experience”. Having personal relationships with people in powerful positions is only in the middle of the spectrum. This indicates that modern values — such as hard work, educational attainment, and work experience — are

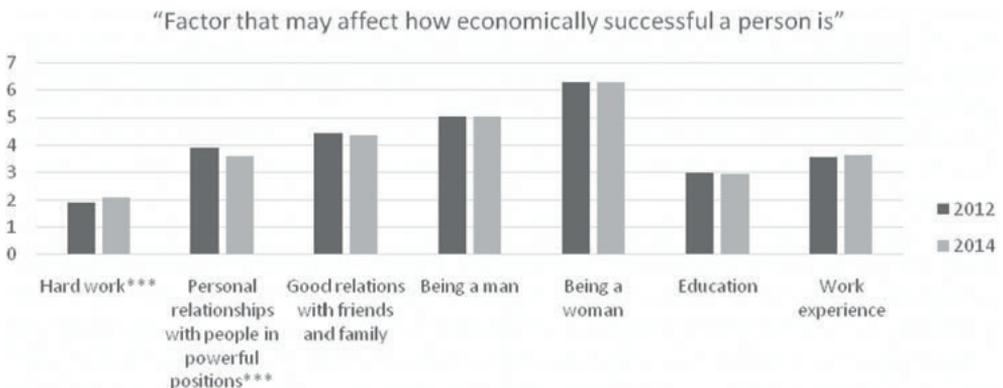

Fig. 2. Components of PES, 2012, 2014. Note: *, **, and ***: Significant at 10 %, 5 %, and 1 % level, respectively. Type of test: Mann-Whitney test.

Source: Author's calculation from VARHS 2012–2014.

considered among the top three most important elements for successful people. These findings, on the other hand, resonate with some traditional social values such as hard-working, education and intellectual knowledge, in the old Vietnamese sayings “Gentry Scholar/Intellectual Official — Farmer — Craftsman — Trade/Businessman”, and wisdom “Experience is the father of wisdom”. Interestingly, the value placed on social status in such a proverb as “One Mandarin benefits the whole clan” only occupies a middle position in modern rural Vietnam.

PES by income quintiles

Table 1 shows PES by income quintiles, such as the first quintile (the poorest), the second quintile (poor), the third quintile (middle), the fourth quintile (rich), and the fifth quintile (the richest). The more the average value is, the more critical the chosen answer is. Observation from the 2014 survey shows exciting changes, in which “personal relationships with people in powerful positions” rose to third place, surpassing “work experience” in most quintiles (except for the richest). This underscores the continued importance of social and political relations in transition economies like Vietnam and China.

The number of T-testes in Table 1 is calculated to clarify the significance between income quintiles. While “hard work” is the essential component, there are significant differences between (1) the middle and the richest (2) the rich and the richest in 2012. Moreover, there were differences between (1) the poor and the middle (the rich or the richest) in 2014 and (2) the poor and the middle (the rich or the richest). The rich and the richest place less emphasis on “hard work” than the poor and the poorest. The rich and the wealthiest press less importance on choosing “hard work” than the poor and the poorest do.

No significant difference between 2012 and 2014 was found in choosing “personal relationships with people in powerful positions.” However, concerning the choice of “good relations with friends and family,” there are significant differences between (1) the poorest and the middle, (2) the rich and the richest in 2012 and 2014, and (3) the poor and the richest. Thus, the rich and the wealthiest press less importance on choosing “good relations with friends and family” than the poor and the poorest.

Regarding “being a man,” significant differences exist between the richest and the rest. In contrast, for “being a woman,” variations are more complex: differences appear between the poorest and middle/rich, between the middle and richest in 2012, and between the middle and rich, as well as rich and richest in 2014. For the choice of “education”, the middle stressed more importance on education than the poorest in 2014. However, in 2014, the rich and the richest stressed less significance than the poorest.

Regarding the “work experience” choice, the richest evaluated it as less important than the poorest, the poor, the middle, and the rich in 2012 and 2014. In addition, the poor stressed more importance than the poorest in 2014. Moreover, the middle and the rich were less stressed than the poor in 2014.

Overall, the rich place less emphasis on individuals’ efforts, such as hard work, and social networks, such as “good relations with friends and family,” and more on education and work experience than the poor.

Table 1. PES by income quintiles (Qs), 2012, 2014

	2012					2014				
	1 st Q	2 nd Q	3 rd Q	4 th Q	5 th Q	1 st Q	2 nd Q	3 rd Q	4 th Q	5 th Q
Hard work (Choice 1)	1.91	1.88	1.85	1.86	2.03 χ^* , δ^*	2.02	1.98	2.22 α^{**} , β^{**}	2.20 α^* , β^{**}	2.24 α^{**} , β^{***}
Personal relationships with people in powerful positions (Choice 2)	3.90	3.88	3.90	3.91	3.96	3.55	3.62	3.52	3.68	3.67
Good relations with friends and family (Choice 3)	4.34	4.42	4.51 α^*	4.45	4.36	4.23	4.27	4.35	4.41 α^*	4.52 α^{***} , β^{**}
Being a man (Choice 4)	5.08	4.95	4.98	5.00	5.14 β^*	4.92	4.85	5.02	5.08 β^{**}	5.27 α^{***} , β^{***} , χ^{**} , δ^{**}
Being a woman (Choice 5)	6.37	6.32	6.11 α^{***} , β^{***}	6.23 α^*	6.34 χ^{**}	6.31	6.20	6.34	6.19 χ^*	6.35 β^* , δ^*
Education (Choice 6)	2.91	3.00	3.12 α^*	3.01	2.90 χ^*	3.24	3.14	2.88 α^{***} , β^{**}	2.87 α^{***} , β^{**}	2.68 α^{***} , β^{***} , χ^*
Work experience (Choice 7)	3.57	3.62	3.63	3.63	3.34 α^{**} , β^{**} , χ^{**} , δ^{***}	3.73	3.95 α^*	3.66 β^{**}	3.57 β^{***}	3.27 α^{***} , β^{***} , χ^{***} , δ^{***}
Number of observations	424	423	424	423	423	424	423	424	423	423

Note: *, **, and ***: Significant at 10 %, 5 %, and 1 % level, respectively. α , β , χ , and δ : compared with the poorest, the poor, the middle, and the rich, respectively. Type of test: T-test.

Source: Author's calculation from VARHS 2012, 2014.

PES by party membership and the household's political position

As Dalton et al. [2002] note, modernization in transitional societies blends institutionalized social networks such as community groups, political organizations, cultural groups, and other associations and traditional institutions such as family and village into coexistence and interactions. Social relations lead to social networks, which are key components of civil society [Yamamoto 1996; Abuza 2001; Shi 1997]. One way to assess the potential changes in social relations is to examine whether these changes in the PES vary systematically across socio-political groups [Dalton et al. 2002]. In Vietnam, social relations have long shaped personal and family lives [Taylor 2016]. Moreover, social relations have remained central to what dominates Vietnamese behavior in the modern era [Ibid.].

Table 2 shows PES differences by party membership and, in general, the pattern of economic success by the party membership is consistent with what is observed for income quintiles.

Table 2 also presents PES by the household's political position, defined as a household member who holds any office or other positions of public responsibility in the commune or higher levels of government. The pattern of economic success by the household's political position is consistent with what we observe for income quintiles, and party membership.

Table 2 also shows PES by the political position of household members. The household with a political position stresses less importance in terms of "hard work",

“being a woman” in 2012, and “being a man” in 2014 than the household without a political position. In contrast, the household with a political position stresses more importance in terms of “personal relationships with people in powerful positions,” “work experience” in 2012, and “Education” in both 2012 and 2014.

Overall, engaging in power or connection with power puts less importance on hard work and being a man/woman and more on education and work experience. No social/political networks, such as relationships with people in powerful positions or good relations with friends and family, are found to be significant between the member and the non-member.

Table 2. PES by party membership and the household political position, 2012, 2014

	Is the household head a party member?				Household with a political position?			
	2012		2014		2012		2014	
	No	Yes	No	Yes	No	Yes	No	Yes
Choice 1	1.90	2.23	2.12	1.97	1.87	2.62	2.12	2.33
Choice 2	3.93	3.71	3.60	3.61	3.93	3.56	3.61	3.64
Choice 3	4.45	4.29	4.35	4.43	4.42	4.29	4.34	4.56
Choice 4	5.03	5.35	5.02	5.27	5.03	5.14	5.01	5.36
Choice 5	6.28	6.45	6.28	6.38	6.26	6.60	6.27	6.39
Choice 6	2.95	2.59	2.98	2.79	3.01	2.42	2.99	2.51 ^{***}
Choice 7	3.52	3.50	3.66	3.56	3.56	3.55	3.66	3.21 ^{***}
Number of observations	1766	120	1766	146	2023	94	1999	118

Source: Author’s calculation from VARHS 2012, 2014. Number of observations: 4234.

PES by memberships of the Women’s Union, the Farmers’ Union, and the Youth Union

Table 3 explores PES by membership in the Women’s Union, the Farmers’ Union, and the Youth Union. We find no significant differences between the membership and the non-membership of the Women’s Union, the Farmers’ Union, and the Youth Union in terms of “personal relationships with people in powerful positions,” and “good relations with friends and family” in both 2012 and 2014; no differences in terms of “hard work” for the Women’s Union membership, “being a man” and “being a woman” for the Women’s Union membership, and the Farmers’ Union membership, “education” for the Youth Union membership, “work experience” for the Women’s Union membership, and the Youth Union membership.

For “hard work”, Farmers’ Union members place less emphasis than non-members. In contrast, a household with a Youth Union membership place more. Regarding “education”, a household with a Women’s Union membership stresses more weight than a household without a Women’s Union membership, whereas a household with a Farmers’ Union membership does not. Concerning the choice of “work experience”, a household with the Farmers’ Union membership accentuates less emphasis than a household without the Farmers’ Union membership.

In short, being a member of the Women’s Union, the Farmers’ Union, and the Youth Union might not support the need for political connections or social relations while emphasizing hard work but less work experience.

Table 3. PES by the Women’s Union, by the Farmers’ Union, and by the Youth Union

	HH head/spouse with a Women’s Union membership?				HH head/spouse with a Farmers’ Union membership?				HH head/spouse with a Youth Union membership?			
	2012		2014		2012		2014		2012		2014	
	No	Yes	No	Yes	No	Yes	No	Yes	No	Yes	No	Yes
Choice 1	1.91	1.90	2.14	2.13	1.90	1.91	2.20	2.03***	1.91	1.86	2.2	1.7***
Choice 2	3.94	3.89	3.56	3.66	3.93	3.89	3.62	3.59	3.91	3.92	3.6	3.8
Choice 3	4.40	4.43	4.40	4.31	4.41	4.42	4.39	4.29	4.40	4.53	4.4	4.2
Choice 4	5.02	5.04	5.04	5.02	5.07	4.98	5.06	4.98	5.07	4.74***	5.0	5.3*
Choice 5	6.25	6.30	6.25	6.31	6.28	6.26	6.30	6.23	6.30	6.10**	6.3	6.5*
Choice 6	3.05	2.93*	3.00	2.93	2.99	2.98	2.86	3.14***	2.97	3.13	3.0	2.9
Choice 7	3.60	3.52	3.62	3.66	3.54	3.59	3.57	3.75**	3.55	3.64	3.6	3.6
Number of observations	1008	1111	1070	1047	1240	877	1315	802	1860	257	1980	137

Note: *, **, and ***: Significant at 10 %, 5 %, and 1 % level, respectively. Type of test: T-test. HH: household.

Source: Author’s calculation from VARHS 2012–2014.

Conclusion

While Vietnam’s economic development is progressing rapidly, societal structure and social relations are evolving accordingly. One way to assess the potential changes in social values as a living philosophy is to examine whether changes in PES vary systematically with social relations. This paper, therefore, explores the changes in PES as a living philosophy across households’ socio-economic positions and socio-political groups/networks. The analysis is based on a panel-data sample of 2,117 households (a total of 4,234 observations) collected from the VARHS during 2012 and 2014 in rural Vietnam.

The overall picture of PES suggests that modern social values — such as hard work, educational attainment, and work experience — rank among the top three most important factors. The evidence reflects continuity with traditional values such as hard work, education, intellectual knowledge, and wisdom. In contrast, the conventional social value of social position holds only a middle rank in modern rural Vietnam. Disaggregated by income quintiles, the rich and the richest place less emphasis on hard work and good relations with friends and family, while assigning more importance to work experience, compared to the poor and the poorest. When disaggregated by socio-political groups/networks, the results show that engaging in power or connection to power tends to stipulate individuals’ endeavors rather than social networks in attaining economic success. In addition, membership in organizations like the Women’s

Union, the Famers' Union, or the Youth Union might not support the need for political connections or social relations while requiring more hard work but less work experience. These findings can contribute to the limited literature on social value changes as a living philosophy regarding PES and how they differ across socio-political groups/networks in modern, rural, and transitional developing countries.

Examining the association between PES and socio-political groups/networks does not imply cause-and-effect relationships and thus this is a limitation of the study. In the future, more longitudinal data available can give more details on the causal effects.

References

- Abuza, Z. (2001). *Renovating politics in contemporary Vietnam*. Lynne Rienner Publishers.
- Aspin, D.N., Chapman, J.D. (2007). *Values education and lifelong learning: Principles, policies, programmes*, Vol. 10. Springer Science & Business Media.
- Baudrillard, J. (2016). *The consumer society: Myths and structures*. SAGE Publications
- Brandt, K., Tarp, F. (2017). Characteristics of the VARHS Data and Other Data Sources. *Growth, Structural Transformation, and Rural Change in Viet Nam*, 26.
- Dalton, R.J., Pham Minh Hac, Pham Thanh Nghi, Ong, Nhu-Ngoc T. (2002). Social Relations and Social Capital in Vietnam: Findings from the 2001 World Values Survey. *Comparative sociology*, 1(3-4): 369—386.
- Gainsborough, M. (2010). *Vietnam: Rethinking the stat*. Bloomsbury Publishing.
- Golden, J. (2002). *Understanding your personal values*. US: ORA Inc.
- Hirschman, C., Vu Manh Loi (1996). Family and household structure in Vietnam: Some glimpses from a recent survey. *Pacific affairs*: 229—249.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Sage Publications.
- Jamieson, N.L. (2001). Some things poetry can tell us about the process of social change in Vietnam. *Japanese Journal of Southeast Asian Studies*, 39(3): 325—357.
- Jayakody, R., Phuong Pham (2013). Social change and fathering: Change or continuity in Vietnam? *Journal of Family Issues*, 34(2): 228—249.
- Johnson, D.W., Johnson, R.T. (2010). The impact of social interdependence on values education and student wellbeing, in: *International research handbook on values education and student wellbeing*. Springer. P. 825—847.
- Kasser, T. (2003). *The high price of materialism*. MIT Press.
- Mai Van Hai (2017). *Family values of Vietnamese living in Vietnam and Poland*. PhD thesis. Lodz University.
- Markussen, T., Ngo Quang Thanh (2019). Economic and non-economic returns to communist party membership in Vietnam. *World development*, 122: 370—384.
- Maldonado Hernández, G. (2008). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. *Política y gobierno*, 15: 195—198.
- Ngo, Q.-T., Nguyen, H.-R., Nguyen, D.-T., Doan, N.-P., Le, V.-T., & Thai, T.-K. (2019). Adaptive Perception and Adaptation Responses to Weather Shocks: An Adaptation Deficit. *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*, 11(665-2019-4005): 55—70.

- Ngo, Q.-T., Thai, T.-K. H., Cao, V.-T., Nguyen, A.-T., Hoang, N.-H., & Nguyen, N.-D. (2020). Individual-level Employment Transitions in Rural Viet Nam. *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics* (1).
- Nguyen Thi Nhu Quynh (2016). The Vietnamese Values System: A Blend of Oriental, Western and Socialist Values. *International Education Studies*, 9(12): 32—40.
- Nguyen-Vo Thu Thuong (2012). *The ironies of freedom: Sex, culture, and neoliberal governance in Vietnam*. University of Washington Press.
- Phạm Minh Hạc (2010). *Giá trị học cơ sở lý luận góp phần đúc kết, xây dựng giá trị chung của người Việt Nam thời nay* [Pham Minh Hac. *Axiology, theoretical foundation contributes general values of Vietnamese nowadays Vietnam*]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục. (In Vietnamese)
- Phạm Minh Hạc chủ biên (2007). *Nghiên cứu giá trị nhân cách theo phương pháp NEO PI-R cải biên* [Pham Minh Hac (ed.). *Studying character values based on adapted methodology NEO PI-R*]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. (In Vietnamese)
- Pham Van Bich (2013). *The Vietnamese family in change: The case of the Red River Delta*. Abingdon: Routledge.
- Phạm Việt Long (2004). *Tục ngữ, ca dao về quan hệ gia đình* (Pham Viet Long. *Proverbs, folk-song about family relations*). Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia. (In Vietnamese)
- Phan Ngọc (1994). *Văn hóa Việt Nam và cách tiếp cận mới* [Phan Ngọc. *Vietnamese culture and new approach*]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin. (In Vietnamese)
- Phan Tan (2015). Study on current public opinion in Vietnam based on universally value system and core values approach. *Open Journal of Social Sciences*, 3(2), 113—119.
- Shi Tianjian (1997). *Political participation in Beijing*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Taylor, P. (2004). *Social inequality in Vietnam and the challenges to reform*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
- Taylor, P. (2016). *Connected and disconnected in Viet Nam: Remaking social relations in a post-socialist nation*. Canberra: ANU Press.
- Turkkahraman, M. (2014). Social values and value education. *Procedia-social and behavioral sciences*, 116: 633—638.
- Uan, N. Q., Thac, N., Trang, M. V. (1995). *Giá trị — Định hướng giá trị nhân cách và giáo dục giá trị* [Values — Orienting character values and educating values]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục. (In Vietnamese)
- Vuong Quan Hoang, & Tran Tri Dung (2009). The cultural dimensions of the Vietnamese private entrepreneurship. *The IUP Journal of Entrepreneurship and Development*, 6(3): 54—78.
- Yamamoto, T. (1996). *Emerging civil society in the Asia Pacific community: Nongovernmental underpinnings of the emerging Asia Pacific regional community*. Univ of Washington Pr.
- Yu Insun (1999). Bilateral social pattern and the status of women in traditional Vietnam. *South East Asia Research*, 7(2): 215—231.
- Zajda, J., Daun, H. (2009). *Global values education: Teaching democracy and peace*, Vol. 7. Springer Science & Business Media.

Дата поступления статьи: 06.08.2024

Дата поступления в переработанном виде: 06.02.2025

Принята к печати: 03.03.2025

Received: August 6, 2024

Received in revised form: February 2, 2025

Accepted: March 3, 2025

А.Л. Федорин

«Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета» и его сложная судьба

Аннотация. Сохранившийся текст основополагающего источника по истории древнего и средневекового Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» — освещает события от глубокой древности до 1675 г. Между тем канонический текст этой летописи, распространявшийся в виде ксилографов в конце XVIII в., доводил историческое описание до 1740 г. Однако в результате существенной правки его заключительной части, проведённой по политическим мотивам при первых императорах династии Нгуен (1802—1945), текст был кардинально сокращён, а описание последних 65 лет (1676—1740 гг.) из него вообще исключили. При этом ни одного полного ксилографа исходного текста хроники, каким его сформировали в XVIII в., до нашего времени не дошло. Вопросам, как и почему это произошло, каким образом можно хотя бы частично восстановить первоначальный вариант источника, и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: история Вьетнама в Средние века и Новое время, вьетнамское летописание, «Полное собрание исторических записок Дайвьета».

Автор: Федорин Андрей Львович, д. и. н., в. н. с., ИКСА РАН, Центр изучения культуры Китая. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Для цитирования: Федорин А.Л. «Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета» и его сложная судьба // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 91—102.

Andrey L. Fedorin

“Continuation of the Complete Annals of Dai Viet” and its Difficult Fate

Abstract. The text of the fundamental source on the history of ancient and medieval Vietnam that we have — “The Complete Annals of Dai Viet” — covers the events in this country from ancient times to 1675. Meanwhile, the canonical text of this chronicle, distributed in the form of woodcuts at the end of the 18th century, brought this description up to 1740. However, as a result of significant editing of its final part, carried out for political reasons under the first emperors of the Nguyen dynasty (1802—1945), it was radically shortened, and the description of the last 65 years (1676—1740) was completely excluded from it. At the same time, not a single complete xylograph of the original text of the chronicle, as it was formed in the 18th century, has survived to this day. The questions of how and why this happened, and how the original version of the source can be at least partially restored, are the subject of this article.

Keywords: history of Vietnam in the Middle Ages and in modern times, Vietnamese annals, The Complete Annals of Dai Viet.

Author: Fedorin, Andrey L., D.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, RAS, Chinese Culture Research Center.
ORCID:0000-0003-0336-0055. Email: ffeedd@list.ru

For citation: Fedorin A.L. (2025). “Continuation of the Complete Annals of Dai Viet” and Its Difficult Fate. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 91–102.

Введение

В начале правления династии Нгуен в ходе подготовки к восстановлению централизованной системы государственных экзаменов на право занимать чиновничьи должности встал вопрос о пересмотре одного из основных канонических материалов, необходимых для подготовки соискателей, — официальной исторической хроники страны. Соответствующие издания времен династий Поздних Ле (1428—1789) и Тэйшонов (1778—1802), особенно их последние главы, для этого не годились, поскольку содержали откровенно враждебные выпады в адрес новой династии, утвердившейся на престоле, неверную, с её точки зрения, интерпретацию некоторых событий и даже по своей форме во многих случаях были для неё неприемлемы. Работа по переделке летописи, которая была начата еще при императоре Зя-лонге (1802—1819) и завершена уже при императоре Миньманге (1819—1841) (оба уделяли идеологическим проблемам особое внимание), привела к появлению её нового текста, где последние главы были кардинально сокращены, а описание событий 1676—1740 гг. вообще опущено. При этом власти потребовали все прежние ксилографы хроники с изначальным текстом XVIII в. по всей стране конфисковать и уничтожить как крамольные. Это и было сделано, причём настолько качественно, что ни одного экземпляра прежде весьма распространённого издания до сих пор найти не удалось. Между тем в короткий промежуток времени в начале XIX в., когда прежний вариант еще продолжал существовать, он стал источником сразу для нескольких частных рукописных исторических работ разных авторов, которые его не просто цитировали, но полностью клали в основу своих произведений, лишь трансформируя и добавляя новую информацию. Эти работы и по форме, и по содержанию были вполне лояльными действующей власти, поэтому в число апокрифов не попали. Их тщательный анализ и сравнение между собой позволяет хотя бы частично восстановить утраченный текст описания событий 1676—1740 гг. в том виде, в котором он был написан в XVIII в.

Подобные попытки, вполне удачные, уже предпринимались. Во Вьетнаме первым таким опытом стала работа переводчиков Нго Тхэ Лонга и Нгуен Ким Хынга и комментатора Нгуен Донг Тъи, завершённая в 1981 г. В качестве источников своего летописного свода, доведённого до 1789 г. [Đại Việt sử ký tục biên 1991: 8—9], они указали следующие:

1. «Продолжение Основных annалов исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки бан ки тук биен»), рукопись под шифром А.1415 (1676—1753).

2. «Продолжение Основных анналов исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки бан ки тук биен»), рукопись под шифром А.2089 (1676—1733).

3. «Продолжение вьетской истории» («Вьет шы тук биен»), рукопись под шифром А.6 (1676—1740).

4. «Продолжение исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тук биен»), рукопись под шифром А.1210 (1676—1789).

5. «Продолжение исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тук биен»), рукопись под шифром А.1189 (1417—1773) (рис. 1).

6. «Продолжение исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тук биен»), рукопись под шифром А.2760 (1741—1773).

7. «Продолжение исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тук биен»), рукопись под шифром А.4 (1417—1786).

8. «Записки об императорах династии Ле» («Ле хоанг чиеу ки»), рукопись под шифром А.14 (1740—1786).

9. «Краткие исторические записки о временах [правления династии] Поздние Ле» («Хау Ле тхи шы ки лыок»), рукопись под шифром НУ.119 (1730—1789).

При переводе авторы, в первую очередь, опирались на две хроники — А.1415 (для периода с 1676 по 1740 г.) и НУ.119 (для периода с 1741 по 1789 г.).

В своей работе они также активно использовали хронику Нго Као Ланга «Разнообразные записи о прошлых династиях» («Лить чиеу тап ки») [Lịch triều tạp ký; Ngô Cao Lãng 1995], самую раннюю и самую подробную по сравнению со всеми перечисленными выше, хотя почему-то не сочли её ещё одним из вариантов переработки поздних глав ТТ и привлекали лишь для подготовки комментариев.

Наконец, в 1986 г. японский учёный китайского происхождения Чэнь Цзин-хэ предложил свой вариант сводного текста ТБ (на ханвьете) по периоду с 1676 по 1789 г. [Дай Юэ си ки 1984—1986. Т. 3], который, судя по всему, базировался на указанной в списке выше рукописи А.1210.

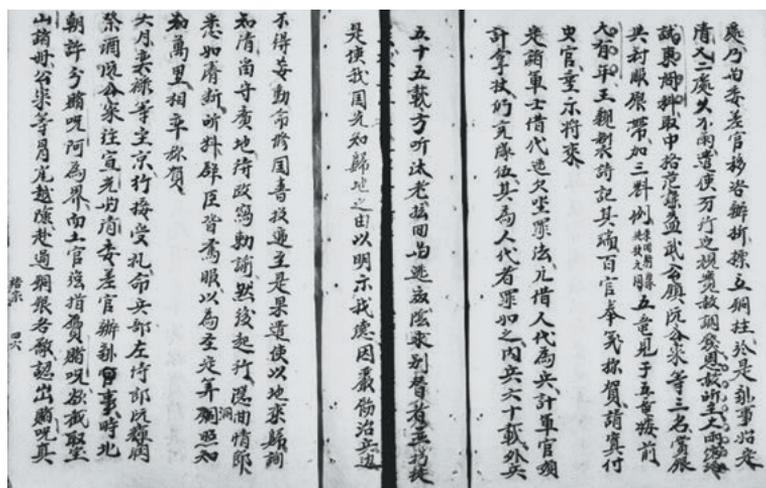

Рис. 1. Копия рукописи Đại Việt sử ký tục biên. Фото: А.Федорин.

История создания «Продолжения Полного собрания исторических записок Дайвьета»

Изначально «Продолжением Полного собрания исторических записок Дайвьета», вернее «Продолжением Основных анналов Полного собрания исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки бан ки тук биен») назывался последний раздел главного исторического памятника Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тоан тхы», далее ТТ). Всего таких разделов (кроме сборника предисловий) в его ксилографе, окончательно сформировавшемся в 1775 г. и охватывающем историю страны с глубокой древности и до 1740 г., было четыре: «Полное собрание внешних анналов исторических записок Дайвьета» (I—V главы Внешних анналов), «Полное собрание Основных анналов исторических записок Дайвьета» (I—XI главы Основных анналов), «Правдивое повествование Основных анналов исторических записок Дайвьета» (главы XII—XV Основных анналов) и «Продолжение Основных анналов полного собрания исторических записок Дайвьета» (начиная с XVI главы Основных анналов). В XIX в. этот последний раздел, самый объёмный в хронике, в силу своей политической актуальности претерпел серьёзные изменения, в результате которых оказался сокращённым до всего четырёх глав (XVI—XIX главы Основных анналов). При этом 65-летний период истории страны (1676—1740 гг.) оказался вообще не освещённым в нём. Между тем это был крайне интересный период «золотого века» традиционного вьетнамского государства, завершившийся глубокими социально-экономическими потрясениями, поэтому попытка восстановления касающегося его первоначального текста основного официального источника XVIII в., который мы в дальнейшем и будем называть «Продолжением Полного собрания исторических записок Дайвьета» (сокращенно — ТБ), представляется весьма важной.

Как мы уже неоднократно писали в наших работах [Федорин 2008: 8—10; Полное собрание... Т. 2: 26—132; Т. 3: 39—68], основным отличием вьетнамской историографической традиции от китайской (при их безусловной генетической связи) было то, что для вьетнамских летописцев целью их работ было не столько зафиксировать факты прошлого для будущих поколений, сколько составить дидактический сборник описаний исторических ситуаций, которые могли бы послужить уроком для его читателей, примером для подражания или образцом для осуждения. Для них главным жанром был своеобразный «учебник истории», по которому готовились к испытаниям на право занимать свои должности десятки поколений чиновников. Историческая традиция этой страны фактически так и не породила классических летописей по примеру китайских династических хроник с их многочисленными разделами. Попытки составить нечто подобное в конце XVIII Ле Куи Доном (1726—1784) [Lê Quý Đôn 1973] и начале XIX в. Фан Хюи Тю (1782—1840) [Phan Huy Chú 1960—1961] предпринимались, но это была исключительно частная инициатива, результаты которой даже не были удостоены возможности быть распространёнными в виде ксилографов. Образцом для национальной историографии всегда были не «исторические записки» (記, jì, ký, «Ши цзи» Сыма Цяня), а «канон истории» (書, shu, thư, «Шу цзин» и основная

вьетнамская летопись «Дайвьет шы ки тоан тхы»). Как и любой другой «единый учебник истории», он мог существовать только в одном единственном варианте, общим для всех и обязательно в виде ксилографа. С течением времени менялись династии, менялось отношение властей к тем или иным событиям и деятелям, и вместе с этим менялся и текст «учебника». При этом прежние его редакции, не соответствующие «новым требованиям», считались апокрифами и безжалостно уничтожались, так как не имели уже в глазах потребителей (чиновников и образованной части населения) какой-либо самостоятельной ценности, более того содержали крамолу, распространение которой могли приписать владельцам соответствующих книг. К глубокому сожалению современных историков, при таком подходе к исправлению текста он из века в век непрерывно сокращался, становясь всё более и более лапидарным и содержащим всё больше «скрытых указаний», которые были понятны только составителям и «посвящённым» [Федорин 2020].

История создания и бытования «Полного собрания исторических записок Дайвьета» в том виде, в котором этот источник дошёл до нашего времени, уже была проанализирована автором данной статьи ранее [Федорин 2008: 102—114]. Напомним лишь основные этапы его существования. Примерно в 70-х годах XI в., когда вьетнамское государство, по выражению китайских историографов, «решило обратить себя в империю» и появился Дайвьет, по-видимому, был написан первый вариант собственной хроники, в основном на материалах китайских произведений (до X в.), а также семейных хроник первых самостоятельных династий (Нго, Динь, Ранние Ле) и, возможно, «правдивого повествования» (шилу) времён династии Поздние Ли (1010—1225). Именно этот текст при династии Чан (1225—1400) был взят за основу составителями хроники «Вьет шы лыок», случайно сохранившейся в Китае, исторических разделов работы Ле Чака «Аннам тьи лыок» и хроники Ле Ван Хыу «Дайвьет шы ки» («Исторические записки Дайвьета») (1272 г.), которая и стала первым подобным «учебником истории», где описание событий было доведено до последнего года правления предыдущей династии и сопровождалось многочисленными комментариями автора.

При первых императорах династии Поздние Ле (1428—1789) Фан Фу Тиен написал разделы, касающиеся правления династий Чан и Хо (1400—1407), периода зависимости Вьетнама от китайской династии Мин (1407—1427), а также первых лет правления вновь созданной династии (по-видимому, до 1459 г., может быть, и позже), назвав все это «Продолжением исторических записок» («Шы ки тук биен»). Они, судя по всему, составляли отдельную работу (следов вмешательства Фан Фу Тиена в текст Ле Ван Хыу обнаружено не было). Наконец, в 1479 г., Нго Ши Лиен по заданию императора Ле Тхань-тонга (прав. в 1460—1497 гг.) обработал оба предыдущих текста, добавил к ним первую главу, касающуюся легендарных правителей страны, снабдил все главы своими предисловием и многочисленными комментариями и дал работе её современное название — «Полное собрание исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тоан тхы»). Безусловно, именно в это время появился первый ксилограф хроники, и она стала тем самым «учебником истории», который должны были назубок знать все те, кто претендовал на победу на государственных конкурсных испытаниях.

Следующим этапом работы над хроникой стало продолжение её текста Ву Куинем, дописавшим «Основные анналы четырёх императоров» (1460—1509) и назвавшим свою работу «Полное исследование всеобщего зеркала [истории] Дайвьета» («Дайвьет тхонг зям тхонг као») (1511 г.).

После падения в 1527 г. династии Начальных Поздних Ле, или Ле Шо все атрибуты государственной власти, включая заботу о государственной хронике, попали в руки династии Мак, чьи анонимные историки довели повествование, по-видимому, до 1529 г., подробно описав приход к власти основателя этой династии Мак Данг Зунга и существенно подкорректировав текст, существовавший ранее. Новая хроника состояла из двух частей: «Полное собрание всеобщего зеркала исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тхонг зям тоан тхы») и «Продолжение всеобщего зеркала исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тхонг зям тук биен»). Первая из них описывала события с древности и до периода зависимости от Минов включительно, вторая же, как это и было положено, была посвящена правлению династии Ле Шо, которую Маки считали своей предшественницей.

В 1593 г. после утраты Маками контроля над столицей и подавляющей частью территории страны, забота о национальной хронике вновь перешла к династии Поздние Ле (Рестаурированные Поздние Ле, или Ле Чунг-хынг), вернее к контролировавшему этих императоров дому Чинь. Впрочем, находясь в состоянии противостояния с остатками Маков, а чуть позже с новым противником, южными сепаратистами во главе с родом Нгуен, они далеко не сразу озаботились этой проблемой. Однако конкурсы на выдвижение гражданских чиновников не прерывались, без «учебника истории» обойтись было никак нельзя, «вражеский» вариант, существовавший при Маках, для этого не подходил, поэтому уже примерно в первой половине XVII в. некто Данг Бинь, о котором, кроме имени, нам больше ничего не известно, внёс соответствующую правку в последнюю на тот момент главу хроники, добавив в её текст три нелицеприятных для Мак Данг Зунга комментария, и вернул источнику прежнее название, которое тот получил еще в XV в. от Нго Ши Лиена («Дайвьет шы ки тоан тхы»), доведя текст до 1532 г., кануна возвращения к власти династии Поздние Ле. При этом автор не сильно утруждал себя тщательной переработкой всего текста, поэтому явные следы маковских «интервенций» в летопись так в ней и остались. Работу свою он закончил довольно поздно, не ранее 1643 г.

Возвращение интереса к вопросам идеологического воспитания будущих кадров гражданских чиновников по времени совпало с постепенным затуханием междоусобных войн. В начале 60-х годов XVII в. комиссии во главе с тогдашним руководителем гражданской администрации страны Фам Конг Чы (1600—1675) было поручено отредактировать весь текст хроники. В результате работы этой комиссии описание истории страны было доведено до 1662 г. Вкупе с предыдущими разделами хроника была признана официальной, и её было предложено заново перенести на доски для распространения по всей стране. Но на новые доски успели перенести только её часть (Внешние анналы, а также I—VII и XII главы Основных анналов), а затем эта работа по каким-то причинам была пре-

крашена: оставшиеся главы источника, вплоть до XV, по-прежнему тиражировались со старых досок.

В 1676 г. была создана новая комиссия по составлению государственной летописи, которую также возглавляли высшие администраторы страны, сначала Хо Ши Зыонг (1622—1681), а после его смерти — Ле Хи (1646—1702). Принято считать, что они переделали всю хронику и заново положили её на печатные доски. Однако это не так. Анализ сохранившихся ксилографов показывает, что частей, описывающих историю страны до 1533 г., они практически не касались, сосредоточив все свои усилия на главах, посвящённых периоду с 1533 по 1675 г., и реально писали не историю династии Поздние Ле того времени, а историю фактически правившего в стране дома Чинь со всеми вытекающими отсюда атрибутами, в частности, с делением на разделы, в том числе и по периодам правления отдельных *тью* из этой рода. Данная работа была завершена в 1697 г., который и считается временем создания ТТ, хотя к этому утверждению стоит отнестись критически. Именно в этих временных рамках (с древности до 1675 г.) существует и нынешний «канонический» вариант летописи, переведённый на русский язык [Полное собрание... 2002—2022].

В середине XVIII в. знаменитый вьетнамский историограф Ле Куи Дон написал свою версию хроники периода с 1533 по 1675 г. в восьми главах [Đai Việt sử ký toàn thư 1993; Федорин 2008: 93—101]. Она не была заменой «учебника», но пользовалась спросом и также стала ксилографом. Для нас это работа важна тем, что от неё, единственной их всех хроник династии Поздние Ле, сохранилась хотя бы часть исходного текста, что сделало возможным проследить на основе сравнительного анализа систему вьетнамского летописания в то время.

На этом история создания ТТ отнюдь не закончилась: ориентировочно в 1775 г. были созданы ещё шесть глав этого источника (XX—XXV) по периоду с 1676 по 1740 г., которые также были положены на доски и интегрированы в общую ткань «учебника». Эти шесть глав были составлены комиссией под руководством Нгуен Хоана (1713—1792) и получили название «Продолжение государственной истории» («Куок шы тук биен»), или «Продолжение Основных анналов» («Бан ки тук биен») [Đai Việt sử ký tục biên 1991: 5—6]. В целостном виде эти главы до нас не дошли (причин этого коснёмся ниже).

После падения в 1789 г. Поздних Ле и прихода к власти династии Тэйшон (1778—1802) прежний «учебник истории» апокрифом не стал хотя бы потому, что в его тексте ничего плохого о новой династии, появившейся на политической арене много позже 1740 г., сказано не было. Однако историки новой администрации страны во главе с Нго Тхи Нямом (1746—1803) на этот раз пошли по новому пути: они не стали переделывать под себя прежний вариант летописи, но решили написать абсолютно новую хронику с другим разделением на главы и, что важно, со своими оценками и комментариями. Первая часть этой хроники «Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета» («Дайвьет шы ки тиен биен») [Đai Việt sử ký tiền biên, ксилограф; Đai Việt sử ký tiền biên 1997], к счастью, сохранилась до наших дней. Прежнюю ТТ никто не запрещал, но утрата этим текстом утилитарного статуса «учебника истории», безусловно, негативно сказалась на его сохранности: он стал никому не нужен.

С приходом к власти Нгуенов (1802—1945), последней императорской династии во Вьетнаме, вновь встал вопрос о канонической хронике. Использовать вариант опального Нго Тхи Няма, что бы он там ни написал, было никак нельзя, поскольку главной линией новой династии было полное и безусловное отрицание всего того, что было принято и сделано Тэйшонами. Летопись, созданная при Поздних Ле, особенно её поздние разделы, и по содержанию, и по форме также во многом была неприемлема. Но «учебник» был нужен, конкурсные экзамены необходимо было возобновлять. За основу проекта его воссоздания, который, кстати, впервые был реализован не централизованно — государством, как прежде, а частным образом, под руководством чиновника Нгуен Ба Кхоа, был все-таки положен текст ТТ времен Поздних Ле, и поступили с ним примерно так же, как и Данг Бинь в XVI в.: всю древность (Внешние анналы, Основные анналы I—XV гл., до 1532 г.) не тронули, XVI и XVII главы кардинально изменили, а XVIII и XIX главы переписали заново. Свою летопись Нгуен Ба Кхоа довел лишь до 1675 г., взяв за основу хронологические рамки времён комиссии Ле Хи. А все более поздние главы по существу того же самого источника он просто опустил, сочтя, видимо, что с дидактической точки зрения они особой ценности не представляют.

В результате всех этих многовековых манипуляций образовался чрезвычайно сложный и запутанный конгломерат текстов, самую древнюю часть которого (VIII—X главы Основных анналов) составляли копии оттисков с досок, созданных еще при Нго Ши Лиене, затем (XI и XIII—XIV главы) шли аналогичные тексты Ву Куиня (в обоих случаях с изменениями, внесенными во времена правления династии Мак). За основу XV главы был взят текст, созданный при династии Мак, но кардинально исправленный Данг Бинем. Внешние анналы, I—VII и XII главы Основных анналов — это ксилограф, окончательно сформировавшийся в результате работы комиссии Фам Конг Чы в 60-х годах XVII в. и не претерпевший с тех пор заметных глазу изменений. XVI и XVII главы Основных анналов — это совместное творчество комиссий Фам Конг Чы и Ле Хи с кардинальной правкой (в сторону сокращения) Нгуен Ба Кхоа, внесённой в начале XIX в. И наконец, XVIII и XIX главы Основных анналов можно уже считать плодом труда самого Нгуен Ба Кхоа (или его сподвижников), который, несомненно, опирался на более ранние тексты ТТ, но оставил от них «рожки да ножки». Тем не менее именно этот текст был заново положен на доски (комплект досок, с которых был отпечатан базовый ксилограф ТТ, хранящийся в Париже, так называемый *Nội sách quan bản*) и стал распространяться в стране в качестве канонического. В 1827 г. доски ТТ из Ханоя перевезли в новую столицу (г. Хюэ). С них сделали 30 оттисков и раздали их ученикам Школы сынов Отечества, чтобы они исправили ошибки и неточности и поменяли в соответствии с регламентом все династические запретные иероглифы на их аналоги. Затем с этих исправленных листов сделали новый комплект досок (так называемый *Quốc tử giám bản*), с помощью которого были отпечатаны все известные нам ксилографы, хранящиеся сейчас во Вьетнаме. Регулярно меняясь (с появлением новых запретных иероглифов и заменой отдельных досок в связи с их приходом в негодность), этот комплект как рабочий инструмент просуществовал до 80-х годов XIX в., когда на свет появился новый «учебник» — «Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало

вьетской истории, основа и частности» (Кхам динь Вьет шы тхонг зям кьонг мук) [Khâm định Việt sử thông giám cương mục — ксилограф; Khâm định Việt sử thông giám cương mục 2007], полностью заменивший прежний и выведший его из обращения. Как это и положено, описание исторических событий в данной летописи было доведено до 1789 г., т. е. до времени падения династии, правившей до Нгуенов (Тэйшонов в качестве легитимной династии они не признавали), став более полным, чем в тексте ТТ.

С появлением нового варианта ТТ император Минь-манг в 1838 г. издал указ, предписывающий изъять и уничтожить все прежние оттиски этой хроники, сделанные до XIX в., поскольку в них содержались сведения, порочащие действующую династию и незаконно возвеличивающие «правителей-узурпаторов» из рода Чинь [Đại Việt sử ký tục biên 1991: 7]. И этот указ был исполнен настолько тщательно и последовательно, что вплоть до настоящего времени, кроме не так давно найденного небольшого фрагмента хроники Ле Куи Дона, упоминавшегося выше, ни одного ксилографа или его части, содержащих исходный текст летописей, созданных во Вьетнаме в XVIII в., найти так и не удалось, хотя изначально их как обязательного пособия при подготовке к конкурсным испытаниям на право быть чиновником должны были отпечатать довольно много.

Несмотря на то, что все ксилографы глав ТТ, повествующих об исторических событиях 1676—1740 гг., были уничтожены, восстановить их текст, хотя бы частично, всё-таки можно. Дело в том, что при Нгуенах до 1838 г., когда соответствующие ксилографы еще хранились в некоторых частных библиотеках, уже были предприняты попытки так преобразовать их текст, чтобы он стал для властей вполне приемлемым. Это были не ксилографы, но авторские рукописи, в которых информацию из первоисточника отбирали и преобразовывали так, что она уже не могла считаться оскорбительной для правящей династии и незаконно возвеличивающей дом Чинь. Чаще всего это достигалось путем сокращения исходного текста, но нередко и добавления в него новых сведений, которых в первоисточнике быть не могло. В частности, добавляли информацию о внутренних событиях на независимом от Тханглонга юге страны, где самостоятельно правил дом Нгуен (который потом и стал правящей династией). Таким образом, история династии Поздние Ле при относительно небольших изменениях превращалась в историю государства Дайвьет в целом. Пространные цитаты из ТТ приводились и не в летописных по форме произведениях, а например, в семейных хрониках ([Đặng gia phả... 2006]), что вполне легко обнаружить. При этом многие из этих рукописей были доведены до более поздней, чем 1740 г., даты, что свидетельствует о наличии и других (кроме ксилографа ТТ), судя по всему, очень подробных летописных источников, установить которые не всегда представляется возможным.

Заключение

По нашему мнению, восстановление, насколько это возможно, исходного текста ТБ по периоду 1676—1740 гг. является важной задачей, решение которой позволит создать прочную источниковедческую базу для исследования процес-

сов, происходивших во вьетнамском обществе в этот сложный и неоднозначный период. Первые успешные шаги в этом направлении были уже предприняты вьетнамскими исследователями [Đại Việt sử ký tục biên 1991], однако, к сожалению, ими был опубликован не реконструированный текст на ханвьете, а только его перевод и комментарии к нему.

Мы изучили хронику Lịch triều tạp kỷ, сделав основной упор на воссоздании и публикации текста на ханвьете, основываясь на имеющихся у нас материалах (хроника Нго Као Ланга, реконструкция Чэнь Цзин-хэ на базе рукописи А. 1210, находящаяся в нашем распоряжении копия рукописи А.1189 [Đại Việt sử ký tục biên — рукопись]) и результатах исследования погибшей летописи вьетнамскими учёными.

Список литературы

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 1—8. М.: Вост. лит., 2002—2022. (Памятники письменности Востока. СХХХ, 1—8).

Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М.: Вост. лит., 2008. 207 с.

Федорин А.Л. «Скрытые указания» во вьетнамских летописях // Юго-Восточная Азия: от прошлого к современным трендам развития. М: ВКН, 2020. С. 123—131.

Đại Việt sử ký toàn thư [Полное собрание исторических записок Дайвьета]. Т. 4. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội, 1993. Тг. 645—670. (Ксилограф глав XX, XXI и части главы XXII Основных анналов ТТ на ханвьете, хранившийся в библиотеке первого министра просвещения в правительстве ДРВ Нгуен Ван Хуена).

Đại Việt sử ký tiền biên [Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Ксилограф А.2/1—7 на ханвьете, хранящийся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

Đại Việt sử ký tiền biên [Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1997. 566 tr.

Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Рукопись А.1189 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991. 484 tr.

Đặng gia phả hệ toàn chính thực lục và Đặng gia phả ký tục biên [Правдивое повествование о главной линии рода Данг и Продолжение семейной хроники рода Данг]. Hà Nội: Nxb. Thế giới, 2006. 1170 tr.

Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Ксилограф А.2674 на ханвьете, хранящийся в библиотеке Азиатского общества в Париже.

Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Т. 1—2. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 2007.

Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử [Ле Куи Дон. Сводная история Дайвьета]. Sài Gòn: Bộ văn hóa giáo dục và thanh niên xuất bản, 1973. 308 tr.

Lịch triều tạp ký [Разнообразные записи о прошлых династиях]. Т. 1—4, 6. Рукопись Vhv.1321 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp ký [*Hgo Kao Lang*. Разнообразные записи о прошлых династиях]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 696 tr.

Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí [*Фан Хюу Тю*. Классифицированное описание установлений прошлых династий]. Т. 1—4. Hà Nội: Nxb. Sử học, 1960—1961.

Дай Юэ си ки дзэнсё [Полное собрание исторических записок Дайвьета. Сводный текст на ханвьете] / сост., коммент. Чэнь Цзин-хэ. Т. 1—3. Токио, 1984—1986. (На яп. яз.)

References

Đại Việt sử ký tiền biên [Preliminary Notes to the Historical Records of Dai Viet] (1997). Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. 566 tr.

Đại Việt sử ký tiền biên [Preliminary Notes to the Historical Records of Dai Viet]. Woodblock print A.2/1—7 in Han Viet, kept in Hanoi in the library of the Institute of Hieroglyphic Writing (Viện Hán—Nôm).

Đại Việt sử ký toàn thư [The Complete Annals of Dai Viet] (1993). Т. 4. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội. Tr. 645—670. (A woodblock print of Chapters XX, XXI, and part of Chapter XXII of the Basic Annals of the TT in Han Viet, kept in the library of the first Minister of Education in the government of the DRV Nguyen Van Huynh).

Đại Việt sử ký tục biên [Continuation of the Historical Records of Dai Viet]. Manuscript A.1189 in Han Viet, preserved in the library of the Institute of Hieroglyphic Writing (Viện Hán—Nôm) in Hanoi.

Đại Việt sử ký tục biên [Continuation of the Historical Records of Dai Viet] (1991). Hanoi: Nxb. Khoa học Xã hội. 484 tr.

Dai Yue si ki zensho [The Complete Annals of Dai Viet. Summary Text in Han Viet] (1984—1986). Compiled and commented by Chen Ching-he. Vol. 1—3. Tokyo. (In Japanese)

Đặng gia phả hệ toàn chính thực lục và Đặng gia phả ký tục biên [The True Narrative of the Main Line of the Dang Clan and the Continuation of the Family Chronicle of the Dang Clan] (2006). Hà Nội: Nxb. Thế giới. 1170 tr.

Fedorin, A.L. (2020) «Skrytye ukazaniya» vo vietnamskih letopisyah [“Hidden indications” in Vietnamese annals], in: *Yugo-Vostochnaya Aziya: ot proshlogo k sovremennym trendam razvitiya* [Southeast Asia: from the past to modern development trends]. M.: VKN. S. 123—131.

Fedorin, A.L. (2008). *Novye dannye o vietnamskom letopisani* [New data on Vietnamese annals]. M.: Vost. lit. 207 s.

Khâm định Việt sử thông giám cương mục [The General Mirror of Vietnamese History, Approved by the Supreme Command, Foundation and Particulars]. Xylograph A.2674 on Han Viet, kept in the library of the Asiatic Society in Paris.

Khâm định Việt sử thông giám cương mục [The General Mirror of Vietnamese History, Foundations and Particulars, Approved by the Supreme Command] (2007). Vol. 1—2. Hà Nội: Nxb. Giáo dục.

Lê Quý Đôn (1973). *Đại Việt thông sử* [Le Quy Don. *Summary History of Dai Viet*]. Sài Gòn: Bộ văn hóa giáo dục và thanh niên xuất bản. 308 tr.

Lịch triều tạp ký [Various records of past dynasties]. Vol. 1—4, 6. Manuscript Vhv.1321 in Han Viet, kept in Hanoi in the library of the Institute of Hieroglyphic Writing (Viện Hán—Nôm).

Ngô Cao Lãng (1995). *Lịch triều tạp ký* [Ngo Cao Lang. *Various records of past dynasties*]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. 696 tr.

Phan Huy Chú (1960—1961). *Lịch triều hiến chương loại chí* [Phan Huy Chu. *Classified Description of the Institutions of Past Dynasties*]. Vol. 1—4. Hà Nội: Nxb. Sử học.

Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Dajvieta (Dai Viet su ky toan thu) [The Complete Annals of Dai Viet]. T. 1—8 (2002—2022). M.: Vost. lit. (Pamyatniki pismennosti Vostoka. CXXX, 1—8). (In Russian)

Дата поступления статьи: 12.11.2024

Дата поступления в переработанном виде: 15.05.2025

Принята к печати: 11.06.2025

Received: November 12, 2024

Received in revised form: May 15, 2025

Accepted: June 11, 2025

А.В. Кандыба

Палеолитический хоабиньский комплекс пещеры Мангтиенг в Северном Вьетнаме

Аннотация. В статье представлены результаты изучения памятника Мангтиенг, материалы которого относятся к поздним этапам палеолита. Во Вьетнаме известно большое количество палеолитических стоянок, однако отсутствует их надежная геохронология. Поэтому возможности реконструкции динамики развития древних популяций человека для данного региона (при использовании только традиционных методов — типологии артефактов, анализа видового состава фауны и флоры) сильно ограничены в силу специфики природной среды и особенностей осадконакопления. Изучение с использованием современных геоархеологических методов стратиграфической последовательности литологических отложений в Мангтиенг, несмотря на присутствие в них обширных физических и химических деформаций, дает возможность рассмотреть важные вопросы, связанные с активностью плейстоценовых гоминин в Северном Вьетнаме.

В статье подробно рассматриваются археологические коллекции стоянки; определяются основные технико-типологические особенности каменной индустрии. Наличие в орудийных компонентах суматралитов и топоров, в том числе коротких, характеризует данные комплексы как близкие культуре хоабинь. Состав фаунистических остатков свидетельствует об активной охотничьей деятельности древних обитателей пещеры. Доказывается, что возраст трех культурно-литологических слоев соответствует финалу плейстоцена. Согласно результатам микроморфологических и стратиграфических исследований, осадконакопление нижнего слоя происходило в условиях влажного климата, а двух верхних — в более сухих природных обстановках. На основании данных абсолютного датирования проявление хоабиньской культуры в пещере Мангтиенг можно отнести ко времени ок. 18 тыс. л. н. Проводимые комплексные исследования пещерных комплексов Северного Вьетнама в последнее десятилетие подтверждают уникальность культурной традиции *хоабинь*, как пример относительно устойчивой и продолжительной адаптации древних человеческих популяций к условиям тропических широт в конце плейстоцена и начале голоцена.

Ключевые слова: Северный Вьетнам, пещера Мангтиенг, каменная индустрия хоабинь, палеоэкология.

Автор: Кандыба Александр Викторович, к. и. н., с. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН. ORCID: 0000-0003-0985-9121.
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Для цитирования: Кандыба А.В. Палеолитический хоабиньский комплекс пещеры Мангтиенг в северном Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 103—119.

Alexander V. Kandyba

Paleolithic Hoabinhian Complex of Mang Chieng Cave in Northern Vietnam

Abstract. The article presents the results of a study of the Mang Chieng cave, the materials of which date back to the late stages of the Paleolithic of Vietnam. The Paleolithic of Vietnam contains a large number of Pleistocene sites, but the lack of reliable geochronology meant that the possibilities of reconstructing the dynamics of the development of ancient human populations using only traditional methods (typology of artifacts, analysis of the species composition of fauna and flora) are severely limited due to the specific nature of the natural environment and the characteristics of sedimentation of this region. This article examines in detail the archaeological collections, primarily the tool component of the Hoabinhian. The morphological features of stone products are highlighted, the presence of a tool component is noted, including sumatralites, stone axes, short axes, characteristic of the cultural and chronological era of Hoabinhian. The discovered faunal composition indicates the active hunting activity of the inhabitants of the Mang Chieng cave. According to the results of micromorphological and stratigraphic studies, sedimentation of the lower Hoabinhian layer occurred in a humid climate, and the upper two in drier natural environments. Based on absolute dating data, the manifestation of the Hoabinhian in Mang Chieng Cave can be dated to the period of 18 thousand years ago. Comprehensive studies of cave complexes in Northern Vietnam in the last decade confirm the uniqueness of this Hoabinhian phenomenon as an example of relatively stable human adaptation to tropical latitudes at the end of the Pleistocene and the beginning of the Holocene.

Keywords: Northern Vietnam, Mang Chieng cave, Hoabinhian stone industry, paleoecology.

Author: Kandyba Alexander V., Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0985-9121. E-mail: arhkandyba@gmail.com

For citation: Kandyba, A.V. (2025). Paleolithic Hoabinhian Complex of Mang Chieng Cave in Northern Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 103—119.

Введение

Во всей Юго-Восточной Азии карстовые районы играли заметную роль в расселении гоминин на протяжении последних десятков тысяч лет [Brown et al. 2004; Yi et al. 2008; van den Bergh et al. 2009; Mijares et al. 2010; Rabett 2012]. Глубокие изменения климата и ландшафта наблюдались в глобальном масштабе во время MIS-2 (29—11,7 тыс. л.н.). По мере ухудшения природных условий во время последнего ледникового максимума (26—19 тыс. л.н. [Clark et al. 2009]) во многих районах сухих тропиков наблюдалась повышенная засушливость. Как в этих, так и в более высоких широтах, сильнее подверженных влиянию расширяющегося ледникового покрова, все биотические сообщества имели тенденцию сжиматься в рефугиальные анклавы [Pala et al. 2012; Rose et al. 2013; Williams et al. 2013; Husemann 2014]. Процесс дегляциации также привел к устойчивому повышению уровня моря и затоплению прибрежных районов. При скорости затопления от 0,4 м до 5,0 м за 100 лет это воздействие на природные сообщества в Юго-Восточной Азии было очень значительным [Hanebuth 2009; Hunt, Gilbertson

2014]. В конечном счете 75 % низменного плейстоценового массива суши региона, включая многочисленные мелкие острова и островные цепи, которые простирались от Азии на юг, до экватора и далее, были затоплены к середине голоцена [Rabett et al. 2017].

Исследование карстовых местонахождений, служивших рефугиумами для человеческих популяций в условиях природно-климатических изменений финала плейстоцена и начала голоцена на территории Юго-Восточной Азии, тесно связано с таким культурным явлением, как *хоабинь*. Следует отметить, что концептуальное осмысление данного термина, его наполнение, территориальные и хронологические границы до сих пор являются предметом дискуссий [Matthews 1966; Gorman 1971; Ha Van Tan 1997; Forestier et al. 2015]. Характеристика технико-типологического облика хоабиньской каменной индустрии различными авторами также имеет явные расхождения, но в целом можно выделить основные составляющие компоненты: 1) рубящие орудия (чопперы); 2) унифасиально обработанные изделия (суматралиты, обычно овальной формы; короткие топоры, обычно квадратной формы); 3) галечное расщепление (простое раскалывание галек). Сегодня общепризнано, что данный культурный феномен является примером ранней адаптации человека современного антропологического типа на обширной территории Юго-Восточной Азии [Marwick 2008; Marwick 2013; Rabett et al. 2011; Forestier et al. 2013; Kandyba et al. 2023]. Одним из мест первоначального обнаружения [Colani 1929] и наиболее значительной концентрации хоабиньских памятников является Северный Вьетнам [Hoang Xuan Chinh 1989]. Обнаружение на данной территории в последние 15 лет новых археологических объектов позволило изучить их на современном уровне мультидисциплинарных исследований [Деревянко 2018]. Такой комплексный подход к исследованию археологических памятников позволяет лучше изучить биоразнообразие, существовавшее в древних тропических карстовых лесах, и оценить степень влияния, которое оно оказало на процессы и масштабы жизнедеятельности человека в этих условиях. Целью данной статьи является введение в научный оборот новых результатов изучения пещеры Мангтиенг — данных технико-типологического анализа артефактов; палеонтологических, микроморфологических, стратиграфических исследований; определений, полученных методами абсолютного датирования. Необходимо отметить, что в предварительных публикациях [Деревянко и др. 2012, 2013], посвященных данному памятнику, приводились неверно транслитерированные названия пещеры «Манчин» и «Ман Чин», поэтому здесь и далее нами используется ее правильное название — «Мангтиенг».

Материалы исследования

Пещера Мангтиенг (Mang Chieng) (N 20°18'49'', E 105°35'50'') расположена в северной части Вьетнама, в провинции Тханьхоа, на территории национального парка Кукфьонг и была обнаружена как научный объект в 2010 году совместной российско-вьетнамской экспедицией. Географически она локализована в северных предгорьях горной системы Чыонгшонбак (северная часть Аннамского нагорья) и находится на высоте 203 метра над уровнем моря (рис. 1).

Рис. 1. Расположение пещеры Мангтиенг (А), общий вид на вход в пещеру (Б), вид на раскоп 2012 г. в пещере с юго-запада (В). *Фото автора.*

Пещера расположена в лесном горном массиве на удалении от речных долин. Вход в пещеру, размерами 12 м в ширину и более 3 м в высоту, ориентирован на юго-восток, и большую часть дна предвходовая и входовая части пещеры освещены прямым солнечным светом. Пещера представляет собой сводовую камеру площадью 160 м², с максимальной высотой около 5 м, зал которой поворачивает вправо от входа и расширяется в горизонтальном плане, одновременно сужаясь в вертикальном. Во входовой части в 2011 г. был заложен раскоп площадью 6 м². Был вскрыт однородный литологический слой мощностью 0,5—0,6 м, который содержал 345 каменных артефактов и большое количество антропологических остатков, предположительно от девяти человек. Характеристика археологического материала и полученные радиоуглеродные датировки позволяют говорить о позднеголоценовом возрасте этого участка, и в данной статье не рассматриваются.

Раскоп 2012 г., площадью 6 м², был заложен в глубине пещеры, на расстоянии 8 м по прямой и перпендикулярно к северо-восточной стенке раскопа предыдущего года (рис. 2). Общая мощность вскрытых отложений составляет 1,1—1,2 м, в них выделено три литологических подразделения. Структурной особенностью осадков является их рыхлая, местами кальцинированная, консистенция. Отложения верхней пачки (слой 1, мощность 0,25—0,4 м) представляют собой пепельно-серый пылеватый алеврит; средняя толща (слой 2, мощность 0,3—0,5 м) является серо-коричневым пылеватым алевритом, а непосредственно на скальном основании залегает рыхлый красно-коричневый суглинок (слой 3, мощность 0,3—0,4 м). Известняковый обломочник крупных размеров присутствует в верхней части отложений, и уменьшается в габаритах вниз по разрезу. В двух верхних литологических подразделениях очень высока насыщенность ракушками моллюсков *Cyclophorous* sp. и *Bradybaena jourdi*. В нижнем слое остатки моллюсков представлены мелкими фрагментами. Непосредственно на контакте рыхлых отложений и скального основания окрас седимента меняется на серо-жёлтый.

В 2018 г. проводилось дополнительное изучение пещеры с целью уточнения стратиграфии, определения абсолютной хронологии и микроморфологии рыхлых отложений [McAdams et al. 2022]. Для определения абсолютного возраста двух образцов из слоя 2 использовался радиоуглеродный и OSL-метод (рис. 2).

Каменный инвентарь из слоя 1 насчитывает 174 экз. В коллекции присутствуют 6 галек крупных и средних размеров, 15 обломков галек и 7 обломков плитчатого сланца, некоторые из которых преобразованы в орудия.

Нуклевидные формы имеют 19 предметов: 12 колотых галек, шесть нуклевидных обломков и нуклеус. Помимо этого, четыре гальки являются отбойниками. Колотые гальки представляют собой предметы со следами апробации, т. е. несут негативы нескольких сопряженных или разрозненных сколов по краям. Единственный нуклеус является одноплощадочным монофронтальным и создан на окатанном куске известняка (рис. 3, 1). Выпуклый фронт скальвания несет негативы сколов разных размеров, часто заканчивающихся заломами.

Коллекция сколов и отходов производства насчитывает 127 экз., из них 71 отщеп (здесь и далее под отщепами понимаются снятия с отсутствием галечной корки на дорсале; первичный скол сохраняет полностью галечную поверхность на дорсале; вторичное снятие имеет такую поверхность лишь частично). Первичных сколов в коллекции 10 экз., вторичных — 20 экз. Также присутствуют 12 обломков, 13 осколков и одна чешуйка.

Орудийный набор насчитывает 25 экз. Наиболее представительна группа скребел различных модификаций. Первое скребло — прямое поперечное одинарное, создано на кварцитовом крупном отщепе коротких пропорций. Ретушь ступенчатая среднефасеточная полукрутая. Другое прямое одинарное скребло сформировано на гальке (рис. 3, 2). Следующее скребло создано на массивном первичном сколе, на одном из краев оформлено лезвие непрерывной ступенчатой среднефасеточной крутой ретушью. Еще одно выпуклое скребло создано вследствие фрагментации плоской гальки. Рабочий элемент оформлен непрерывной, бифасиальной, крутой чешуйчатой, ступенчатой ретушью.

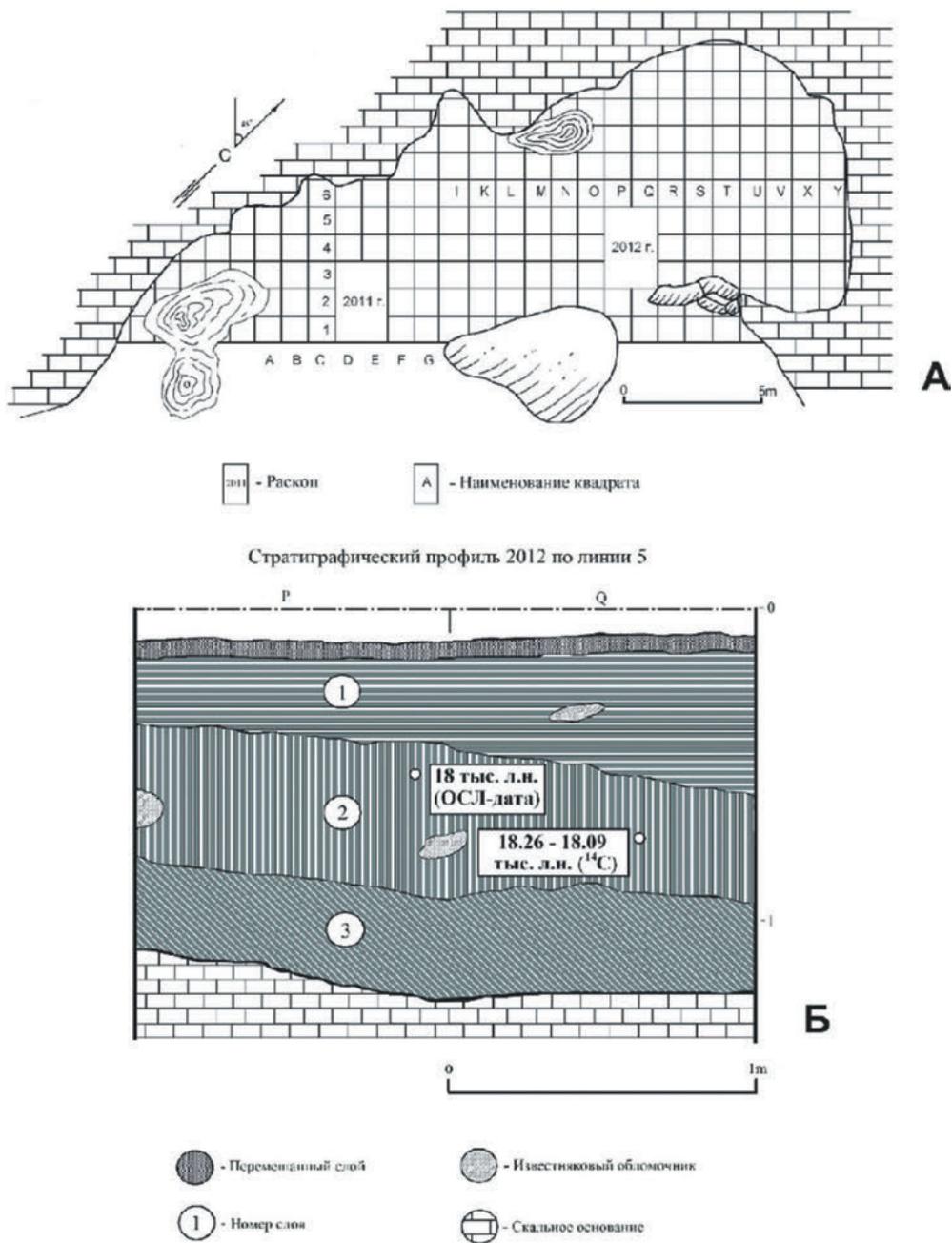

Рис. 2. План-схема пещеры Мангтиенг (А), стратиграфический профиль отложений раскопа 2012 г. по линии 5 (Б).

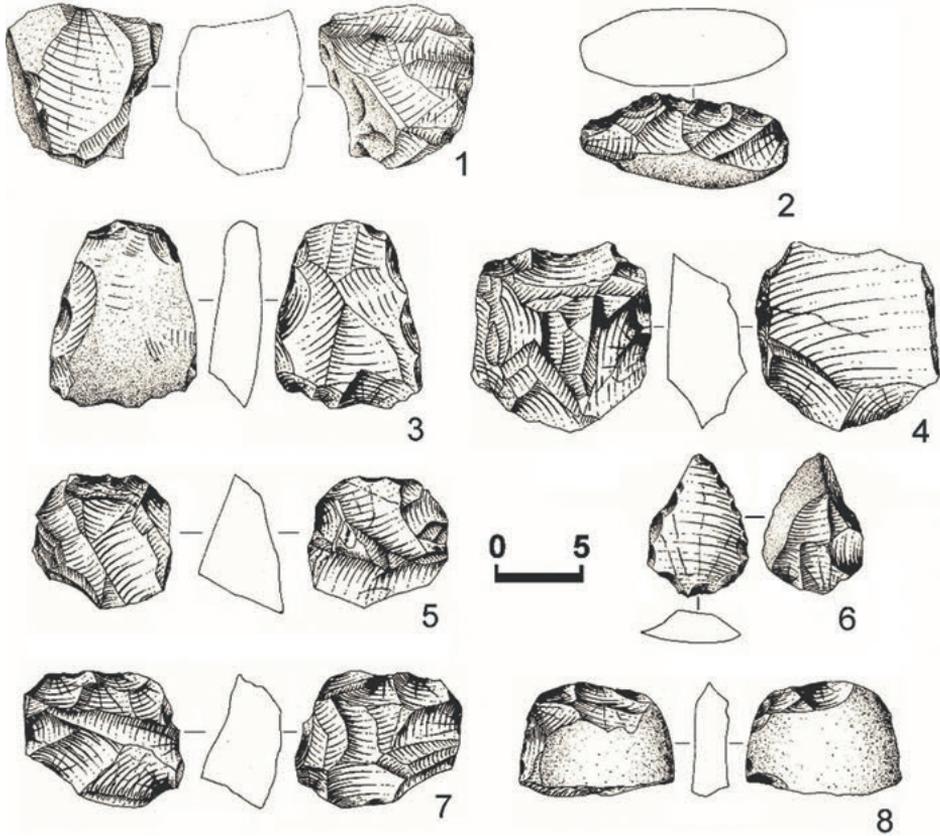

Рис. 3. Одноплощадочный монофронтальный нуклеус (1), прямое одинарное скребло (2), тесло (3), суматралиты (4, 5, 7), наконечник (6), обломок топора (8) из слоя 1 пещеры Мангтиенг.

Двойное скребло с конвергентно направленными лезвиями и обушком оформлено на отщепе среднего размера, один из краев которого обработан непрерывной, крутой, чешуйчатой, разнофасеточной ретушью. Другой край оформлен прерывистой крутой чешуйчатой ретушью. Фрагментированное скребло на гальке, трапециевидной в плане формы, обладает рабочим краем на узком конце, подработанным непрерывной, крутой чешуйчатой, среднефасеточной ретушью.

Орудие с носиком создано на коротком отщепе среднего размера. Рабочий элемент оформлен в проксимальной части на месте ударной площадки непрерывной, крутой чешуйчатой, разнофасеточной ретушью.

Выемчатое орудие создано на продольно-краевом кварцитовом отщепе. Выемка оформлена на продольном крае в медиальной части непрерывной крутой чешуйчатой ретушью.

Для двух скребел, представленных обломками, исходным сырьем служили плоская галька и окатанный плоский известняк. В обоих случаях один из краев

оформлен унифасиальной, непрерывной, краевой чешуйчатой, полукрутой разнофасеточной ретушью.

В коллекции присутствует группа тесел. Первое создано на окатанной плитке известняка трапециевидной в плане формы (рис. 3,3). На одном из краев создана выемка непрерывной, чешуйчатой, полукрутой среднефасеточной ретушью. Конвергентно сходящийся противоположный край оформлен сколами и подправлен непрерывной ступенчатой среднефасеточной ретушью. Следующее тесло создано на массивной гальке квадратной в плане формы. Плоскость рабочего лезвия образована снятием одного крупного отщепа, собственно прямой рабочий край оформлен непрерывной, чешуйчатой, вертикальной среднефасеточной ретушью.

Группа коротких топоров насчитывает три предмета, и для всех исходным сырьем являлись окатанные обломки известняка. Рабочие края, как правило, созданы непрерывной, местами бифасиальной, заломистой ступенчатой ретушью, со средними фасетками.

Морфологически близко к этой группе галечное орудие, оформленное на массивной гальке квадратной в плане формы. Плоская пятка создана снятием многочисленных сколов. Один из продольных краев оформлен бифасиальной оббивкой. Узкий край, противоположный пятке, содержит следы забитости, в результате которой образовались многочисленные мелкие заломистые сколы. Определенную схожесть показывает еще одно орудие, созданное на массивном окатанном куске известняка и оформленное грубой бифасиальной оббивкой. Пятка у данного орудия является плоскостью разлома.

Два чоппера созданы на отдельностях известняка трапециевидной в плане формы, первоначально оббивкой, потом подправлены непрерывной ступенчатой среднефасеточной ретушью. Еще один чоппер создан на гальке овальной в плане формы аналогичным способом.

Присутствуют суматралиты в количестве трех предметов (рис. 3,4,5,7). Они, как правило, круглой в плане формы и созданы на плоских гальках средних размеров путем грубой непрерывной, местами бифасиальной, краевой оббивки на одной плоскости заготовки, и эпизодически подправлены мелкой ступенчатой, чешуйчатой ретушью.

Рубящее орудие, овальное в плане формы и треугольное в сечении, выполнено на крупном куске гальки. Острый продольный край создан путем снятия крупных отщепов, другой имеет вид обушка и сохраняет естественную поверхность. Острые поперечные края несут негативы многочисленных коротких заломистых сколов, местами со следами забитостей.

Наконечник создан на коротком среднем вторичном сколе (рис. 3,6). При оформлении использовался естественный контур заготовки по длинной оси, совпадающей с направлением скальвания. Черешок создан двумя мелкими сколами. Оба продольных края эпизодически подправлены с вентральной стороны фасетками среднего размера.

Помимо двух неопределимых обломков с ретушью, присутствует обломок орудия, возможно, топора (рис. 3,8), которого отличает как наличие прерывистой ретуши (утилизационной), так и сильная зашлифованность поверхности.

Необходимо также отметить костяное орудие, овальное в плане, с зашлифованными краями, сколотое с массивной кости крупного животного.

Каменная индустрия слоя 2 насчитывает 58 предметов, из них две гальки и два обломка гальки.

Нуклеидные формы представлены 16 предметами, среди которых 13 коло-тых галек, имеющих те же характеристики, что и аналогичная категория из слоя 1. Один из предметов является ретушером.

Нуклеусов в коллекции насчитывается 3 экз., все относятся к плоскостной параллельной системе расщепления. Два ядрища демонстрируют вариант скальвания поперечной ориентации. Расщепление велось поперек длинной оси заготовки и без предварительной подготовки ударной площадки. Полукруглый фронт скальвания сохраняет негативы параллельных коротких и укороченных сколов средних и мелких размеров. Для последнего предмета квадратной формы исходным сырьем служил мраморизованный известняк (рис. 4, 1). Ударная площадка оформлена несколькими сколами, после чего было произведено несколько мелких снятий с поверхности фронта скальвания.

Коллекция сколов и отходов производства насчитывает 38 экз., из них 17 отщепов. Вторичных сколов шесть предметов, а первичные сколы представлены

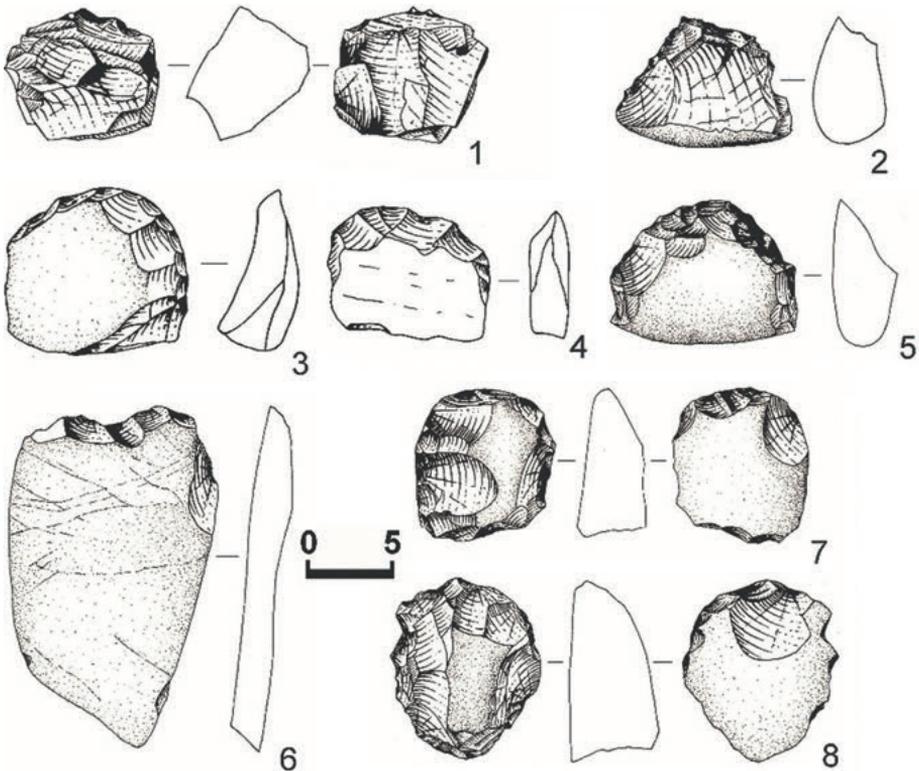

Рис. 4. Одноплощадочный монофронтальный нуклеус (1), конвергентное скребло (2), короткие топоры (3—5), тесло (6) суматралиты (7, 8) из слоя 2 пещеры Мангтиенг.

только одним экземпляром. Также в коллекции десять обломков, два осколка и две чешуйки.

Орудийный набор насчитывает 14 предметов. Для конвергентного скребла исходным сырьем служила намеренно фрагментированная плоская галька (рис. 4,2). Края оформлены непрерывной, в одном случае зубчатой, в другом чешуйчатой, ступенчатой разнофасеточной ретушью.

Четыре коротких топора созданы на обломках мраморизованного известняка (рис. 4,3—5). Рабочий край во всех случаях оформлен непрерывной, ступенчатой, чешуйчатой, полукрутой захватывающей ретушью со средними фасетками. Пятки всех предметов представляют собой поверхность разлома. К данной группе вполне может примыкать фрагментированное орудие — треугольный обломок окатанного известняка, один из краев которого оформлен непрерывной, ступенчатой, среднефасеточной полукрутой ретушью.

Также в орудийном наборе представлены тесла, первое из которых создано на крупном окатанном четырехугольном куске известняка. Рабочее лезвие оформлено несколькими крупными снятиями, противоположный край является плоскостью разлома. Следующее тесло создано на окатанной плитке известняка трапециевидной в плане формы (рис. 4,6). На одном из краев создана выемка непрерывной, чешуйчатой, полукрутой среднефасеточной ретушью. Конвергентно сходящийся противоположный край оформлен двумя сколами и подправлен непрерывной, ступенчатой среднефасеточной ретушью.

Присутствуют в орудийном наборе суматралиты (четыре предмета), для которых исходным сырьем служили плоские гальки с краями, обработанными на одной плоскости первоначально оббивкой по периметру и подправленными непрерывной краевой крутой чешуйчатой среднефасеточной ретушью (рис. 4,7,8; 5,1,2).

Чоппер создан на гальке овальной в плане формы путем снятия мелких укороченных сколов на одном из узких краев заготовки (рис. 5,3). В коллекции единственным изделием представлено долотовидное орудие. При оформлении орудия использовалась естественная форма окатанного прямоугольного, плоского известняка. Узкий край сохраняет следы утилизационной бифасиальной ретуши.

Также в одном экземпляре присутствует топор, созданный на гальке (рис. 5,4). Лезвие отличается бифасиальное оформление мелкими сколами и сильная заполированность.

Каменный инвентарь слоя 3 насчитывает 82 предмета, в том числе представлены по одному экземпляру галька, она же пест-терочник (рис. 5,5), обломок гальки и обломок плитки. К нуклевидному набору отнесены десять колотых галек (рис. 5,6).

Коллекция сколов и отходов производства насчитывает 69 экз., из них 38 отщепов. Первичный скол в коллекции один, вторичных снятий насчитывается пять предметов. Также в коллекции присутствуют 17 обломков, один осколок и семь чешуек.

Орудийный набор насчитывает 9 экз. Конвергентное трансверсальное скребло создано на известняковом отщепе при помощи непрерывной чешуйчатой, часто заломистой, среднефасеточной ретуши.

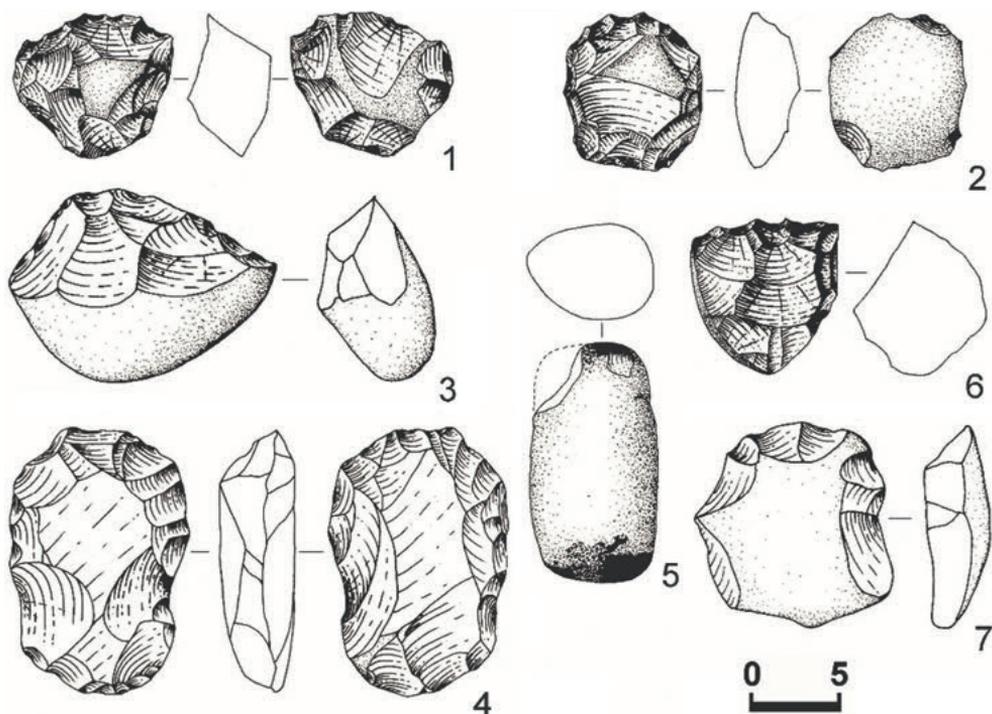

Рис. 5. Суматралиты (1, 2), чоппер (3), топор (4) из слоя 2, пест-терочник (5), колотая галька (6), короткий топор (7) из слоя 3 пещеры Мангтиенг.

Представительна группа коротких топоров в количестве трех предметов (рис. 5, 7). В качестве исходного материала использовался окатанный мраморизованный известняк. Рабочий край создан непрерывной бифасиальной, ступенчатой, заломистой крутой ретушью с фасетками крупного и среднего размера.

Исходным сырьем для двух тесел служил окатанный мраморизованный известняк. Рабочий широкий край первого предмета оформлен попеременной оббивкой, другой край заужен при помощи непрерывной, вертикальной, крупнофасеточной, местами заломистой ретуши. Один продольный край тесла является поверхностью разлома. Рабочее лезвие второго орудия оформлено первоначально оббивкой, а потом подправлено прерывистой ретушью. Пятка представляет собой поверхность разлома.

Суматралиты представлены двумя предметами, их заготовки послужили плоские гальки. Оформление заключалось в первоначальной оббивке по периметру и нанесении непрерывной краевой крутой чешуйчатой, среднефасеточной ретуши. В обоих случаях на противоположной стороне есть негатив крупного скола.

Единичным предметом является чоппер, созданный на продолговатой овальной гальке. Оформление заключалось в снятии нескольких средних коротких сколов и подправке прерывистой, полукрутой среднефасеточной ретушью.

Заключение

Полевые и лабораторные исследования пещеры Мангтиенг, проведенные в 2012 и 2018 гг., предоставили возможность определить последовательность заселения объекта древним населением.

Каменная индустрия слоя 3 хоть и малочисленная, но позволяет сделать вывод о *хоабиньском* облике археологического материала. Характерные для *хоабиня* суматралиты, короткие топоры, тесла, наличие песта-терочника, незначительное количество отходов каменного расщепления — все это свидетельствует о поселенческом характере памятника. Микроморфологические исследования слоя 3 подтверждают данный вывод, поскольку эти отложения изобилуют угольными включениями, сильно фрагментированными (возможно, вытоптантыми человеком) раковинами моллюсков, фрагментами обгоревших костей. Осадконакопление происходило гораздо ранее полученных датировок (18 тыс. л.н.), в условиях влажного климата [McAdams et al. 2022: 9].

Каменная индустрия слоя 2 включает такие же компоненты орудийного набора, как и в предыдущем комплексе: суматралиты, короткие топоры, тесла. Появляются нуклеусы параллельного принципа расщепления. Возраст данного культурно-хронологического подразделения 18 тыс. лет, его формирование происходило в условиях сухого климата. В это время, согласно результатам микростратиграфических исследований, человек продолжал активно осваивать пещеру Мангтиенг, причем фрагментов древесного угля становилось больше, но количество целых ракушек резко возрастает [Там же: 10]. В целом можно предположить, что в это время из центра обитания данный участок превратился в периферию освоения древним человеком пространства пещеры.

Каменная индустрия слоя 1 является самой многочисленной в коллекции пещеры. Несмотря на наличие типично *хоабиньских* элементов каменной индустрии, в инвентаре можно проследить следующие изменения. Суматралиты, несмотря на сохраняющуюся морфологию, претерпели некоторые модификации, в частности, ровная плоскость одной из сторон сформирована интенсивным скалыванием и не сохраняет естественную поверхность. Во вторичной обработке появляется шлифовка как каменного орудия (обломок топора), так и костяного орудия. Следует отметить обнаружение листовидного наконечника со слабо выраженным черешком. Данная индустрия моложе полученных датировок нижележащего слоя (18 тыс. л.н.), но технико-типологические показатели данного комплекса очень близки к хоабиньским материалам пещеры Сомчай, изученным автором ранее и, предположительно, имеющим финальноплейстоценовый-раннеголоценовый возраст [Кандыба и др. 2021].

Все три культурных слоя, как отмечено выше, по облику типично *хоабиньские*; в период формирования этих слоев пещера Мангтиенг интенсивно осваивалась древним человеком. Многочисленные отходы производства (отщепы, обломки и пр.), связанные с финальной стадией обработки камня, свидетельствуют о создании орудий, которые составляют до 10 % от общего количества артефактов. Следует отметить, что значительное расстояние от источников галечных сырья из рек и ручьев обуславливало использование местных известняковых пород

для первичного расщепления и создания орудий. Дополнительным свидетельством интенсивного освоения человеком пещеры является фаунистическая коллекция, насчитывающая 700 костных остатков, из которых 157 экз. являются определимыми (определение канд. биол. наук А.Н. Тихонова). Для всех слоев характерна сильная раздробленность и обугленность остатков костей, что затрудняло определение их видовой принадлежности. В слое 3 фаунистическая коллекция наименее представительная. Из костных остатков определимы только несколько фрагментов оленевых и грызунов. Фаунистический состав слоя 2 более разнообразный, чем у предыдущего литологического подразделения. Помимо оленых (замбар / *Cervus unicolor*, мунтжак / *Muntiacus reevesi*, серао / *Capricornus sumatransis*, оленёк / *Tragulus javanicus*), на которых приходится до 50 % определимых костей, и птичьих, встречаются останки медведя (*Helarctos malayanus*), кабана (*Sus scrofa*), обезьяны (*Macaca sp.*) и носорога (*Rhinoceros sondaicus annamiticus*). В слое 1 остатки животных представлены так же, как и в слое 2, в основном копытными видами, такими как оленевые (замбар, серао, мунжак, оленек), и птичьими костями. В единичных экземплярах присутствуют зуб дикобраза (*Hystrix javanica*), голень виверы (*Viverra zibetha*) и белки (*Callosciurus erythraeus*).

Археологические и палеонтологические материалы пещеры Мангтиенг существенно дополняют картину заселения карстового района Кукфьонг на поздних этапах плейстоцена. Орудийные наборы всех трех слоев пещеры свидетельствуют о ее заселении носителями *хоабинской* традиции. Отдаленность от регулярных водяных артерий, наличие большого вида копытных в фауне Мангтиенга, использование вместе с импортированным галечным сырьем местного известнякового материала, а также большой процент орудий в коллекции — всё это позволяет сделать предположение об использовании пещеры как охотничьего лагеря. Ранее изученные пещерные памятники данного района — Зиём и Конмонг — имели преимущественно поселенческий характер, они также содержат слои, относящиеся к культуре *хоабинь* [Kandyba et al. 2020, 2023,], так что результаты исследования пещеры Мангтиенг существенно увеличивают предполагаемые ареал и степень освоённости *хоабинским* населением тропического карстового лесного района Кукфьонг.

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. III: Ашельская и бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. 572 с.

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан. Результаты полевых исследований пещеры Манчин (Вьетнам) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2012. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 59—62.

Деревянко А.П., Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой. Результаты полевых исследований пещеры Ман Чин (Вьетнам) в 2012 году // Проблемы археоло-

гии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 66—69.

Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Карпова С.О., Чеха А.М., Деревянко А.П., Гладышев С.А., Ле Хай Данг. Каменная индустрия пещеры Сомчай (раскопки 1980—1981 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7. С. 62—72.

Brown P., Sutikna T., Morwood M.J., Soejono R.P., Jabniko Saptomo Wayhu, Rokus Awe Due E. A new small-bodied hominin from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia // *Nature*. 2004. Vol. 431, pp. 1055—1091.

Clark P.U., Dyke A.S., Shakun J.D., Carlson A.E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J.X., Hostetler S.W., McCabe A.M. The last glacial maximum // *Science*. 2009. Vol. 325, pp. 710—714.

Colani M. Quelques Stations Hoabinhiennes // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient — Persée*. 1929. Vol. XXIX, pp. 261—272.

Forestier H., Sophady H., Puaud S., Celiberti V., Frere S., Zeitoun V., Mourer-Chauvire C., Mourer R., Than H., Billault L. The Hoabinhian from Laang Spean Cave in its stratigraphic, chronological, typo-technological and environmental context (Cambodia, Battambang province) // *Journal of Archaeological Science*. 2015. Rep. 3, pp. 194—206.

Forestier H., Zeitoun V., Winayalai C., Metais C. The open-air site of Huai Hin Northwestern Thailand): chronological perspectives for the Hoabinhian // *Comptes Rendus Palevol*. 2013. Vol. 12, pp. 45—55.

Gorman C.F. The Hoabinhian and after: subsistence patterns in Southeast Asia during the late Pleistocene and early recent periods // *World Archaeology*. 1971. Vol. 2, Iss. 3, pp. 300—320.

Ha Van Tan. The Hoabinhian and before // *Bull. of the Indo-Pacific Prehistory Assoc*. 1997. Vol. 16 (3), pp. 35—41.

Hanebuth T.J.J., Statterger K., Bojanowski A. Termination of the Last Glacial maximum sea-level lowstand: the Sunda-Shelf data revisited // *Global and Planetary Change*. 2009. Vol. 66, pp. 76—84.

Hoang Xuan Chinh. Hoa Binh Culture in Vietnam. Hanoi, 1989. 260 p.

Hunt C.O., Gilbertson D.D. Shorelines, mangroves and human environments in the coastal lowlands of northeastern Borneo during the Late Quaternary // *Living in the Landscape*. (McDonald Institute Monographs). Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2014, pp. 121—136.

Husemann M., Schmitt T., Zachos F.E., Ulrich W., Habel J.C. Palaeartic biogeography revisited: evidence for the existence of a North African refugium for Western Palaeartic biota // *Journal of Biogeography*. 2014. Vol. 41. Iss. 1, pp. 81—94.

Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Checha A.M., Nguyen Gia Doi, Le Hai Dang, Nguyen Anh Tuan, Derevianko A.P. Āiem Cave: A Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2023. Vol. 51. Iss. 3, pp. 130—139.

Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Chekha A.M., Derevianko A.P. Con Moong Cave — a Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam // *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2020. Vol. 48, Iss. 4, pp. 45—56.

Marwick B. What attributes are important for the measurement of assemblage reduction intensity? Results from an experimental stone artefact assemblage with relevance to the Hoabinhian of mainland Southeast Asia // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35, pp. 1189—1200.

Marwick B. Multiple Optima in Hoabinhian flaked stone artefact palaeoeconomics and palaeoecology at two archaeological sites in Northwest Thailand // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2013. Vol. 32, pp. 553—564.

Matthews J.M. A review of the “Hoabinhian” in Indo-China // *Asian Perspectives*. 1966. Vol. IX, pp. 86—95.

McAdams C., Morley M.W., Fu X., Kandyba A.V., Derevianko A.P., Nguyen D.T., Doi N.G., Roberts R.G. Late Pleistocene shell midden microstratigraphy indicates a complex history of human-environment interactions in the uplands of northern Vietnam // *Philosoph. Transactions of the Royal Soc. B*. 2022. Vol. 377, Iss. 1849, pp. 1–16.

Mijares A.S., Detroit F., Piper P., Grün R., Bellwood P., Aubert M., Champion G., Cuevas N., DeLeon A., Dizon E. New evidence for a 67,000-year-old human presence at Callao cave, Luzon, Philippines // *Journal of Human Evolution*. 2010. Vol. 59, Iss. 1, pp. 123–132.

Pala M., Olivieri A., Achilli A., Accetturo M., Metspalu E., Reidla M., Tamm E., Karmin M., Reisberg T., Kashani B.H., Perego U.A., Carossa V., Gandini F., Pereira J.B., Soares P., Angerhofer N., Rychkov S., Al-Zahery N., Carelli V., Sanati M.H., Houshmand M., Hatina J., Macaulay V., Pereira L., Woodward S.R., William Davies W.D., Gamble C., Baird D., Semino O., Villems R., Torroni A., Richards M.B. Mitochondrial DNA signals of late glacial recolonization of Europe from near eastern refugia // *The American Journal of Human Genetics*. 2012. Vol. 90, pp. 915–924.

Rabett R.J. *Human Adaptation in the Asian Palaeolithic: Hominin Dispersal and Behaviour During the Late Quaternary*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 372 p.

Rabett R., Appleby J., Blyth A., Farr L., Gallou A., Giffiths T., Hawkes J., Marcus D., Marlow L., Morley M., Nguyen Cao Tan, Nguyen Van Son, Penkman K., Reynolds T., Stimpson S., Szabo K. Inland shell midden site-formation: investigation into a late Pleistocene to early Holocene midden from Trang An, northern Vietnam // *Quaternary International*. 2011. Vol. 239, pp. 153–169.

Rabett R., Ludgate N., Stimpson C., Hill E., Hunt C., Ceron J., Farr L., Morley M., Reynolds T., Zukswert H., Simpson D., Nyiri B., Verhoeven M., Appleby J., Meneely J., Phan L., Dong N.-N., Lloyd-Smith L., Hawkes J., Blyth A., Nguyễn Cao Tấn. Tropical limestone forest resilience and late Pleistocene foraging during MIS-2 in the Tràng An massif, Vietnam // *Quaternary International*. 2017. Vol. 448, pp. 62–81.

Rose J.I., Cerný V., Bayoumi R. Tabula rasa or refugia? Using genetic data to assess the peopling of Arabia // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2013. Vol. 24, pp. 95–101.

van den Bergh G.D., Meijer H.J.M., Awe Due Rokus, Morwood M.J., Szabo K., van den Hoek Ostende L.W., Sutikna T., Saptomo E.W., Piper P.J., Dobney K.M. The Liang Bua faunal remains: a 95 ka sequence from Flores, East Indonesia // *Journal of Human Evolution*. 2009. Vol. 57, Iss. 5, pp. 527–537.

Williams A.N., Ulm S., Cook A.R., Langley M.C., Collard M. Human refugia in Australia during the last glacial maximum and Terminal pleistocene: a geospatial analysis of the 25-12 ka Australian archaeological record // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40, pp. 4612–4625.

Yi S., Lee J.-J., Kim S., Yoo Y., Kim D. New data on the Hoabinhian: investigations at Hang Cho cave, northern Vietnam // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2008. Vol. 28, pp. 73–79.

References

Derevianko A.P. (2018). Ashel'skaya i bifasial'naya industriya v Afrike i Azii: Levant, Araviya, Iran, Indiya, V'etnam i ostrovnaya chast' Yugo-Vostochnoi Azii [Acheulean and bifacial industry in Africa and Asia: the Levant, Arabia, Iran, India, Vietnam and insular Southeast Asia], in: *Tri global'nye migratsii cheloveka v Eyrzii*. T. 3 [Three Global Human Migrations in Eurasia. Vol. III]. Novosibirsk: IAET SO RAN publ. 572 p. (In Russian)

Derevianko A.P., Nguyen Giang Hai, Nguyen Khac Su, Tsybankov A.A., Kandyba A.V., Tikhonov A.N., Nguen Gia Doi, Phan Than Toan (2012). Rezul'taty polevykh issledovaniy peshchery Manchin (V'etnam) v 2011 godu [Results of field research of Manchin Cave (Vietnam) in 2011], in: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. XVIII: 59–62. (In Russian)

- Derevianko A.P., Nguyen Khac Su, Tsybankov A.A., Kandyba A.V., Tikhonov A.N., Nguyen Gia Doi (2013). Rezul'taty polevykh issledovaniy peshchery Man Chin (V'etnam) v 2012 godu [Results of field research of Man Chinh Cave (Vietnam) in 2012], in: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., XIX: 66–69. (In Russian)
- Kandyba A.V., Nguyen Gia Doi, Karpova S.O., Chekha A.M., Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Le Hai Dang (2021). Kamennaia industriia peshchery Somchai (raskopki 1980–1981 gg.) [Stone industry of Xom Trai (excavations 1980–1981)], in: *Vestnik Novosibirskogo gosuderstvennogo universiteta. Seria: Istorii, filologii* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 20 (7): 62–72. (In Russian)
- Brown P., Sutikna T., Morwood M.J., Soejono R.P., Jabniko Saptomo Wayhu, Rokus Awe Due E. (2004). A new small-bodied hominin from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia. *Nature*, 431: 1055–1091.
- Clark P.U., Dyke A.S., Shakun J.D., Carlson A.E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J.X., Hostetler S.W., McCabe A.M. (2009). The last glacial maximum. *Science*, 325: 710–714.
- Colani M. (1929). Quelques Stations Hoabinhiennes [Some Hoabinhian Stations]. *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient — Persée*, XXIX: 261–272. (In French)
- Forestier H., Sophady H., Puaud S., Celiberti V., Frere S., Zeitoun V., Mourer-Chauvire C., Mourer R., Than H., Billault L. (2015). The Hoabinhian from Laang Spean Cave in its stratigraphic, chronological, typo-technological and environmental context (Cambodia, Battambang province). *Journal of Archaeological Science*, 3: 194–206.
- Forestier H., Zeitoun V., Winayalai C., Metais C. (2013). The open-air site of Huai Hin Northwestern Thailand): chronological perspectives for the Hoabinhian. *Comptes Rendus Palevol*, 12: 45–55.
- Gorman C.F. (1971). The Hoabinhian and after: subsistence patterns in Southeast Asia during the late Pleistocene and early recent periods. *World Archaeology*, 2, (3): 300–320.
- Ha Van Tan (1997). The Hoabinhian and before. *Bull. of the Indo-Pacific Prehistory Assoc*, 16 (3): 35–41.
- Hanebuth T.J.J., Stattegger K., Bojanowski A. (2009). Termination of the Last Glacial maximum sea-level lowstand: the Sunda-Shelf data revisited. *Global and Planetary Change*, 66: 76–84.
- Hoàng Xuân Chinh, Nguyễn Văn Bình, Hà Văn Tấn (1989). *Văn hóa Hòa Bình ở Việt Nam* [Hoang Xuan Chinh, Nguyen Van Binh, Ha Van Tan. *Hoa Binh Culture in Vietnam*]. Hà Nội. 260 p. (In Vietnamese)
- Hunt C.O., Gilbertson D.D. (2014). Shorelines, mangroves and human environments in the coastal lowlands of northeastern Borneo during the Late Quaternary, in: *Living in the Landscape (McDonald Institute Monographs)*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research: 121–136.
- Husemann M., Schmitt T., Zachos F.E., Ulrich W., Habel J.C. (2014). Palaeartic biogeography revisited: evidence for the existence of a North African refugium for Western Palaeartic biota. *Journal of Biogeography*, 41 (1): 81–94.
- Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Chekha A.M., Nguyen Gia Doi, Le Hai Dang, Nguyen Anh Tuan, Derevianko A.P. (2023). Diem Cave: A Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 51 (3): 130–139.
- Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Chekha A.M., Derevianko A.P. (2020). Con Moong Cave — a Stratified Late Pleistocene and Early Holocene Site in Northern Vietnam. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 48 (4): 45–56.
- Marwick B. (2008). What attributes are important for the measurement of assemblage reduction intensity? Results from an experimental stone artefact assemblage with relevance to the Hoabinhian of mainland Southeast Asia. *Journal of Archaeological Science*, 35: 1189–1200.

Marwick B. (2013). Multiple Optima in Hoabinhian flaked stone artefact palaeoeconomics and palaeoecology at two archaeological sites in Northwest Thailand. *Journal of Anthropological Archaeology*, 32: 553–564.

Matthews J.M. (1966) A review of the “Hoabinhian” in Indo-China. *Asian Perspectives*, IX: 86–95.

McAdams C., Morley M.W., Fu X., Kandyba A.V., Derevianko A.P., Nguyen D.T., Doi N.G., Roberts R.G. (2022). Late Pleistocene shell midden microstratigraphy indicates a complex history of human-environment interactions in the uplands of northern Vietnam. *Philosoph. Transactions of the Royal Soc. B*, 377 (1849): 1–16.

Mijares A.S., Detroit F., Piper P., Grün R., Bellwood P., Aubert M., Champion G., Cuevas N., DeLeon A., Dizon E. (2010). New evidence for a 67,000-year-old human presence at Callao cave, Luzon, Philippines. *Journal of Human Evolution*, 59 (1): 123–132.

Pala M., Olivieri A., Achilli A., Accetturo M., Metspalu E., Reidla M., Tamm E., Karmin M., Reisberg T., Kashani B.H., Perego U.A., Carossa V., Gandini F., Pereira J.B., Soares P., Angerhofer N., Rychkov S., Al-Zahery N., Carelli V., Sanati M.H., Houshmand M., Hatina J., Macaulay V., Pereira L., Woodward S.R., William Davies W.D., Gamble C., Baird D., Semino O., Villemers R., Torroni A., Richards M.B. (2012). Mitochondrial DNA signals of late glacial recolonization of Europe from near eastern refugia. *The American Journal of Human Genetics*, 90: 915–924.

Rabett R.J. (2012). *Human Adaptation in the Asian Palaeolithic: Hominin Dispersal and Behaviour During the Late Quaternary*. Cambridge: Cambridge University Press. 372 p.

Rabett R., Appleby J., Blyth A., Farr L., Gallou A., Giffiths T., Hawkes J., Marcus D., Marlow L., Morley M., Nguyen Cao Tan, Nguyen Van Son, Penkman K., Reynolds T., Stimpson S., Szabo K. (2011). Inland shell midden site-formation: investigation into a late Pleistocene to early Holocene midden from Trang An, northern Vietnam. *Quaternary International*, 239: 153–169.

Rabett R., Ludgate N., Stimpson C., Hill E., Hunt C., Ceron J., Farr L., Morley M., Reynolds T., Zuckswert H., Simpson D., Nyiri B., Verhoeven M., Appleby J., Meneely J., Phan L., Dong N.-N., Lloyd-Smith L., Hawkes J., Blyth A., Nguyễn Cao Tấn. (2017). Tropical limestone forest resilience and late Pleistocene foraging during MIS-2 in the Tràng An massif, Vietnam. *Quaternary International*, 448: 62–81.

Rose J.I., Cerný V., Bayoumi R. (2013). Tabula rasa or refugia? Using genetic data to assess the peopling of Arabia. *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 24: 95–101.

van den Bergh G.D., Meijer H.J.M., Awe Due Rokus, Morwood M.J., Szabo K., van den Hoek Ostende L.W., Sutikna T., Saptomo E.W., Piper P.J., Dobney K.M. (2009). The Liang Bua faunal remains: a 95 ka sequence from Flores, East Indonesia. *Journal of Human Evolution*, 57(5): 527–537.

Williams A.N., Ulm S., Cook A.R., Langley M.C., Collard M. (2013). Human refugia in Australia during the last glacial maximum and Terminal pleistocene: a geospatial analysis of the 25–12 ka Australian archaeological record. *Journal of Archaeological Science*, 40: 4612–4625.

Yi S., Lee J.-J., Kim S., Yoo Y., Kim D. (2008). New data on the Hoabinhian: investigations at Hang Cho cave, northern Vietnam. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, 28: 73–79.

Дата поступления статьи: 27.03.2025

Дата поступления в переработанном виде: 26.05.2025

Принята к печати: 13.06.2025

Received: March 27, 2025

Received in revised form: May 26, 2025

Accepted: June 13, 2025

Nguyen Thi Bich Ngoan

The Local Catholic Orders in Vietnam: the Case of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem

Abstract. This article seeks to articulate various facets of the order Lovers of the Holy Cross of Phat Diem Diocese (*Dòng Mến Thánh Giá Phát Diệm*), one of the local and famous Catholic religious orders in Vietnam. After presenting its history, the article points out characteristics of the organizational structure, monastic life, and social activities of this religious order.

The article is focused on the motherhouse of Luu Phuong community which the author researched during a field trip to in June 2020. Drawing on research methods, including document analysis and participant observation as a part of field studies, this research aims to take a further step in investigating the current situation of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem in Vietnam and provides a further understanding of such a local form of religious order within the Catholic Church in the Vietnamese context.

Keywords: The Lovers of the Holy Cross, Phat Diem Diocese, Vietnamese Catholicism, religious order, monastic life.

Author: Nguyen Thi Bich Ngoan, Researcher, Department of Christian Studies, Institute for Religious Studies, Vietnam Academy of Social Sciences.
E-mail: nguyenbichngoan@gmail.com

For citation: Nguyen Thi Bich Ngoan (2025). The Local Catholic Orders in Vietnam: The Case of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem. *The Russian journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 120—128.

Нгуен Тхи Бить Нгоан

Местные католические ордены Вьетнама: орден «Сёстры, возлюбившие Святой Крест» в Фатзиеме

Аннотация. Статья посвящена деятельности ордена «Сёстры, возлюбившие Святой Крест» епархии Фатзиема (*Dòng Mến Thánh Giá Phát Diệm*), одного из известных католических орденов во Вьетнаме. Представлена его история, особенности организационной структуры, монашеской жизни и социальной деятельности. Деятельность ордена исследуется как пример локальной формы религиозного ордена в рамках католической церкви во вьетнамском контексте.

Ключевые слова: Сёстры возлюбившие Святой Крест, епархия Фатзием, вьетнамский католицизм, религиозный орден, монашеская жизнь.

Автор: Нгуен Тхи Бить Нгоан, н. с., отдел изучения католицизма, Институт религиозных исследований, Вьетнамская академия общественных наук.
E-mail: nguyenbichngoan@gmail.com

Для цитирования: Нгуен Тхи Бить Нгоан. Местные католические ордены Вьетнама: орден «Сёстры, возлюбившие Святой Крест» в Фатзиеме // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 120—128.

Introduction

Catholicism is the second-largest religion among the sixteen religions existing in Vietnam, with an estimated seven million Christians [Vũ Hoài Bắc et al. 2022: 19]. Within Vietnamese Catholicism, there is a diversity of forms of religious practices under various organizations spanning from laity to monastic life. The Lovers of the Holy Cross (*Đòng Mến Thánh Giá*), known as the first local religious order, was founded in what is now Vietnam in 1670. This order, with over 350 years of existence, has actively contributed to constructing the Catholic Church in Vietnam in both monastic and apostolic aspects. Over time, the congregations of the Lovers of the Holy Cross evolved into specific diocesan orders that have been distributed in different Catholic dioceses in Vietnam. In this article the author will consider one of the 25 branches of this congregation — the branch of Phát Diệm diocese.

Among them, the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem, based in the Phat Diem Diocese (Ninh Binh province), played a pivotal role during the course of the history of Catholicism in Vietnam. Nevertheless, scholars have paid little attention to investigating this order. Additionally, the extent of research studies, typically by scholars such as Nguyen Hong Duong [2006], Phuong Lien [2007], and Le Van Tho [2011], primarily focused on the history of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem. Despite Le Van Tho's reference to the social activities of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem, his research only briefly touched upon this issue. Generally, the questions about the monastic life and social activities of this religious organization in Vietnam at present seem to have been insufficiently addressed.

Drawing on specific research methods, including document analysis and participant observation, as well as conducting a field trip to the motherhouse of Luu Phuong community in June 2020, this research aims to take a further step in investigating not only the historical issues but also the current situation of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem in Vietnam.

History of the Lovers of the Holy Cross in Vietnam and Phat Diem

The Lovers of the Holy Cross, hereafter referred to as LHC, was established by Bishop Lambert de la Motte (1624—1679) of the Paris Missionary of Society (MEP) in 1670 in Pho Hien, and then its first congregation was born in Kien Lao, now situated in Nam Dinh province. In the late seventeenth century, this religious order had around 20 congregations with 100 nuns, and by 1787, the number of nuns had increased to 500 living in 25 congregations [Hội đồng Giám mục Việt Nam 2017: 364]. Over time, the LHC not only developed in terms of manpower but also became more disciplined in terms of organization. In 1907, the Law of LHC, written in Vietnamese Romanized script, was republished by the Ke So publishing house, now located in Ha Nam province. Subsequently, in 1924, Bishop Cooman granted permission to publish the Law

on Simple Vows as well as the Book of Regulation of LHC's congregations in Thanh Diocese [Ibid: 365—366].

According to the statistics for 2019, the religious order by the name of LHC in Vietnam is spread across the country, including twenty-four different local orders, each commonly named according to their motherhouse's respective locations. These orders scatter across many Catholic dioceses from North to South Vietnam [Nhóm Nghiên cứu... 2020]. The earliest groups of LHC to be founded in the same year, 1670, are the LHC of Kien Lao and the LHC of Hanoi. Meanwhile, the latest group in the LHC is the LHC of Ba Ria, which was founded in 2007. Besides these domestic institutions, the LHC has had three overseas ones.

The LHC of Phat Diem was founded in 1902. This Catholic religious order is currently situated in Phat Diem district, Ninh Binh province, which is approximately 100 kilometers south of Hanoi, Vietnam. The year 1902 also marked the official establishment of the Thanh Diocese, with the episcopal seat based in Phat Diem Church. The Thanh Diocese, also called the Bac Ky Duyen Hai (Tonkin Maritime) Diocese, encompasses areas including Thanh Hoa and Phat Diem Dioceses today. It was placed under the patronage of Bishop Alexandre Marcou. This bishop brought together three different congregations of LHC, namely Bach Bat, Phuc Nhac, and Cach Tam, to establish a common organization known as the LHC of Phat Diem [Trần Ngọc Thụ 2001: 99]. He subsequently entrusted missionary Louis de Cooman with the task of composing the new law for the LHC of Phat Diem based on the 1917 Code of Canon Law. This marked the LHC of Phat Diem as the first religious order of Catholicism in Vietnam renovated according to the 1917 Code of Canon Law, which started to regulate the simple vows for sisters.

Following the new law, on February 2, 1925, 71 novices of the LHC of Phat Diem took simple vows in the Luu Phuong motherhouse [Trương Bá Cần 2008, 571]. Six years later, these nuns consecrated themselves to the solemn vows, becoming the first nuns to take the solemn vows of the LHC in Vietnam. In 1932, the Holy See in Rome decided to divide Thanh Diocese into Thanh Hoa Diocese and Phat Diem Diocese. The LHC of Phat Diem was also separated accordingly. All congregations located in Thanh Hoa Diocese took the name of the LHC of Thanh Hoa. Meanwhile, the rest of the congregations situated in the Phat Diem Diocese were named the LHC of Phat Diem. In the Phat Diem Diocese, this religious order first had the main congregation in Luu Phuong, subsequently establishing other congregations in different areas. For instance, Ninh Binh congregation, Van Hai congregation, Khiet Ky congregation, Huong Dao congregation, Ton Dao congregation, and others [Trần Ngọc Thụ 2001: 102].

In 1954, following the Geneva Accords, Vietnam was partitioned into two regions, South Vietnam and North Vietnam. Due to worries about living in a communist society in North Vietnam, at that time, many Catholics there sought to flee to South Vietnam [Denney 1990: 271]. Sisters of the LHC of Phat Diem were not an exception. In 1954, 183 sisters of this religious order, alongside Christians, migrated to South Vietnam [Trần Ngọc Thụ 2001: 104; Nhóm Nghiên cứu... 2020]. In South Vietnam, these nuns contributed to establishing the LHC of Phat Diem in Go Vap, which subsequently changed its name to become the LHC of Go Vap, now situated in Ho Chi Minh City.

In the Phat Diem Diocese, the remaining sisters of the LHC of Phat Diem, numbering around 30 individuals of old age, strived to maintain their religious practices. In 1957, they recruited 30 novices, and in 1963, these novices took simple vows [Trần Hoàn 2009]. Nevertheless, during the Vietnam War, the manpower of the LHC of Phat Diem found it difficult to increase. Following the end of the Vietnam War in 1975, many Vietnamese Catholics, including sisters of the LHC of Phat Diem in Go Vap, fled Unified Vietnam overseas. They also arrived in the US, subsequently setting up their congregations there.

After the Renovation, known as *Đổi Mới*, commenced in Vietnam in 1986, owing to the execution of a more tolerant policy on religious issues by the Communist Party of Vietnam and the Vietnamese State, the LHC of Phat Diem experienced a significant revival in the early 1990s and continued to develop further in subsequent times. According to the statistics in 2019, the LHC of Phat Diem had 32 congregations, including 28 congregations operating within the Phat Diem Diocese and 4 congregations in places outside the Phat Diem Diocese such as Hanoi, Nam Dinh, Italy, and the US [Giáo phận Phát Diệm 2019].

Organizational structure and monastic life of the LHC of Phat Diem

As a religious order, the LHC of Phat Diem maintains strict discipline in both organizational structure and monastic life. In terms of organizational structure, the LHC of Phat Diem is a diocesan religious order under the Phat Diem Diocese, organized into two levels: the level of order and the level of congregation. The level of order administers all congregations, with the Luu Phuong motherhouse serving as its main base, located in the Luu Phuong commune, Kim Son district, Ninh Binh province (Fig. 1). Meanwhile, the level of congregation pertains to the organizational belonging of the order, and each congregation has at least three nuns taking solemn vows and one serving as their administrator.

The superior general of the LHC of Phat Diem is known as the head of the motherhouse, responsible for overseeing the order in general. The election of the superior general is determined by the assembly of nuns, and this result must be verified by the Bishop of Phat Diem Diocese. Her term of mission lasts for four years, with the possibility of being reappointed once. The nun elected to become the superior general must meet the criteria, such as taking solemn vows for at least ten years and not exceeding the age-regulated. Additionally, this candidate is also a nun who willingly dedicates her love to the order, excels in cultivating ethical standards, observes the rules and traditions of the order, expresses loyalty to the teachings of the Catholic Church, and acquires a deep understanding of theology [Tòa Giám mục Thành phố Hồ Chí Minh 1990: 133].

Supporting the superior general in the administration of the LHC of Phat Diem are the consulting board and other members, such as the general secretary and the general manager. The superior general and these members constitute the Steering Committee of the LHC of Phat Diem. In addition to the steering committee, there is another committee, namely the training committee, involved in driving various activities of the

Fig. 1. The Luu Phuong motherhouse, Luu Phuong commune, Kim Son district, Ninh Binh province. *Source:* URL: <https://phatdiem.org>

LHC of Phat Diem. Within congregations, each is also organized in the same way as the organizational structure of the level of order, with the header and her supporters. Generally, the organizational structure of the LHC of Phat Diem finds it centralized, placed under the leadership of the superior general as well as the supervision of the Bishop of the Phat Diem Diocese, as it is a diocesan religious order.

Regarding the facet of monastic life, sisters of the LHC of Phat Diem pursue the charism with two main foci: devoting their minds, hearts, and lives toward Jesus Christ crucified and living to disseminate the Gospel to every nation, as well as participating in building the local churches. After passing the stage of Aspirancy (*Thanh tuyen*), candidates must undergo a strict process of training and practice under specific regulations to become nuns of the LHC of Phat Diem. This process includes three primary stages: Pre-Novitiate (*Tien Tap Vien*), Novitiate (*Tap Vien*), and Temporary Profession (*Hoc Vien*). Overall, the course of becoming a nun of the LHC of Phat Diem will last from nine to twelve years, with four periods as shown in the following table.

Table 1. The process of training to become a nun of the LHC of Phat Diem

Stage	Duration	Title
Aspirancy	1– 2 years	Candidate
Pre-Novitiate	1– 2 years	Candidate
Novitiate	2 years	Novice
Temporary Profession	5–6 years	Vow bearer

Source: Fieldnote June 2020

The stage of Pre-Novitiate lasts from one to two years, during which candidates live in the Huong Dao congregation of the LHC of Phat Diem. They are guided to explore the grace of monastic life, their giftedness, and their aspirations. After passing the final test, candidates enter the stage of Novitiate, one of the most crucial phases in the training process of the LHC of Phat Diem. This stage aims to help candidates confirm their call to engage in monastic life. Additionally, these candidates learn subjects that focus on understanding theology and the mystery of Jesus Christ. They strive to accommodate the monastic life by learning liturgy, praying, understanding vows and rules, and more. The stage of Novitiate lasts two years, and during this time, the candidates will move to live in the motherhouse in Luu Phuong until the time of taking the solemn vows. They are not allowed to contact outsiders. The imposition of strict rules in the second stage makes it challenging for candidates. One sister of the LHC of Luu Phuong shared that if the candidates pass the second stage, they could be consecrated to the simple vows; otherwise, they could stay in this stage for many years [Fieldnote June 27, 2020].

In the stage of Temporary Profession, lasting from five to six years, sisters of the LHC of Phat Diem perpetuate simple vows every year. This stage aims to help sisters have a good preparation for taking solemn vows. Additionally, the temporary profession also enables sisters to devote themselves to Jesus Christ, further delve into understanding theology and liturgy, and nurture the harmony between monastic and apostolic lives according to the purpose of the LHC of Phat Diem (Fig. 3). After finishing this stage, sisters could take solemn vows if they met the specific requirements of the LHC of Phat

Fig 2. The rite of public vows for 12 sisters. *Source:* URL: <https://hddm.vn.net/>

Diem. The solemn vows here are stricter than the simple vows as they include three permanent commitments, such as chastity (*khiet tinh*), poverty (*kho ngheo*), and obedience (*vang phuc*).

In the ceremony of taking solemn vows, the nun will be given a cross, a constitution of the order, a monastic fashion, and a ring by the Bishop of Phat Diem Diocese (Fig 2). Such a ring signifies that she devotes her life to Jesus Christ, as if a wife devoted herself to her husband. According to a nun living in the motherhouse of the LHC of Phat Diem, the ceremony of taking solemn vows is organized with the witness of the public, so the solemn vows are also known as the public vows [Fieldnote June 27, 2020]. After taking vows, sisters can contact outsiders, and they can be appointed to participate in vocational training courses or higher education at public or private education facilities.

Engagement of the LHC of Phat Diem in social activities

Although being a religious order, the LHC of Phat Diem is not a completely contemplative order. It instead intends to combine both the characteristics of contemplative and active in the way that its nuns can practice monastic life and participate in social activities to pursue their apostolic mission. This pursuit also accords with the duties imposed by the founder of the LHC, Bishop Lambert de la Motte. These duties include educating youth, serving patients, protecting children, and promoting the position of females in both familiar and societal lives.

In the present period, the LHC of Phat Diem has actively participated in many activities for the betterment of society. Typically, many nuns of this religious order engage in kindergartens situated in the local areas. Currently, the LHC of Phat Diem has established three kindergartens in Luu Phuong, Huong Dao, and Cach Tam. They were constructed and facilitated with the latest educational types of equipment, as well as guaranteeing a clean and secure environment for children. Each kindergarten operates many different classes in line with the specific ages of children. Among them, the kindergarten in Luu Phuong has the largest scale. To better understand the situation of the primary educational facilities of the LHC of Phat Diem, one can see the following table:

Table 2. The list of kindergartens run by the LHC of Phat Diem

Name of school	Number of classes	Number of pupils	Address
The private kindergarten of Luu Phuong	10	Roughly 250	Luu Phuong commune, Kim Son district, Ninh Binh Province
The group of private kindergarten of Huong Dao	6	Roughly 140	Dong Huong commune, Kim Son district, Ninh Binh province
The group of private kindergarten of Huong Dao	4	Roughly 100	Xuan Chinh commune, Kim Son district, Ninh Binh province

Source: Fieldnote June 2020.

The LHC of Phat Diem raises funds to offer scholarships to children in difficult circumstances. These funds also contribute to sharing with people who suffer from natural disasters or economic hardships.

Alongside their engagement in primary education and charitable activities, sisters of the LHC of Phat Diem actively participate in providing traditional Vietnamese medical services. This is a prominent local characteristic of the LHC of Phat Diem. As shared by a nun of the LHC of Phat Diem in Luu Phuong, from the early time of the LHC of Phat Diem, sisters inherited the knowledge of traditional medicine from their predecessors, then passed down from this generation to the next [Fieldnote June 27, 2020]. According to Tran Ngoc Thu (2001), in the early twentieth century, sisters of the LHC of Phat Diem bought medicinal materials and processed these materials into pills to provide for people living in rural areas [Trần Ngọc Thu 2001: 100]. Interestingly, such a process of making Vietnamese traditional medicine from the LHC of Phat Diem was drawn from the prescriptions left by deceased priests which reflects the Vietnamese origins of the Catholic priests [Ibid].

In contemporary times, to enhance the quality of medical services, many nuns of the LHC of Phat Diem currently join in medical training courses. The LHC of Phat Diem also established a clinic, namely the Traditional Vietnamese Medicine Clinic of the LHC of Phat Diem (*Phong Chan Tri Dong Y Hoi Dong Men Thanh Gia Phat Diem*), based in the motherhouse of Luu Phuong. In addition to prescribing herbal medicine to patients, this clinic offers traditional health treatment techniques such as massage, acupressure, and acupuncture which is not typical for Western Catholic orders and represents a striking feature of the Vietnamese Catholic community.

Conclusion

The LHC of Phat Diem is a typical example of the local religious orders within the Catholic Church in Vietnam. Throughout many vicissitudes, the LHC of Phat Diem has maintained its religious tradition and local features, as well as frequently updated modernity. The enduring existence and development of the LHC of Phat Diem are attributed to its stringent organization. Additionally, this religious order consistently expands its network of congregations, which is now not only confined to the local geographic boundary of the Phat Diem Diocese but also reaches other areas in Vietnam and even overseas.

More importantly, the monastic life of the LHC of Phat Diem persistently sustains its characteristics, providing a framework for meticulously training candidates to become devoted nuns. The process of training as such lasts for many years and contains many challenges that, in turn, constitute good qualities of nuns of the LHC of Phat Diem. Nevertheless, the LHC of Phat Diem is not a contemplative order and does not cut off total connection with social life. This religious order instead encourages its members to engage in many societal activities from charitable and educational missions to medical services including Oriental traditional medicine (which is not typical for Western Catholic orders).

By not creating the absolute dichotomy of monastic practices and apostolic practices, the LHC of Phat Diem orients itself to serve people's lives and gain the favor of local citizens. The extensive engagement of the LHC of Phat Diem in societal life exemplifies the valuable contributions of Catholic nuns in particular and Catholic

communities in general to the development of Vietnam during the course of the country's renovation. This, in turn, enables the propagation of the LHC of Phat Diem to achieve more success as it brings faith to life and demonstrates its values to society.

References

Denney, S. (1990). The Catholic Church in Vietnam, in: *Catholicism and politics in communist societies*, P. Ramet, ed. P. 270—295. Durham and London: Duke University Press.

Giáo phận Phát Diệm (2019). Các cộng đoàn của Hội dòng Mến Thánh giá Phát Diệm (Thống kê 2019) [Diocese of Phat Diem. Congregations of the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem (Statistics in 2019)]. Retrieved on 05.09.2024 from URL: <https://phatdiem.org/dong-men-thanh-gia-phat-diem.html>

Hội đồng Giám mục Việt Nam (2017). Niên giám Giáo hội Công giáo Việt Nam 2016 [Vietnam Bishops' Council Vietnamese. Catholic Church yearbook in 2016]. Hà Nội: Nxb. Tôn giáo.

Lê Văn Thơ (2011). Tìm hiểu về dòng Mến Thánh Giá ở Giáo phận Phát Diệm hiện nay [Learning about the Lovers of the Holy Cross of Phat Diem Dioceses at present]. *Nghiên cứu Tôn giáo [Religious Review]*, Số 12: 35—39.

Nguyễn Hồng Dương (2006). Dòng Mến Thánh giá đầu thế kỷ XX (Qua cuốn: Phép dòng chị em Mến cầu rút Đức Chúa Giêsu) [Nguyen Hong Duong. The Lovers of the Holy Cross in the early twenty century (through the book of law on the Lovers of the Holy Cross of Jesus Christ)]. *Nghiên cứu Tôn giáo [Religious Review]*, 3: 32—40.

Nhóm Nghiên cứu linh đạo Dòng Mến Thánh giá (2020). 350 năm Dòng Mến Thánh Giá. Bài 5: Ba mươi hội dòng Mến Thánh giá [The Lovers of the Holy Cross Spirituality Research Group. 350 years of the Lovers of the Holy Cross. Article 5: Thirty congregations of the Lovers of the Holy Cross]. *Tập san Hiệp thông*, 116. URL: <https://www.hdgmvietnam.com/chi-tiet/350-nam-dong-men-thanh-gia-ba-muoi-hoi-dong-men-thanh-gia-39999>

Phương Liên (2007). Khái quát lịch sử hình thành và phát triển dòng Mến Thánh giá Việt Nam [Phuong Lien. Overview of the history of establishment and development of the Lovers of the Holy Cross in Vietnam]. *Nghiên cứu Tôn giáo [Religious Review]*, 6: 48—52.

Tòa Giám mục Thành phố Hồ Chí Minh. (1990). Hiến chương dòng Mến Thánh giá Việt Nam [Ho Chi Minh City Bishop's Office. Constitution of the Lovers of the Holy Cross in Vietnam]. Lưu hành nội bộ [Internal circulation].

Trần Hoàn (2009). *Giáo phận Phát Diệm. Hội Dòng Mến Thánh Giá Phát Diệm* [Tran Hoanh. *The Phat Diem Diocese. The Lovers of the Holy Cross of Phat Diem*]. URL: <https://www.giaoxugiaohovietnam.com/PhatDiem/01-Giao-Phan-PhatDiem-DongMenThanhGia.htm>

Trần Ngọc Thụ (2001). *Lịch sử Giáo phận Phát Diệm (1901—2001)* [Tran Ngoc Thu. History of Phat Diem diocese (1901—2001)]. Paris. Đắc Lộ Tùng Thư. URL: <https://phatdiem.org/lich-su-giao-phan.html>

Trương Bá Cần (2008). *Lịch sử phát triển Công giáo ở Việt Nam*, tập 2 [Truong Ba Can. *History of Catholic development in Vietnam*, Vol. 2]. Hà Nội: Nxb. Tôn giáo.

Vũ Hoài Bắc et al. (2022). *Tôn giáo và chính sách tôn giáo ở Việt Nam* [Vu Hoai Bac. *Religions and policy on religion in Vietnam*]. Hà Nội: Nxb. Tôn giáo.

Дата поступления статьи: 07.12.2024

Дата поступления в переработанном виде: 03.03.2025

Принята к печати: 30.05.2025

Received: December 7, 2024

Received in revised form: March 3, 2025

Accepted: May 30, 2025

Le Hoang Kiet, Le Thi Thanh Tam, Tran Xuan Hiep

The Evolution and Impact of Popular Culture in Contemporary Vietnam

Abstract. Popular culture is a dynamic expression of collective identity in modern society, reflecting the interplay between tradition and modern influences. This research analyzes the development of popular culture in Vietnam within the context of globalization, digital transformation, and socioeconomic development. Through systematic analysis of cultural industries and international integration processes, the study shows how popular culture has shifted from a peripheral position to become a central driving force in national development, especially after the *Doi Moi* reforms in 1986. Results indicate that Vietnam's cultural policies need to balance preserving authenticity while adopting positive international influences, contributing to understanding cultural evolution in transitional economies.

Keywords: Vietnam, popular culture, cultural industry, international integration, cultural identity.

Authors: Le Hoang Kiet, Ph.D. Student (International Relations), VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, Vietnam. ORCID: 0009-0002-9968-1952. E-mail: kietlh.tg@yersin.edu.vn

Le Thi Thanh Tam, Ph.D. Student (International Relations), Dong A University, Da-nang, Vietnam. ORCID: 0009-0008-3581-2363. E-mail: tamltt@donga.edu.vn

Tran Xuan Hiep, Assoc. Prof. (Political Studies), The University of Da Nang, University of Science and Education, Vietnam. ORCID: 0000-0002-5236-993X.

E-mail: txhiep@ued.udn.vn

For citation: Le Hoang Kiet, Le Thi Thanh Tam, Tran Xuan Hiep (2025). The Evolution and Impact of Popular Culture in Contemporary Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 129—140.

Ле Хоанг Кьет, Ле Тху Тхань Там, Чан Суан Хуен

Эволюция и влияние популярной культуры в современном Вьетнаме

Аннотация. Популярная культура является выражением коллективной идентичности в современном обществе, отражая взаимодействие между традицией и современными влияниями. Данное исследование анализирует развитие популярной культуры во Вьетнаме в контексте глобализации, цифровой трансформации и социально-экономических процессов. Опираясь на анализ культурных индустрий и международной интеграции, исследование показывает, как популярная культура после реформ «Дой Мой» в 1986 г. перешла от периферийного положения к положению одной из центральных движущих сил национального развития. Авторы приходят к выводу, что политика Вьетнама в области культуры должна способствовать поддержанию баланса между сохранением аутентичности и принятием позитивных международных влияний, в чём заключается сущность культурной эволюции в переходных экономиках.

Ключевые слова: Вьетнам, популярная культура, культурная индустрия, международная интеграция, культурная идентичность.

Авторы: Ле Хоанг Кьет, аспирант, Университет общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет. ORCID: 0009-0002-9968-1952. E-mail: kietlh.tg@yersin.edu.vn

Ле Тхи Тхань Там, аспирантка, Университет Донг А, Дананг, Вьетнам. ORCID: 0009-0008-3581-2363. E-mail: tamltt@donga.edu.vn

Чан Суан Хиеп, к. полит. н., доцент, Университет науки и образования, Данангский университет, Вьетнам. ORCID: 0000-0002-5236-993X. E-mail: txhiep@ued.udn.vn

Для цитирования: Ле Хоанг Кьет, Ле Тхи Тхань Там, Чан Суан Хиеп. Эволюция и влияние популярной культуры в современном Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 129—140.

Introduction

Culture is fundamental to national existence and sustainable development, representing distinctive identity characteristics and societal direction [Nguyễn Đăng Điệp 2017]. President Ho Chi Minh introduced “culture guiding the nation” at the 1946 National Cultural Conference, defining culture as humanity’s creations for survival and life purpose: “language, writing, morality, law, science, religion, literature, art, tools for daily activities regarding clothing, food, shelter, and methods of use” [Hồ Chí Minh 2011: 458]. This broad cultural definition, combined with General Secretary Nguyen Phu Trọng’s [2021] emphasis that “With culture, a nation can exist” at the 2021 National Cultural Conference, affirms culture’s fundamental value in national development. In the 21st century, deepening international integration creates new cultural development challenges through diverse stratification and socialization processes. In the digital era’s mass media explosion, popular culture expands its influence and becomes more socially comprehensive. This research therefore applies document analysis with logical-historical approaches to explore popular culture’s importance and manifestation in Vietnamese society while proposing positive development orientations for Vietnamese popular culture.

The concepts of “culture” and “popular culture”:

The flow shaping human identity

Culture is a complex social phenomenon that extends far beyond a simple collection of material and spiritual values. Through millennia of civilization development, culture has become the core foundation that shapes, expresses, and connects social communities. According to Ho Chi Minh’s perspective, culture is defined as “the synthesis of all ways of living and their expressions that humans have created to adapt to the needs of life and survival demands” [Hồ Chí Minh 2011: 458]. President Ho Chi Minh emphasized culture’s significance: “Culture is the spiritual foundation of society, both a goal and an endogenous strength, an important driving force for national development” [Nguyễn Phú Trọng 2021]. UNESCO [2009] defines culture as “the

living totality of activities and creations in the past and present”, forming the system of values, traditions, and distinctive identity of each nation. Culture encompasses diverse creative expressions from language and art to sports and lifestyle, reflecting the unique characteristics of each ethnic community.

In contemporary society, popular culture plays a crucial role in shaping social characteristics and development orientation. The term “Pop Culture” is understood as “everything revolving around life and representing the public in a culture, typically behavior, attitudes, social interactions...” [Lersch 2023]. British media scholar Stone provides dual definitions: “popular culture is folk culture, something that arises from the people rather than being imposed on them: popular culture is authentic (created by the people) as opposed to commercial culture (imposed on them by commercial businesses)” and “popular culture consists of commercial items produced for mass consumption by indiscriminating consumers” [Crossman 2024]. In Vietnam, Pham Thu Trang [2022] expands this concept as “a collection of habits, beliefs, goals accepted by society and prevalent in a specific period”. Myeong-eon [2020] emphasizes that “popular culture is formed through two concepts: culture and the masses”, representing a type of culture that is easily accessible, popular, and spreads through mass media.

In general, popular culture is universal and appears as a historical inevitability, igniting the flame of democracy and freedom in creation and entertainment enjoyment. Popular culture serves as a key element shaping the thinking and lifestyle of most modern society, while creating a foundation for breakthrough development in many important areas of human life.

Characterizing the multidimensional nature of popular culture

Many scholars consider America to be the homeland of popular culture. After hundreds of years of development, popular culture in America has become an effective tool in spreading American soft power [Đặng Thị Tuyết 2017]. Therefore, popular culture is not simply a universal cultural layer but also a multidimensional space that reflects and shapes contemporary society. From a Western sociological perspective, Wand and Hoyer [2024] suggests that “Popular culture focuses on cultural systems and products shared and understood by most of society; it refers to widely popular cultural elements, often conveyed through local language”. This view emphasizes the universality and permeability of popular culture in all aspects of daily life — from art, fashion, media, and sports to thinking and social behavior. In Vietnam, Dang Thi Tuyet [2022] identifies popular culture as “an inevitable product of history to meet the needs of a developing society,” not only creating changes in the lifestyle and thinking of most people but also creating cultural spaces and forums for them.

Additionally, Dang Thi Tuyet argues that the essence of popular culture is expressed in “modernity, associated with the consumption of information and cultural products by the general public. Young people and the poor are the largest customers of popular culture” [Ibid]. Therefore, its products such as books, newspapers, films, music works, fashion, etc., which are diverse, rich, and easily accessible, play an important role in disseminating scientific and technical knowledge, raising public awareness, and

satisfying the entertainment needs of the general public. On the other hand, Myeong-eon [2020] provides a deeper analysis by pointing out that popular culture “exists in our daily lives through contact with popular culture in the most routine activities such as walking on the street or eating” and each cultural transformation creates cultural shocks — positive or negative — that society must adapt to. Pham Thu Trang [2022] clarifies the social aspect of popular culture by identifying it as including “a collection of habits, beliefs, and goals accepted by society and prevalent at a certain time.” In this sense, popular culture not only reflects society but also becomes a source of inspiration and direction for individual behavior and decisions. Bui Viet Thang [2023] adds the historical development aspect by emphasizing the inevitability of popular culture as a regulatory law in the cultural market, influenced by and simultaneously impacting the development of media technology, urbanization, market economy, and cultural industry in the context of globalization.

In the context of increasingly deep digitalization and globalization, popular culture has transcended geographical and linguistic boundaries to become a bridge for global cultural exchange [Lersch 2023]. This phenomenon is evidenced by the strong spread of contemporary music, film, and art trends from various cultures, creating a network of cultural exchange unprecedented in human history. At the same time, the development of social media and online platforms has democratized the process of creating and receiving culture, allowing individuals not only to be passive consumers but also to become active creators contributing to the flow of popular culture [Wand, Hoyer 2024]. This has fundamentally transformed the relationship between cultural creation and consumption, generating newer, more diverse, and more complex forms of popular culture in the 21st century. From the above analyses, four core characteristics of popular culture can be synthesized:

(i) Popular culture is an inevitable product of the historical-social development process, reflecting and meeting the needs of modern society. It not only expresses social diversity and cohesion but also shapes the thinking environment and interaction of the vast majority of people [Tạ Thị Lan Khanh 2019].

(ii) Popular culture is both a reflection of society and a source of inspiration and direction for individual behavior [Tu Thi Loan 2022]. It includes a system of habits, beliefs, and goals recognized and popular at a specific historical time, creating multidimensional spiritual interaction between individuals and communities [Myeong-eon 2020].

(iii) Popular culture plays an important role in promoting consumption needs and shaping social aesthetic trends, requiring the leadership of intellectuals and strategic vision [Crossman 2024]. The distinction between popular culture and elite culture becomes a fundamental element in understanding cultural diversity and the importance of preserving and developing both forms [Nguyễn Đăng Điệp 2017].

(iv) Popular culture is an indispensable component in reflecting social development and is deeply influenced by media, technology, and the urbanization process [Woo 2005]. Its development is based on cultural market laws and has the potential for global impact, affirming its important role in the process of international integration and promoting cross-border cultural exchange [Tu Thi Loan 2022].

In general, popular culture is a complex social phenomenon that both reflects and shapes contemporary society, formed from the historical development process and meeting the spiritual needs of the vast majority of people. The core characteristics of popular culture include historical-social inevitability, the ability to reflect and guide individual behavior, the role of promoting social aesthetics, and close interaction with media technology in the era of globalization. These characteristics help popular culture become a bridge for cultural exchange, transcending language and geographical boundaries, while creating a democratized creative space for all individuals. In the context of modern digitalization, the transformation of popular culture necessitates strategic vision and the leading role of intellectuals to preserve and develop national cultural identity while absorbing and integrating with global cultural flows.

The evolving role of popular culture in Vietnam's development trajectory

Vietnam is a resilient country with a strong foundation of patriotic national culture which, with support from international friends (especially the Soviet Union), achieved victory over American and French colonial imperialism in the 21st century. In 1986, Vietnam underwent a comprehensive policy transformation through international integration, transforming from a poor, backward country with a modest economy of only about 13 billion USD in 1986 to reach a scale of 476.3 billion USD in 2024, ranking 4th in Southeast Asia and 33rd in the world, with an expected growth rate of 6.5–7 %/year [Le Hoang Kiet et al. 2025]. This economic transformation with international integration policies has created the foundation for cultural development and transformation in Vietnamese society, where popular culture plays an increasingly important role in national development and integration into the globalization process.

Entering the 21st century, popular culture in Vietnam has promoted the development of diverse cultural forms, reflecting the country's increasing prosperity and social vitality. The institutional context of Vietnamese popular culture manifests diverse organizational mechanisms that facilitate the production and dissemination of cultural content. Professional institutions, including the Vietnam National Opera and Ballet Theatre, Ho Chi Minh City Conservatory of Music, and major film studios such as Vietnam Feature Film Studio and August Cinema, have systematically integrated contemporary global influences while maintaining cultural authenticity. Creative guilds, particularly the Vietnam Writers' Association and Vietnam Musicians' Association, actively promote intercultural dialogue through international festivals and collaborative projects. The Ministry of Culture, Sports and Tourism has implemented strategic initiatives encompassing the "Cultural Development Strategy to 2030", allocating substantial resources toward digital content creation and cultural entrepreneurship. Contemporary manifestations are evident in Vietnam's thriving entertainment ecosystem: reality television programs such as "The Voice of Vietnam" and "Vietnam Idol", the emergence of V-pop artists including Sơn Tùng M-TP and Vinh Khuất,... and the proliferation of domestic cinematic works that achieve both commercial success and international recognition. These developments have profoundly transformed Vietnam's social dynamics, particularly among urban youth, fostering cultural confidence, diversifying career aspirations within creative industries, and consolidating national

identity through globally resonant modern cultural expressions while preserving indigenous values.

Individuals and businesses now have more opportunities to create and experience cultural products with significant depth. Entertainment has become an important driver of socio-economic development, meeting the diverse needs of the community through expanded forms including cinema, music, museums, libraries, theaters, amusement parks, and sporting events. The intensity of the business environment and labor market has increased the entertainment needs of Vietnamese people to maintain a balance between work and life. International integration has facilitated the introduction and dissemination of various cultural forms from around the world, enriching Vietnam's cultural landscape and creating a vibrant environment attractive to both domestic residents and international tourists [Tu Thi Loan 2022]. Additionally, popular culture in Vietnam serves as an effective medium for cultural socialization processes, contributing to the deep penetration of culture into social life [Đặng Thị Tuyết 2022]. This is the path toward democratization, popularization, and dissemination of cultural values. The socialization process has encouraged more people, especially the middle and upper classes, to participate in culture, increase spending on culture, and organize cultural activities independently. Popular culture facilitates domestic and international cultural exchange, allowing culture to permeate social life and develop widely. This exchange process has helped Vietnamese people gain more objective views on various cultural issues. Popular culture participates in “Cultus Animi” (nurturing the soul) — educating and nurturing the human spirit while promoting dynamic development along with social transformations.

A distinctive feature of popular culture is its commercial nature, clearly demonstrating the penetration of commodity-money relations into cultural life. The development of popular culture illustrates the connection between culture, industry, and commerce. Commerce and industry are two factors that strengthen the relationship between culture and economy, where the development of contemporary popular culture depends on cultural industries and markets [Ibid]. Vietnam's economic development since the reform period has provided an important impetus for the development of popular culture, while deep international integration has promoted cultural exchange between different civilizations. This has stimulated the development of Vietnam's cultural industry, establishing major popular culture centers in Ho Chi Minh City and Hanoi. The development of culture in the market economy lies in its economic nature, allowing culture to determine its own destiny without external “sponsors” [Tu Thi Loan 2022]. The complex relationship between economy and culture is both the driving force and the goal of the cultural industry. Additionally, Vietnam's popular culture plays an important role in international relations by promoting mutual understanding, tolerance, and cooperation, influencing how nations perceive each other, especially in “closing history, looking to the future” in relations with the United States and China.

Western popular culture, especially American entertainment, has greatly influenced the culture of urban Vietnamese youth. Hollywood films, Western music genres (from rock to hip-hop), and American television shows have influenced Vietnam's entertainment industry [Lê Thị Anh 2013]. This influence is evident in the approach to content production, storytelling techniques, and aesthetic presentations adopted by

Vietnamese creators. Western fast-food chains such as McDonald's, KFC, and Starbucks have become cultural symbols beyond the scope of ordinary dining establishments, representing modernization and globalization. They serve as social spaces where young Vietnamese gather, study, and socialize. Western fashion brands and trends such as Gucci, Dolce & Gabbana, Chanel, Dior, Prada, Louis Vuitton, etc., quickly spread through social media platforms, influencing Vietnamese consumer preferences and the local fashion industry. However, this influence has raised concerns about preserving cultural identity, with critics arguing that excessive consumption of Western culture could erode Vietnam's traditional values and affect domestic production and consumption [Ibid]. The Vietnamese government has implemented policies aimed at balancing international cultural integration with preserving national cultural identity and protecting the development of the domestic market [Nguyễn Đăng Điệp 2017].

Perhaps the most profound foreign cultural influence on contemporary Vietnam comes from South Korea. Korean television dramas, K-pop music, Korean cosmetics, fashion, cuisine, and language have deeply impacted the culture of Vietnamese youth since the early 2000s [Woo 2005]. The "Korean Wave" or "Hallyu" has changed entertainment preferences, beauty standards, and consumer behavior across Vietnam. K-pop idol groups like BTS, BLACKPINK, and EXO have large followings in Vietnam, inspiring local music production styles. Korean dramas consistently attract significant viewership on Vietnamese television platforms, influencing the aesthetics and narrative structures of domestic television production. Korean fashion trends and beauty standards have transformed Vietnam's cosmetics market and physical appearance ideals, especially among young people. This profound cultural impact extends to tourism patterns, with Vietnam becoming an important source of tourists to South Korea. The number of Vietnamese tourists traveling to South Korea in 2024 increased by nearly 20 % compared to 2023, reaching over 499,000 visitors as of December 22, 2024 [Hải Nam 2024], driven by desires to experience locations featured in favorite television dramas or attend K-pop concerts. Learning Korean is becoming popular among Vietnamese youth, due to entertainment needs and potential career opportunities related to Korean businesses in Vietnam.

Additionally, Japanese cultural products also hold an important position in Vietnam, especially through anime, manga, games, cuisine, and aesthetics. Anime and manga have created a large fan base, influencing Vietnam's animation and comics industry [Công Tâm 2024]. Japanese cuisine has become widely popular with sushi, ramen, and matcha becoming trendy food choices in major urban centers like Ho Chi Minh City, Hanoi, Da Nang, Can Tho, etc. Japanese aesthetic concepts such as "minimalism" have influenced Vietnamese interior design, architecture, and product design. Japanese business organization principles and management philosophy have impacted Vietnamese corporate culture. Events and conferences on Japanese popular culture regularly attract thousands of Vietnamese attendees, demonstrating the enduring appeal of Japan's cultural exports [Ibid.].

In particular, Russian cultural influence is a unique case stemming from the historical Vietnam-Soviet relationship. Although influence declined after the Soviet Union's collapse in 1991, Russian literature, educational methods, and artistic traditions maintain a significant presence among Vietnamese intellectuals born before

1991. Classical Russian literature still occupies a prominent position in Vietnam's educational curriculum, with authors such as Tolstoy, Dostoyevsky, and Chekhov continuing to influence the development of Vietnamese literature. A large number of Vietnamese educated in Russia or the former Soviet Union have facilitated ongoing cultural exchange [Ministry of Culture, Sport and Tourism Portal 2021]. Contemporary Russian cinema occasionally has special screenings in Vietnamese cities, maintaining cultural connections established during the Soviet era. Russian classical music, ballet, and visual arts continue to influence Vietnamese artistic organizations, especially those established with Soviet support.

In general, popular culture plays diverse roles in contemporary Vietnam, promoting economic development, facilitating international integration, preserving cultural identity, and strengthening social cohesion. Foreign cultural influences from Western countries, South Korea, Japan, and Russia have significantly shaped Vietnamese popular culture, creating a dynamic synthesis between global trends and local traditions. As Vietnam continues its development journey, popular culture will continue to play an important role in defining national identity while promoting international exchange. Balancing global integration with cultural preservation is an ongoing challenge and opportunity for Vietnam's cultural policy. The future trajectory of Vietnamese popular culture is likely to see increasing hybridization, where international influences are absorbed and transformed through the lens of indigenous culture, potentially establishing Vietnam as an important cultural producer on the regional and global stage.

Cultural development in contemporary Vietnam: strategic directions and approaches

Culture has always played an important role in Vietnamese society [Nguyễn Phú Trọng 2021]. Building an advanced Vietnamese culture with strong national identity remains a focus in the Party's guidelines and the Vietnamese State's policies [Nguyễn Thanh Hải 2022]. The 13th Congress of the Communist Party of Vietnam emphasized: "Developing comprehensive human resources, building an advanced Vietnamese culture rich in national identity so that culture truly becomes an endogenous strength, a driving force for development and protection of the Fatherland" [Communist Party of Vietnam 2021: 116]. Therefore, to transform culture into a true endogenous strength, a driving force for Vietnam's development and to achieve the goal of "preserving and promoting cultural values and the strength of Vietnamese people in the cause of building and protecting the Fatherland, international integration" [Ibid.: 202] in the coming time, the following solutions should be considered:

First, strengthen the leadership of the Party and State management in popular culture.

Vietnam must effectively implement the resolution of the 5th Central Conference of the 8th tenure "On building and developing an advanced Vietnamese culture with strong national identity"; Resolution of the 9th Central Conference of the 11th tenure "On building and developing Vietnamese culture and people to meet the requirements of sustainable national development", the 12th Congress Documents on "building and

developing culture and people”; and the 13th Congress Documents on “the Party’s views on building and promoting cultural values and the strength of Vietnamese people”. This includes developing guideline documents for cultural work in general and popular culture in particular to keep pace with development and provide clear direction [Nguyễn Thanh Hải 2022]. The importance of popular culture in nation-building requires raising awareness within the Party itself. Local Party committees must promptly lead the development and maximize the potential of popular culture in their localities. The Party’s leadership role in arts and culture must be maintained, regularly evaluated and assessed to develop appropriate policies based on practical experience. The effectiveness of state management of popular culture must be enhanced, especially considering the strong impact of the market economy, globalization, and the fourth industrial revolution [Đặng Thị Minh Nguyệt 2022]. Policymakers need to understand more deeply the impact of popular culture throughout society. The legal framework and specific mechanisms for popular culture development should follow an international approach while ensuring compatibility with Vietnamese cultural values. Strategic development plans for popular culture should be established at both national and local levels, balancing regional characteristics with national development priorities. The relationship between economics and popular culture requires careful adjustment and monitoring. The cultural administrative workforce needs to continue developing through better access to international perspectives, along with specific policies and modern training programs. Investment in popular culture should be increased, with priority focus and emphasis on preserving traditional cultural values. Preferential financial mechanisms should support the development of popular culture, especially in emerging fields and areas with regional or ethnic advantages. Effective state inspection and management must be maintained, with the Vietnam Fatherland Front and socio-political organizations playing an important role in social monitoring, particularly emphasizing people’s participation in managing popular culture [Tạ Thị Lan Khanh 2019].

Second, build a popular culture industry appropriate to national potential.

Raising awareness about the position and role of popular culture in today’s era is necessary, alongside encouraging investment in popular culture development. The State must improve the investment environment, enhance administrative culture, and promote competition to support the development of popular culture in Vietnam [Nguyễn Phú Trọng 2021]. Scientific and technological achievements should be leveraged to create quality products and promote popular culture services. Innovation in cultural industries and technology transfer in production, services, and business need to be accelerated. International integration must be strengthened to bring Vietnamese popular culture to the world stage, with programs and plans to promote popular culture products and brands internationally, stimulating the development of popular culture industries and popular culture economy [Nguyễn Thanh Hải 2022]. The potential of regions and localities should be considered when developing popular culture. Vietnam should continue to learn from countries that have successfully built popular culture industries, such as South Korea, where each product represents a specific strategy targeting audience demographics in different countries, allowing Korean brands to penetrate countries with long-standing cultural traditions like Vietnam, China, and Japan.

Conclusion

Despite its relatively brief historical trajectory of approximately two centuries, popular culture has established itself as an indispensable component of contemporary society. In Vietnam specifically, popular culture has secured a position of remarkable significance within the social fabric. The multidimensional impacts of popular culture permeate virtually all aspects of Vietnamese social life with considerable frequency and magnitude, fundamentally reshaping individual behaviors, social interactions, and national identity formation processes. The development of popular culture in Vietnam represents a complex interplay between global cultural flows and local traditions, where international influences—particularly from Western nations, South Korea, Japan, and Russia—have been synthesized through the prism of Vietnam’s rich cultural heritage. This cultural hybridization process has created unique expressions that reflect both Vietnam’s historical resilience and its contemporary aspirations in the international arena. The remarkable economic transformation of Vietnam since the *Doi Moi* reforms of 1986 has provided the socioeconomic foundation for this cultural evolution, establishing the necessary infrastructure and market conditions for popular culture to flourish.

In general, to effectively develop popular culture in Vietnam moving forward, it is imperative to implement comprehensive and coherent strategies, with particular emphasis on macro-level policy interventions. These interventions must balance the preservation of Vietnam’s cultural identity with openness to beneficial international cultural exchanges, while strengthening both state management and market mechanisms in the cultural sector. The implementation of strategic solutions grounded in the Party’s cultural development guidelines — particularly building “an advanced Vietnamese culture with strong national identity” — will be crucial for transforming culture into a genuine endogenous strength and driving force for national development.

References

- Bùi Việt Thắng (2023). Mối quan hệ giữa “Đại chúng hóa” và “Văn hóa đại chúng” [Bui Viet Thang. *The Relationship Between “Popular” and “Popular Culture”*]. *Giáo dục Thời đại [Modern Education]*, March 8. URL: <https://giaoducthoidai.vn/moi-quan-he-giua-dai-chung-hoa-va-van-hoa-dai-chung-post628896.html>. (In Vietnamese)
- Công Tâm (2024). *Đặc sắc các hoạt động giao lưu văn hóa, thể thao tại Lễ hội Việt Nam — Nhật Bản thành phố Đà Nẵng* [Cong Tam. *Highlights of cultural and sports exchange activities at the Vietnam — Japan Festival in Da Nang city*]. URL: <https://danang.gov.vn/en/w/dac-sac-cac-hoat-dong-giao-luu-van-hoa-the-thao-tai-le-hoi-viet-nam-nhat-ban-thanh-pho-da-nang-i>. (In Vietnamese)
- Crossman, A. (2024). Sociological Definition of Popular Culture. April 29. URL: <https://www.thoughtco.com/popular-culture-definition-3026453>
- Đặng Thị Minh Nguyệt (2022). Một số quan điểm của Chủ tịch Hồ Chí Minh về văn hóa và nâng tầm văn hóa Việt Nam [Dang Thi Minh Nguyet. Some views of President Hồ Chí Minh on culture and elevating Vietnamese culture]. *Tạp chí Cộng sản [Communist Review]*, November 14. URL: https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/van_hoa_xa_hoi/-/2018/826302/mot-so-quan-diem-cua-chu-tich-ho-chi-minh-ve-van-hoa-va-nang-tam-van-hoa-viet-nam.aspx. (In Vietnamese)

Đặng Thị Tuyết (2017). Giao tiếp với sự phát triển của văn hóa đại chúng [Dang Thi Tuyet. Communicating with the Development of Popular Culture]. *Tạp chí Văn hóa và Nghệ thuật [Culture and Arts Magazine]*, 15(2): 397—401. (In Vietnamese).

Đặng Thị Tuyết (2022). Sức mạnh mềm văn hóa đại chúng trong bối cảnh hiện nay [Dang Thi Tuyet. The soft power of popular culture in the current context]. *Tạp chí Văn hóa và Nghệ thuật [Culture and Arts Magazine]*, số 515. URL: <http://www.vanhoanghethuat.vn/suc-manh-mem-van-hoa-dai-chung-trong-boi-can-hien-nay.htm>. (In Vietnamese)

Hải Nam (2024). Du khách Việt Nam đến Hàn Quốc tăng 20 % so với năm trước [Hai Nam. Vietnamese tourists to Korea increased by 20 % compared to last year]. *VOV*, December 25. URL: <https://byvn.net/5CJ2>. (In Vietnamese)

Hồ Chí Minh (2011). *Toàn tập*, tập 3 [Ho Chi Minh. *Complete Works*, vol. 3]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese).

Le Hoang Kiet, Nguyen Huu Phuc, Tran Xuan Hiep, Nguyen Tuan Binh (2025). Vietnam's Balancing Strategy in the US-China Rivalry in Southeast Asia, in: M. Zreik (Ed.). *Innovations and Tactics for 21st Century Diplomacy*, p. 271—302. IGI Global Scientific Publishing. DOI: 10.4018/979-8-3693-6074-3.ch01.

Lê Thị Anh (2013). Ảnh hưởng của văn hóa nước ngoài đến văn hóa Việt Nam giai đoạn hiện nay [Le Thi Anh. The influence of foreign culture on Vietnamese culture in the present period]. *Tạp chí Cộng sản [Communist Review]*, December 5. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/thong-tin-ly-luan/-/2018/24828/anh-huong-cua-van-hoa-nuoc-ngoai-den-van-hoa-viet-nam-giai-doan-hien-en-nay.aspx>. (In Vietnamese)

Lersch, P. M. (2023). Change in Personal Culture over the Life Course. *American Sociological Review*, 88(2): 220—251. DOI: 10.1177/00031224231156456

Ministry of Culture, Sport and Tourism Portal (2021). Bộ trưởng Nguyễn Văn Hùng: Văn hóa Nga có sức ảnh hưởng to lớn đến nhiều thế hệ người dân Việt Nam [Minister Nguyen Van Hung: Russian culture has had a great influence on many generations of Vietnamese people]. November 17. URL: <https://bvhttdl.gov.vn/bo-truong-nguyen-van-hung-van-hoa-nga-co-suc-anh-huong-to-lon-den-nhieu-u-the-he-nguoi-dan-viet-nam-20211117135944076.htm>. (In Vietnamese)

Myeong-eon, K. (2020). 대중문화의 [Popular culture], November 1. URL: <https://www.jejunews.com/news/articleView.html?idxno=2174241>. (In Korean)

Nguyễn Đăng Điệp (2017). Văn học đại chúng ở Việt Nam hiện nay [Nguyen Dang Diep. Popular literature in Vietnam today]. *Tạp chí Khoa học Xã hội Việt Nam [Vietnam Journal of Social Sciences]*, 7: 31—39. (In Vietnamese)

Nguyễn Phú Trọng (2021). Ra sức xây dựng, giữ gìn và phát huy những giá trị đặc sắc của nền văn hóa Việt Nam tiên tiến, đậm đà bản sắc dân tộc [Nguyen Phu Trong. Striving to build, preserve and promote the unique values of advanced Vietnamese culture with strong national identity]. *Tạp chí Cộng sản [Communist Review]*, 979: 1—9 (In Vietnamese)

Nguyễn Thanh Hải (2022). Xây dựng và phát huy giá trị văn hóa, sức mạnh con người Việt Nam theo tinh thần Đại hội XIII của Đảng [Building and promoting cultural values and the strength of Vietnamese people in the spirit of the 13th National Party Congress]. *Tạp chí Cộng sản [Communist Review]*, February 16. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/van_hoa_xa_hoi/-/2018/825014/xay-dung-va-phat-huy-gia-tri-van-hoa%2C-suc-manh-con-nguoi-viet-nam-theo-tinh-than-dai-hoi-xiii-cua-dang.aspx. (In Vietnamese)

Phạm Thu Trang (2022). *Văn hóa đại chúng — khái niệm và phân loại [Pham Thu Trang. Popular culture — concepts and classification]*. URL: https://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/145416

Tạ Thị Lan Khanh (2019). Hội nhập toàn cầu thông qua công nghiệp văn hóa — Bài học từ Hàn Quốc [Ta Thi Lan Khanh. Global Integration through Cultural Industries — Lessons from Korea]. *Tạp*

chi Khoa học Trường Đại học Sư phạm Thành phố Hồ Chí Minh [Journal of Science, Hồ Chí Minh City University of Education], 16(5), 59–68. (In Vietnamese)

Tu Thi Loan (2022). Cultural Capital and the Development of Cultural Industries in Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6 (2): 68–81. DOI: 10.54631/VS.2022.62-109179.

UNESCO (2009). 2009 UNESCO framework for cultural statistics. URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-en_0.pdf

Wand, T., Hoyer, D. (2024). The characteristic time scale of cultural evolution. *PNAS Nexus*, 3(2). DOI: 10.1093/pnasnexus/pgae009.

Woo, L.H. (2005). Văn hóa đại chúng Hàn Quốc tại Việt Nam [Korean Popular Culture in Vietnam]. *Tạp chí Văn hóa Nghệ thuật [Culture and Arts Magazine]*, 1: 30–36. (In Vietnamese)

Дата поступления статьи: 15.11.2024

Дата поступления в переработанном виде: 06.03.2025

Принята к печати: 12.06.2025

Received: November 15, 2024

Received in revised form: March 3, 2025

Accepted: June 12, 2025

К.В. Цхе

Литературный памятник XVIII века «Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака

Аннотация. В статье представлен памятник вьетнамской литературы XVIII в. «Записки о путешествии в столицу», написанный выдающимся представителем традиционной вьетнамской медицины и литератором Ле Хыу Чаком, известным под псевдонимом «Ленивый старец из Хайтхьонга». Биография автора и произведение анализируются в контексте культуры стран дальневосточного региона, а также истории Вьетнама того времени, характеризующегося политическими и социальными потрясениями и кризисом конфуцианства. Работа опирается на существующие переводы памятника на современный вьетнамский язык и исследование Нгуен Чан Хуана на французском языке.

Ключевые слова: вьетнамская литература, Ле Хыу Чак, «Записки о путешествии в столицу», культура стран дальневосточного региона.

Автор: Цхе Кристина Владимировна, лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Лаборатория цифровых исследований современного Востока. E-mail: k.tshe@ivran.ru

Для цитирования: Цхе К.В. Литературный памятник XVIII века «Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 141—153.

Kristina V. Tskhe

Literary Monument of the 18th Century «Chronicle of the Journey to the Royal City» by Le Huu Trac

Abstract. The article presents a monument of Vietnamese literature of the 18th century, “Chronicle of the Journey to the Royal City”, written by a prominent progenitor of the Vietnamese traditional medicine, a man of letters Le Huu Trac alias Hai Thuong Lan Ong. The author's biography is and the work are analyzed within the context of the culture of East Asian countries, as well as the history of Vietnam during that period, characterized by political and social upheavals and a crisis of Confucianism. The study relies on existing translations of the monument into modern Vietnamese and Nguyen Tran Huan's study in French.

Keywords: Vietnamese literature, Le Huu Trac, «Chronicle of the Journey to the Royal City», the culture of East Asian countries.

Author: Tskhe Kristina V., Research Assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Digital Research of the Modern East.
E-mail: k.tshe@ivran.ru

For citation: Tskhe, K.V. (2025). Literary Monument of the 18th Century «Chronicle of the Journey to the Royal City» by Le Huu Trac. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 141—153.

Введение

Ле Хью Чак (Lê Hữu Trác), псевдоним «Ленивый старец из Хайтхьонга» (Hải Thượng Lãn Ông, *Хай Тхьонг Лан Онг*), прежде всего известен как врач традиционной вьетнамской медицины¹, автор многотомного «Суждения об истоках врачевания Хайтхьонга» (Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh, *Хай Тхьонг И Тонг Там Линь*, сокр. *Тамлинь*). Последняя часть «Тамлиня» — путевые заметки, «Записки о путешествии в столицу»² (далее — «Записки»), то есть в Тханглонг³ (Thượng kinh ký sự, *Тхьонг кинь ки шы*). Полностью «Записки» переводились на современный вьетнамский и французский языки, однако работ, посвящённых «Запискам» как отдельному дневнику, немного, среди них откомментированный перевод на французский, выполненный исследователем Французского института Дальнего Востока (L'École française d'Extrême-Orient — EFEO) Нгуен Чан Хуаном (Nguyễn Trần Huân) [Thuong kinh ky-su 1972], и статья И.В. Бритова [Бритов 2022].

«Записки» считаются памятником средневековой вьетнамской литературы, относительно периодизации которой приняты разные подходы. В «Антологии вьетнамской литературы» отрывок из «Записок» приведён во втором томе, посвящённом «плодотворному», по выражению авторов, периоду XVIII — первой половины XIX в. В истории Вьетнама⁴ XVIII век — время крестьянских бунтов, а рассматриваемый в томе период в целом был насыщен политическими и социальными потрясениями, приведшими к кризису конфуцианства, что, в свою очередь, оказало освобождающее влияние на культуру и литературу. Монархической строй, социальный порядок утратили сакральный статус, критическое отношение к ним и конфуцианским устоям, в частности, нашли отражение в авторских и фольклорных произведениях [Anthologie 1973: 7—13].

Вьетнам, как страна Юго-Восточной Азии, входил в воображаемую общность стран дальневосточного культурного региона [Никулин 1977: 11] или синоиероглифическое культурное пространство [Никитин 2001: 254], включавшее Китай, Вьетнам, Корею, Японию, где письменным литературным языком служил *вьеньнь* (вьет. *ханван*, кор. *ханмун*, яп. *камбун*). Под «общностью» имеется в виду не множественность связей, а экспорт и закрепление — в разное время и в разной степе-

¹ В 2024 г., по инициативе ЮНЕСКО, отмечалось 300-летие со дня рождения Ле Хью Чака.

² На русском встречаются и другие переводы названия. Н.И. Никулин в обзорных статьях по вьетнамской литературе переводит его и как «Описание дел в достославной столице», и как «Описание путешествия в столицу».

³ Современный Ханой.

⁴ Название государства в рассматриваемый здесь период — Дайвьет (Đại Việt, Великий Вьет).

ни — элементов китайской культуры. Это относится, в частности, к системе экзаменов на чиновничью должность, на которых претенденты должны были продемонстрировать умение писать сочинения в разных жанрах и стихи на заданные темы и рифмы, знание конфуцианских канонических произведений. С системой государственных экзаменов экспортировались также жанры, образность, каноны. Вьетнамские поэты в течение веков черпали «из китайской поэзии, прежде всего танской эпохи (VII — начало X в.), а также более раннего и более позднего времени, образы и сравнения» [Никулин 1977: 16]. По отношению к Корее, Японии, Вьетнаму «общность» можно употребить в смысле наблюдаемых в этих традиционных культурах сходств, которые не прослеживаются в Китае, то есть «наличие сходств в культурах полностью объяснить Китаем невозможно» [Деопик 2002: 451]. Так, приоритет гражданских структур над военными не прижился во Вьетнаме и в Японии, не получили широкого распространения философский даосизм, имперская модель поведения и мышления и пр. [Там же: 457].

Жанр дневников, путевых заметок был распространён в странах региона: первыми известными авторами путевых заметок были буддийские монахи, отправлявшиеся в Индию (в случае Японии — Китай и Корею) за священными текстами. Можно упомянуть «Записки о буддийских странах» китайского монаха Фа-сяня (ок. IV—V вв.), «Записки о западных странах, составленных в правление великой династии Тан» монаха Сюань-цзана (VII в.), «Описание паломничества в страну Тан в поисках дхармы» японского монаха Эннина (IX в.), «Хождение в пять индийских царств» корейского монаха Хечхо (VIII в.) — оригинал последнего произведения утрачен и известен благодаря сочинению китайского буддиста Хуэй-линя «Чтение и значение слов всех канонов» [Троцевич 2004: 37]. Все упомянутые произведения были написаны на *вьньяне* и его региональных вариантах (*камбун*, *ханмун*). Во Вьетнаме от первых веков распространения буддизма эпиграфических памятников осталось крайне мало, и к наиболее известным и крупным произведениям¹ этого жанра относятся «Записки о путешествии в столицу» Ле Хью Чака.

XVIII век во Вьетнаме

На протяжении истории Вьетнама центральной власти угрожали как внешняя агрессия — китайская и монгольская, так и междоусобные войны. Последний период зависимости от Китая закончился победой национального героя Ле Лоя, основателя династии Поздних Ле (1428—1788). Со смертью императора Ле Тхань-тонга (1460—1497) династия постепенно приходила в упадок, в то время как укреплялась власть крупных военно-феодалных кланов *тюа*. Военные с самого основания Поздних Ле служили императорскому двору опорой и пользовались, в отличие от гражданских чиновников, преимуществами [Федорин 1993: 362—380]. В результате военного конфликта (1627—1672) Дайвьет был разделен между *тюа* Чинь и Нгуен на Дангнгоай на севере с императорской столицей

¹ На русском языке работ о путевых заметках в традиционной вьетнамской литературе не много. «Записки о прогулке к горе Фаттить» рассматривали Е.Ю. Кнорозова [Кнорозова 1993: 105—116; 2009] и А.Ю. Демченко [Демченко 2000: 153—177].

Тханглонг и Дангчонг на юге, однако с номинальным единым правлением династии Поздних Ле, фактически ставших марионетками клана Чинь. У последних были собственные двор и правительство, постепенно *тюа* узурпировали даже высшие жреческие функции правителей династии Поздних Ле — в XVIII в. те «почти полностью лишились функции главных государственных жрецов» [Антощенко 1991: 14].

В XVIII в. засухи, паводки и другие бедствия в Дангнгоае неоднократно становились причинами голода и как следствие — миграции населения из голодных провинций, протестных движений и бунтов. В 1771 г. в Дангчонге началось восстание Тэйшонов, которые в 1786 г. двинулись на север и разбили *тюа* Чинь. Они провозгласили собственную династию, которая пала в 1802 г.

Краткая биография Ле Хью Чака

Ле Хью Чак (1724—1791)¹ (рис. 1) жил в деревне Лиеуса провинции Хайзыонг (совр. пров. Хынгиен) и в деревне Баутхьонг провинции Нгеан (совр. пров. Хатинь), где родился и умер, на родине матери. Он происходил из образованной знатной семьи, его родственники как со стороны матери, Буй Тхи Тхьонг, так и отца были высокопоставленными чиновниками². Выдающийся энциклопедист, современник Ле Хью Чака, а также чиновник при дворе *тюа* Чинь Ле Куи Дон (1726—1784) восхищался дядей Ле Хью Чака Ле Хью Киеу³ (который приходился ему тестем⁴) и даже сохранил предисловие Ле Хью Киеу к собранию стихов поэта XVIII в. Май Хо в качестве образца изящной прозы [Восточная поэтика 1996: 321—322].

В традиционной системе образования сдача экзаменов на получение чиновничьей должности была ожидаемым завершением многолетней учебы. Ле Хью Чак также учился в столице, чтобы затем держать конкурсные экзамены. Современники и потомки высоко оценивали его поэтический талант. В столице он дружил с поэтами, в свободное время совершал с ними прогулки в районе Западного озера [Nguyễn Trọng Thuật 1923: 193]. Когда Ле Хью Чаку исполнилось 20

¹ Во вьетнамской литературе XX в. указывались разные годы рождения и смерти Ле Хью Чака. Эти годы жизни указаны как в библиографии Чан Ван Зяпа [Trần Văn Giáp 1984: 428], так и в заявке Вьетнама ЮНЕСКО [Предложения] о праздновании в 2024 г. 300-летия со дня рождения медика.

² Отец Ле Хью Мью занимал высокие чиновничьи должности. Ле Хью Мью указан как составитель «Семейной хроники рода Ле» [Trần Văn Giáp 1984: 314]. Хроника заканчивается на Ле Хью Тяне (Lê Hữu Chân), т. е. Ле Хью Чаке, который в «Географическом описании Хайзыонга» ошибочно записан как Ле Хью Хуан (Lê Hữu Huân). Также в хронике указано, что жена Ле Хью Чака из семьи Нгуен родила двух сыновей (Хью Хьонг, Хью Нинь) и четырёх дочерей.

³ Дядя по отцу Ле Хью Киеу (1691—1760) занимал высокие должности при дворе *тюа* Чинь, в 1737 г. отправился с посольством в Китай и составил там «Стихи в подражание нахмурившейся красавице, сочинённые послом на Север» [Gaspardone 1934: 119]. Он пользовался известностью: например, история о нём встречается в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана «Случайные записки о превратностях судьбы» — «Господин Ле Хью Киеу» [Кнорозова 2009: 242—243].

⁴ Ле Куи Дон (1726—1784) был женат на десятой дочери Ле Хью Киеу [Nguyễn Văn Thang 1998: 10].

лет, умер его отец, и юноша вернулся домой. Он познакомился со старцем по фамилии Ву и научился у него гаданиям и воинскому искусству, затем ушел в армию. Разъезжая по стране, разочаровался в службе — и, получив весть о смерти пятого брата, попросился в отставку. От тревог здоровье Ле Хью Чака ослабло. В провинции Нгеан он нашел медика Чан Дока, лечился у него больше года — и тогда же познакомился с трудом Фэн Чжаочжана, своего китайского современника — «Ценные советы семьи Фэн» (*кит.* 馮氏錦囊)¹. В 1756 г. Ле Хью Чак отправился в столицу, чтобы найти себе учителя, и после тщетных поисков вернулся домой, к матери, где полностью посвятил себя изучению медицины. В 1760 г. мать скончалась. Ле Хью Чак остался жить в родных краях, занимаясь медициной, преподаванием и работой над «Тамлинем». Он пользовался псевдонимом *Хай Тхьонг Лан Онг* или *Лан Онг*: *Хай* — первый иероглиф названия провинции *Хайзыонг*, *Тхьонг* — второй иероглиф названия деревни *Баутхьонг*. «Лень» (*Лан*) намекает на нежелание служить чиновником.

Рис. 1. Ле Хью Чак.

Фото из открытых источников.

Ле Хью Чак жил примерно в трехстах километрах от столицы, однако слава о нём достигла двора *тюа* Чинь Шама, который мог узнать о медике не только благодаря молве, но и, возможно, от Ле Куи Дона. Тем не менее информантом Ле Хью Чак называет влиятельного и всесильного помощника Чинь Шама — Хоанг Динь Бао. О последнем в столице ходила сатирическая песня: «Вельможи сановные, видно, ослепли все как один: не видят — среди царских жен нежится регент — наш господин»². Ле Хью Чак был лично знаком с этим сановником:

...Мне доводилось его лечить. Щедрый и радушный, он принимал меня как почетного гостя, даже усадил рядом со своей циновкой. После, одержав победу над неприятелем, получил нынешнее назначение — немногие при дворе пользовались таким доверием тюа, как он. Его повышение долго не давало мне покоя, я не раз говорил ученикам: «Однажды и мне придется уехать в суетную и шумную столицу, предав память о родных краях» [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 15].

В начале 1782 г. Ле Хью Чак вопреки желанию отправился по приказу *тюа* Чинь Шама в столицу, чтобы осмотреть его малолетнего наследника Чинь Кана и назначить лечение, — этой поездке и посвящен дневник.

¹ Этот труд был мало известен в Китае, но пользовался популярностью во Вьетнаме. Благодаря ему Ле Хью Чак спас двух своих дочерей Ан и Хоан; он даже написал портрет Фэн Чжаочжана и поклонялся ему до конца жизни [Lan Ong 1972: XXII].

² Хоанг Динь Бао же «приказал выставить на рыночной площади крюк и ножницы и пригрозил, что впредь тому, кто будет повторять и передавать эти отвратительные стишки, отрежут язык. Однако впоследствии восставший народ расправился с самим Хоанг Динь Бао, стащив его крючьями со спины слона» [Нгуен Ван Хоан 1982: 99].

«Записки о путешествии в столицу»

«Записки» начинаются со дня получения приказа в начале 1782 г. и заканчиваются возвращением домой — повествование охватывает примерно девять месяцев. Записи составлялись позднее, в свободное время, и были завершены через год. Поездка в столицу заняла около двух недель.

Использованный в названии иероглиф *ки* (кит. 記, *цзи*) обозначает жанр записок, чье функциональное назначение восходит к смыслу этого слова — «делать запись, чтобы не было забыто; описывать, чтобы сохранить в памяти». «...Эта специфическая особенность понятия памяти в китайской культуре — как знания, обращенного в будущее, а не в прошлое, “как память для”, а не “память о” — неразрывно связана с её истолкованием в качестве явления прежде всего *социального*, т. е. *наказа грядущим поколениям* [курсив мой. — К.Ц.]» [Серебряков 2010: 353]. В китайской литературе этим иероглифом обозначались сочинения разного объема и характера: как «Исторические записки» Сыма Цяня, так и произведения, которые можно было бы отнести к дневниковым (например, «Поездка в Шу» Лу Ю) [Там же: 354]. Замечание о социальной памяти важно для понимания дневника и Ле Хыу Чака, оформившего записи постфактум в цельное повествование¹.

В свободное время, наслаждаясь вином и музыкой, веду записки о том, что было — от начала и до самого конца, чтобы помнить. Потомкам должно уметь следовать судьбе и покоряться ей, знать меру и предел², не жадничать — и почитать это за добродетель и пример для подражания [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 15—16].

Подобная работа над дневником подразумевает обращение к материалам, помогающим восстановить ход событий, композиции письма: выстраивая текст, автор намеренно или невольно опускает детали, поскольку те могут казаться ему очевидными — или же чтобы представить себя читателю с нужной стороны.

Дневник был написан на литературном языке *ханване*: «До знакомства с европейской культурой в XIX—XX вв., понятия “грамотность”, “образование”, “наука”... прочно связывались с понятием “китайская культура”» [Никитин 2001: 252], а в последние столетия традиционного Вьетнама «китайское влияние выражалось преимущественно в конфуцианских мотивах, что для вьетнамцев стало означать тождественность понятий “конфуцианство” и “китайская культура”» [Там же: 253]. С конфуцианством неизбежно связано понятие «благородного мужа»³ (кит. *цзюньцзы*, вьет. *куанты*) — культ которого, по мнению Д. В. Део-

¹ Перевод дневника Ле Хыу Чака на современный вьетнамский язык Нгуен Чонг Тхуата, получившего традиционное образование, был опубликован в нескольких номерах газеты «Южный ветер»: для удобства печати и восприятия текст разделен на главы. Другой переводчик дневника, Фан Во, также получивший традиционное образование, тоже разбил текст на главы. Озаглавленным переводили на английский и французский языки в качестве образца прозы Ле Хыу Чака эпизод в резиденции *тюа* Чинь. Цельный, не разбитый на главы, текст переводили на французский язык Нгуен Чан Хуан и вьетнамский — Буй Хань Кан.

² Выражение — усеченная фраза из *чжана* 44 «Даодэцзина»: «Знающий меру не опозорится. Знающий предел не подвергнется опасности» [Лукиянов и др. 2016: 273].

³ Конфуцианский идеал личности. Истинный *цзюньцзы* посвящает себя служению людям. Ему свойственны пять главных добродетелей: человеколюбие (*жэнь*), долг (*и*), правильное поведение (*ли*), знание (*чжи*), верность (*синь*), а также сыновняя почтительность (*сяо*).

пики, в странах дальневосточного культурного региона, за исключением Китая, не прижился, «хотя попытки в этом направлении предпринимались» [Деопик 2002: 457]. И тем не менее представление о том, каким должен быть человек, у Ле Хыу Чака напоминает конфуцианский идеал:

Однажды мне сказали: «Вы глубоко разбираетесь в медицине, обладаете выдающимися талантами. <...> Скрыть блики и похоронить свет действительно благородно, однако слава о Вас дошла до самих Восточных палат, это ли не знак высочайшей милости и благодати?» Я же удрученно заметил: «Красивые цветы обрывают, а людям слава и почести не приносят ничего, кроме неприятностей. Сравнится ли тщеславие с радостью бегства от подобной славы?» [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 199—200].

«Для творца высокой культуры — служилого человека, который начиная с XV в. был в основном конфуциански образованным — действительно существовала область выражения частного мнения, и она была связана с фактом внешнего идеологического разнообразия традиционной культуры, в которой сосуществовали разные этико-политические, религиозные и религиозно-философские течения. Это разнообразие было закреплено самой традицией в термине “три учения” (*там зяо*), под которыми во Вьетнаме, как и в Китае, понимались конфуцианство, буддизм и даосизм, хотя реально религиозная и идейная жизнь средневекового общества была намного богаче, а вьетнамская ситуация отличалась от китайской» [Никитин 2001: 250]. Например, во Вьетнаме, как отмечалось выше, не получил развития философский даосизм, но в произведениях традиционной литературы Китая и Вьетнама влияние буддизма и даосизма можно увидеть в образах отшельников, аскетов, противопоставлении природы и мирского. Влияние даосизма прослеживается и в распространенных в Китае формах досуга ученых мужей, таких как стихосложение за распитием вина, прогулки по живописным местам. Ле Хыу Чак с самого начала противопоставляет «сельскую идиллию», которую вынужден покинуть, и город — олицетворение брэнной суеты:

Родом я из горной глухой деревишки, время там проходит спокойно и безмятежно... Когда же я вернусь, когда же я буду играть с оленями и козулями да вести вечерами беседы с простыми рыбаками и сборщиками хвороста? [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 32].

До первых лучей солнца во сне я видел родные горы [Там же: 65].

Е.Ю. Кнорозова, рассматривая дневник Фам Динь Хо «Записки о прогулке к горе Фаттить», видит в развлечении автора проявление «групповых прогулок-блужданий (*ю*)», ссылаясь на А.С. Мартынова [Кнорозова 2020: 35]. Он отмечает, что в китайской культуре конфуцианская личность «существовала как бы в двух ипостасях: *да чэнь* — досл. “великий сановник” ... и *цзюй ши* — “ученый на покое”, удалившийся от общественных дел на время или навсегда и культивирующий особое состояние своего сознания, *сянь* (досл. “досуг”, “праздность”» [Мартынов 1997: 562]. Прогулки по красивым местам, блуждания в поисках «странного», удивительного, «примечательного» — одна из форм проявления *сянь*, имеющая даосские корни [Там же: 563—564]. Восхождение на горы, любо-

вание красивыми пейзажами, наслаждение природой как в одиночку, так и с учениками, было привычным развлечением Ле Хью Чака:

Обычно я с учениками совершаю прогулку в горы [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 13].

У гор Лонгшон мы оказались в тихом местечке изогнутой формы, где росли старые деревья, там было прохладно и свежо. Чёрные камни размером со стол располагались в идеальном порядке. Я остановил паланкин, чтобы полюбоваться пейзажем [Там же: 25].

Ле Хью Чак сознательно выбрал жизнь в глуши, хотя мог бы служить чиновником: даже в городе он уделяет внимание природе, пространно описывает виды. Она вдохновляла его.

Вдохновение автор выражал в стихах, занимающих значительный объем «Записок»: в дневнике есть как стихи собственного сочинения, обычно предваряемые такими фразами, как «я почувствовал внезапный прилив вдохновения и сложил строки», «чтобы выразить охватившие душу чувства, написал/прочел/продекламировал...» и пр., так и стихи, которые Ле Хью Чак счел достойными внесения в «Записки», присланные ему в «подарок» высокопоставленными чиновниками, почитателями его таланта и собеседниками. Дневник Ле Хью Чака интересен и тем, что дает «представление о той огромной роли, которую играла поэзия в жизни: она вошла в повседневность, в быт, эстетизировала их» [Восточная поэтика 1996: 332].

Поэтический талант Ле Хью Чака его гости сравнили с дарованием великих танских поэтов VIII века Ли Бо и Ду Фу [Hải Thượng Lãn Ông 2012: 68], в творчестве которых, кстати, прослеживаются и буддийские, и даосские мотивы. Глава уезда Камзянг в письме к Ле Хью Чаку также уподобляет адресата Ли Бо и Ду Фу и посвящает ему стихотворение, в котором иносказательно сравнивает его с китайским интеллектуалом, поклонником даосизма Жуань Цзи [Там же: 100].

Примерно на восьмой день пути Ле Хью Чак встретил даоса. Заинтересовавшись им, пригласил присоединиться к их трапезе и, усадив гостя на почетное место, попросил погадать. Ему понравилась беседа со старцем.

Жаль, что мы так поздно встретились — случись это раньше, я бы мог лучше узнать о его убеждениях и образе мыслей... [Там же: 32—33].

Примечательно, что Ле Хью Чак сам попросил старца погадать на будущее. До этого он встретил медиума-бадонг, но от гадания отказался, заявив:

«Нет ничего удивительного в том, что любой человек хочет исполнения задуманного и не желает встречаться с неудачами и препятствиями на своем пути. Если кроме этого желания других у меня нет, чего же мне еще просить?» Бадонг, поняв намек, мягко улыбнулась... Вскоре все разошлись по домам» [Там же: 21—22].

Культ, о медиумах которого идет речь, имеет отношение к архаичному шаманизму: используемые адептами техники одержимости близки к даосским, но не тождественны им. В основном в качестве медиумов выступают женщины-бадонг. Находясь в состоянии транса, они выступают как прорицательницы и знахарки. Практика передачи духовного опыта и подготовки медиумов во Вьетнаме не прерывалась никогда, однако о её бытовании во времена Поздних Ле сохранилось

мало свидетельств. Упоминание Ле Хыу Чаком в «Записках» о встрече с *бадонг* — одно из немногих доказательств существования данной церемонии во времена династии Поздних Ле [Миниатюрные сады 2007: 276].

Неодинаковое отношение Ле Хыу Чака к даосу и *бадонг* могло быть вызвано сменой настроения в ходе путешествия. Почтительное отношение к даосу можно объяснить не одним уважением к его преклонному возрасту, а учёностью последнего, ведь тот гадал по классической «Книге перемен» (*И цзин*), входящей в конфуцианский канон. «Медицинские предписания» Ле Хыу Чака, представляющие собой краткое изложение этического кодекса медика, начинаются с упоминания необходимости изучения конфуцианства.

Каждый, кто изучает медицину, должен глубоко разбираться в конфуцианском учении: его глубокое понимание облегчает изучение медицины. Свободное время следует посвящать изучению медицинских трудов прошлого и настоящего... [Hải Thượng Lãn Ông 2014: 25]

Несмотря на псевдоним, отсылающий к образу даосского старца, Ле Хыу Чак в «Медицинских предписаниях» прямо указывает:

Каждый врач должен помнить об обязанности служить другим людям, а не предаваться развлечениям вроде распития вина в горах и любования пейзажами — ведь если он срочно понадобится, а его не будет дома, то людям придется ждать его, что может быть опасно. Нужно помнить, насколько важна наша миссия [Там же: 25].

В «Медицинских предписаниях» Ле Хыу Чак также указывает, что врач должен относиться к пациентам с одинаковым уважением, безотносительно пола, социального и материального статуса; проявлять почтительность как к более опытным коллегам, у которых можно перенять знания, так и к тем, у кого опыта меньше — и выступать для них наставником.

Переводчики на современный вьетнамский язык, сами получившие традиционное образование, отмечали простоту языка «Записок», легкий стиль изложения. Автор не только делится чувствами, выражая их в стихах, но и рассказывает о бывшей невесте, которую случайно после многих лет встретил в столице. В молодости он был помолвлен с девушкой из знатной семьи и в диалоге с учеником рассказывает эту историю: уехав в другие места из-за нестабильной обстановки, Ле Хыу Чак «забыл» о невесте. Девушку неоднократно пытались просватать за других женихов из состоятельных семей, но она отказывалась, ссылаясь на то, что уже помолвлена, и в итоге ушла в буддийский монастырь, стала монахиней. Ле Хыу Чак чувствовал вину и ответственность за ее судьбу, о чем и писал в дневнике — подобная откровенность также может показаться необычной.

Заключение

«Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака имеют ряд схожих черт с произведениями данного жанра в дальневосточном культурном регионе: дневник составлен постфактум, написан на вьетнамском варианте *вэньяня*, повествование по большей части датировано, в нем встречаются отсылки к историческим

деятелям, поэтам и литературным произведениям Китая. «Записки» отличаются редким в подобных произведениях объемом стихотворений и, будучи отдельным произведением, одновременно входят в медицинскую энциклопедию Ле Хью Чака, предназначенную как для современников, так и потомков. В повествовании на примере поступков и мыслей автора раскрываются принципы, которыми должен руководствоваться медик во врачебной практике и в жизни.

Повседневность жизни столичной знати незадолго до падения могущественного клана Чинь, влияние политических и социальных потрясений на судьбы тысяч как образованных конфуцианцев, не нашедших своим талантам применения на государственной службе, так и обычных людей; и одновременно личная, лирическая сторона натуры воспитанного в конфуцианском духе выдающегося медика находят отражение в «Записках о путешествии в столицу» — не только литературном памятнике, но важном документе эпохи.

Список литературы

Антощенко В. И. Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII—XVIII веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Бритов И. В. Ле Хью Чак — А. П. Чехов: точки пересечения врачебной практики и литературной деятельности // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 66—72.

Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: Вост. лит., 1996.

Демченко А. Ю. Произведения ки XVIII—XIX вв. на примере сборника Фам Динь Хо «Записки, составленные во время дождя» // Труды Института практического востоковедения. Т. 1. М., 2000.

Деоник Д.В. Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии // Вьетнам. История. Традиции. Современность. М.: Вост. лит., 2002.

Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб.: БАН, 2020.

Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.) // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993.

Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб.: БАН; Альфарет, 2009.

Конфуций. Суждения и беседы «Лунь юй» / Научн. пер., комм. А.Е. Лукьянова, поэт. пер. В.П. Абраменко. М.: Шанс, 2019.

Лукьянов А.Е., Абраменко В.П., Хуан Лилян. Дао дэ цзин: учебное пособие для старшеклассников, учащихся колледжей, студентов. М.: ИДВ РАН, 2016.

Мартынов А.С. Кисть и досуг «совершенного мужа» («цзюнь-цзы») (Заметки о книге И.А. Алимова «Вслед за кистью». Ч. 1. СПб., 1996) // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. С. 559—576.

Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона / пер. с фр. Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: Наука, 2007.

Нуэн Ван Хоан. Столетие народных восстаний и развитие национальных художественных традиций во Вьетнаме XVIII — начала XIX в. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.

Никитин А. В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // Универсалии восточных культур. М.: Вост. лит., 2001.

Никулин Н.И. Вьетнамская литература X—XIX вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.

Предложения государств-членов относительно памятных дат, в мероприятиях по случаю которых ЮНЕСКО могла бы принять участие в 2024—2025 гг. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385098_rus (дата обращения: 29.08.2024).

Серебряков Е.А. Жанр *цзи*-«записки» в творческом наследии крупнейшего китайского поэта, прозаика и историка Лу Ю // Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. Вып. XXV. М., 2010. С. 352—379.

Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Федорин А.Л. Государственный аппарат и система власти в северном Вьетнаме в XV—XVIII вв. // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.: Наука, Вост. лит., 1993. С. 362—380.

Anthologie de la littérature vietnamienne. T. 2: XVIII-e siècle — première moitié du XIX-e siècle [Anthology of Vietnamese Literature. T. 2: XVIII century — first half of the 19th century]. Hanoi, 1973. (На фр. яз.)

Gaspardone E. Bibliographie annamite [Гаспардон Э. Аннамитская библиография]. Hanoi: Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. T. 34, 1934. (На фр.яз.)

Lan Ong. Thuong kinh ky-su (Relation d'un voyage a la capitale) / traduction et annotations par Nguyen-Tran-Huan [Лан Онг. Тхьонг кинь ки-шы (Рассказ о поездке в столицу) / Перевод и примечания Нгуен Чан Хуана]. Paris: Publications de l'École française d'Extrême-Orient. T. 87, 1972.

Lê Hữu Trác (Hải Thượng Lãn Ông). Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh. [Ле Хью Чак (Ленивый старец из Хайтхьонга)]. Суждения об истоках врачевания Хайтхьонга]. Т. 1. Hà Nội, 2014. (На вьет. яз.)

Lê Hữu Trác (Hải Thượng Lãn Ông). Thượng kinh ký sự / Phan Võ dịch [Ле Хью Чак (Ленивый старец из Хайтхьонга)]. Записки о путешествии в столицу / Пер. Фан Во]. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ; Gia Lai: Nxb. Hồng Bàng, 2012. (На вьет. яз.)

Nguyễn Trọng Thuật. Một nhà danh nho và danh y của nước ta ngày xưa cụ Lãn Ông [Нгуен Чонг Тхуат. Известный ученый и врач нашей страны в прошлом, г-н Лан Онг] // Nam Phong, Mars 1923, № 69. (На вьет.яз.)

Nguyễn Văn Thang. Hải Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Lĩnh [Нгуен Ван Тханг. Хай Тхьонг Лан Онг и его произведение Тамлин]. Hà Nội, 1998. (На вьет.яз.)

Trần Văn Giáp. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm. Nguồn tư liệu văn học Việt Nam [Чан Ван Зяп. Исследование коллекции книг на хан-номе. Источник вьетнамской литературы]. Т. 1. Hà Nội, 1984. (На вьет.яз.)

References

Anthologie de la littérature vietnamienne. V. 2: XVIII-e siècle — première moitié du XIX-e siècle [Anthology of Vietnamese Literature. Vol. 2: 18th Century — First Half of the 19th Century] (1973) Hanoi. (In French)

Antoshchenko, V. I. (1991). *Chinovnichestvo v socialnoj strukture feodalnogo Vietnam XVII—XVIII vekov*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Officialdom in the social structure of feudal Vietnam in the 17th–18th centuries. Author's abstract of a dissertation for PhD degree in History]. M. (In Russian)

Britov, I.V. (2022). Le Huu Trac — A.P. Chekhov: tochki peresecheniya vrachebnoj praktiki i literaturnoj deyatel'nosti [Le Huu Trac — A.P. Chekhov: points of intersection of medical practice and literary activity]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, 6: 66—72. (In Russian)

Confucius (2019). *Suzhdeniya i besedy “Lun yuj”*. Nauchn. per., komm. A.E. Lukyanova, poet. per. V. P. Abramenko [The Analects. Scient. transl., comment. by A.E. Lukyanov, poetic transl. by V.P. Abramenko]. M.: Shans. (In Russian)

Demchenko, A.Yu. (2000). Proizvedeniya ki XVIII—XIX vv. na primere sbornika Pham Dinh Ho «Zapiski, sostavlennye vo vremya dozhdya» [Works of the 18th—19th centuries on the example of the collection of Pham Dinh Ho “Notes composed during the rain”]. *Trudy Instituta prakticheskogo vostokovedeniya*, t. 1. M. (In Russian)

Deopik, D.V. (2002). Problema skhodstva kultur Vietnama, Korei i Yaponii [The problem of similarity of the cultures of Vietnam, Korea and Japan], in: Deopik, D.V. *Vietnam. Istoriya. Tradicii. Sovremennost [Vietnam. History. Traditions. Modernity]*. M.: Vost. lit. (In Russian)

Fedorin, A.L. (1993). Gosudarstvennyi apparat i sistema vlasti v severnom Vietname v XV—XVIII vv. [The State Apparatus and the System of Power in Northern Vietnam in the 15th—18th Centuries], in: *Fenomen vostochnogo despotizma. Struktura upravleniya i vlasti [The Phenomenon of Eastern Despotism. The Structure of Management and Authority]*. M.: Nauka, Vost. lit. P. 362—380. (In Russian)

Gaspardone E. (1934). *Bibliographie annamite [Annamite Bibliography]*. Hanoi: Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, V. 34. (In French)

Knorozova, E.Yu. (1993). Putevye zametki Pham Dinh Ho (konec XVIII v.) Travel notes of Pham Dinh Ho (late 18th century). *Peterburgskoe vostokovedenie*, Vyp. 4. SPb. (In Russian)

Knorozova, E.Yu. (2009). *Stranstviya v beskonechnom. Vietnamskaya tradicionnaya proza malyh form [Wanderings in the Infinite. Vietnamese traditional prose of small forms]*. SPb.: BAN; Alfaret. (In Russian)

Knorozova, E.Yu. (2020). *Duhovnaya kultura Vietnama. Tradicionnye religiozno-mifologicheskie vozreniya vietnamcev [Spiritual culture of Vietnam. Traditional religious and mythological views of the Vietnamese]*. SPb: BAN. (In Russian)

Lan Ong (1972). *Thuong kinh ky-su (Relation d'un voyage a la capitale)*. Traduction et annotations par Nguyen-Tran-Huan [Thuong kinh ky-su (Account of a Trip to the Capital). Transl. and annot. by Nguyen Tran Huan]. Paris: Publications de l'Ecole française d'Extrême-Orient, V. 87. (In French)

Lê Hữu Trác (Hải Thượng Lãn Ông) (2012). *Thuợng kinh ký sự / Phan Võ dịch [Le Huu Trac (Hai Thuong Lan Ong). Chronicles of the Capital]*. Transl. by Phan Vo]. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ; Gia Lai: Nxb. Hồng Bàng. (In Vietnamese)

Lê Hữu Trác (Hải Thượng Lãn Ông) (2014). *Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh [Le Huu Trac (Hai Thuong Lan Ong). Practice of the Lazy Master of Hai Thuong]*. T. I. Hà Nội. (In Vietnamese)

Lukyanov, A.E., Abramenko, V.P., Huang Liliang (2016). *Dao de czin: uchebnoe posobie dlya starsheklassnikov, uchashchihsya kolledzhej, studentov [Tao Te Ching. A textbook for high school students, college students, students]*. M.: IDV RAN. (In Russian)

Martynov, A.S. (1997). Kist i dosug «sovershennogo muzha» («czyun-czy») (Zametki o knige I.A. Alimova «Vsled za kistyu». Ch. 1. SPb., 1996) [Brush and leisure of the “perfect husband” (“jun-tzu”) (Notes on the book by I. A. Alimov “Following the brush”, part 1. St. Petersburg, 1996)]. *Peterburgskoe vostokovedenie*, 9: 559—576. (In Russian)

Miniaturnye sady stran dalnevostochnogo kulturnogo regiona. Per. s fr. E.Yu. Knorozovoj (2007) [Miniature gardens of the countries of the Far Eastern cultural region. Trans. from French by E.Yu. Knorozova]. SPb.: Nauka, (In Russian)

Nguyễn Trọng Thuật (1923). Một nhà danh nho và danh y của nước ta ngày xưa cụ Lãn Ông [Nguyen Trong Thuat. A famous scholar and physician of our country in the past, Mr. Lan Ong]. *Nam Phong*, 69. (In Vietnamese)

Nguyen Van Hoan (1982). Stoletie narodnyh vosstanij i razvitie nacionalnyh hudozhestvennyh tradicij vo Vietname XVIII — nachala XIX v. [A century of popular uprisings and the development of national artistic traditions in Vietnam in the 18th — early 19th centuries], in: *Tradicionnoe i novoe v literaturah Yugo-Vostochnoj Azii* [Traditional and new in the literatures of Southeast Asia]. M.: Nauka, GRVL. (In Russian)

Nguyễn Văn Thang. *Hài Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Linh* [Nguyen Van Thang. *Hai Thuong Lan Ong and the work Lan Ong Tam Linh*]. Hà Nội, 1998. (In Vietnamese)

Nikitin, A.V. (2001). Universalnye harakteristiki tradicionnoj vietnamskoj mysli [Universal characteristics of traditional Vietnamese thought], in: *Universalii vostochnyh kultur* [Universals of Eastern cultures]. M.: Vost. lit. (In Russian)

Nikulin, N.I. (1977). *Vietnamskaya literatura X—XIX vv.* [Vietnamese literature of the 10th—19th centuries]. M.: Nauka, GRVL. (In Russian)

Predlozheniya gosudarstv-chlenov otnositelno pamyatnyh dat, v meropriyatiyah po sluchayu kotoryh YuNESKO mogla by prinyat uchastie v 2024—2025 gg. [Proposals from Member States regarding memorable dates in which UNESCO could participate in events in 2024—2025]. Retrieved on 29.08.2024 from URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385098_rus. (In Russian)

Serebryakov, E.A. (2010). Zhanr czi-«zapiski» v tvorcheskom nasledii krupnejshego kitajskogo poeta, prozaika i istorika Lu Yu [The genre of ji-“notes” in the creative legacy of the greatest Chinese poet, prose writer and historian Lu Yu]. *Kitaj i okrestnosti. Mifologiya, folklor, literature* [China and Around. Mythology, Folklore, Literature], XXV: 352—379. (In Russian)

Trần Văn Giáp (1984). *Tim hiểu kho sách Hán Nôm. Nguồn tư liệu văn học Việt Nam* [Tran Van Giap. *Researching the Han Nom book collection. Source of Vietnamese literature*], т. 1. Hà Nội. (In Vietnamese)

Trotsevich A.F. (2004). *Istoriya korejskoj tradicionnoj literatury (do XX v.)* [History of Korean Traditional Literature (before the 20th century)]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russian)

Vostochnaya poetika: Teksty. Issledovaniya. Kommentarii [Eastern poetics. Texts. Research. Comments] (1996). M.: Vost. lit. (In Russian)

Дата поступления статьи: 29.08.2024

Дата поступления в переработанном виде: 03.02.2025

Принята к печати: 30.05.2025

Received: August 29, 2024

Received in revised form: February 3, 2025

Accepted: May 30, 2025

Dang Quoc Minh Duong

Women's Breast Symbols in Vietnamese Folk Literature

Abstract. This article explores the symbolic representations of women's breasts in Vietnamese folk literature through a multidisciplinary approach combining literary analysis, cultural studies, and gender perspectives. Although breast imagery is relatively scarce in Vietnamese traditions, it conveys rich and layered meanings. The paper categorizes these symbols into three main groups: the sacred breast, the erotic breast, and the aesthetic breast. These appear respectively in myths, jokes, and beauty ideals — associated with motherhood, desire, and feminine charm. Drawing on sources such as folk songs, proverbs, and legends, the study shows that breast symbolism reflects both reverence and ambivalence toward the female body. It offers insight into Vietnamese cultural values and gender perceptions as expressed in oral literature.

Keywords: Vietnamese folk literature, breast symbolism, sacred breasts, erotic breasts, eroticism in folklore.

Author: Dang Quoc Minh Duong, Lecturer, Faculty of Social Affairs and Communications, Van Hien University, Ho Chi Minh City, Vietnam.
E-mail: DuongDQM@vhu.edu.vn

For citation: Dang Quoc Minh Duong (2025). Women's Breast Symbols in Vietnamese Folk Literature. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 154—165.

Данг Куок Минь Зыонг

Символы женской груди во вьетнамском фольклоре

Аннотация. В статье рассматриваются символические представления о женской груди во вьетнамском фольклоре. Исследование проведено с помощью междисциплинарного подхода, объединяющего литературный, культурологический и гендерный анализ. Хотя образ груди относительно редко встречается во вьетнамской традиции, он имеет многослойное значение. В статье символы груди подразделяются на три основные группы: священный, эротический и эстетический. Они появляются в мифах, шутках и идеалах красоты, связанных с материнством, желанием и женским очарованием. Опираясь на такие источники, как народные песни, пословицы и легенды, исследование показывает, что символизм груди отражает амбивалентность по отношению к женскому телу. Оно дает представление о вьетнамских культурных ценностях и гендерных восприятиях, выраженных в устной литературе.

Ключевые слова: вьетнамский фольклор, символика груди, священная грудь, эротическая грудь, эротизм в фольклоре.

Автор: Данг Куок Минь Зыонг, преподаватель, факультет социальной работы и коммуникаций, Университет Ванхиен, г. Хошимин, Вьетнам.
E-mail: DuongDQM@vhu.edu.vn

Для цитирования: Данг Куок Минь Зыонг. Символы женской груди во вьетнамском фольклоре // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 154—165.

Introduction

Hoang Phe defines the noun “breast” as having three meanings, with the relevant meaning being “a body part located in the chest of a person, or in the abdomen of an animal, with a small protruding nipple in women or animals” [Hoàng Phê 2022: 1130]. The female breast is an organ that secretes milk to nourish infants. Anatomically, the breast is one of two prominent parts located in the upper abdomen of primates. In women, the chest area acts as a mammary gland, producing and secreting milk to provide nutrition for infants. The breast is covered by subcutaneous fat covers and surrounded by a network of ducts that converge at the nipple, giving it its size and shape. At the end of the milk ducts are lobules, or alveolar clusters, where milk is produced and stored in response to endocrine signals.

Throughout history, literature and art have often mentioned this body part in relation to women, with various concepts and emotions. In Greek and Roman mythology, the mother's breast was seen as a symbol of nurturing and power. In ancient Egyptian civilization, the breast was considered a symbol of femininity. Archeologists have unearthed stone steles engraved with many images of breasts used to represent women and femininity. The crown of the Egyptian goddess is shaped like a round breast, symbolizing strength, fertility, purity, and innocence. During the Renaissance, eroticism became more prevalent in paintings that depicted the sacred act of breastfeeding. However, these paintings differed from previous depictions of saints in one significant aspect: the breast was portrayed as both an “erotic signal in art” and a “reference to pure pleasure.” Yalom [2022] dedicated a research monograph *A History of the Breast* to this topic, which has been translated into Vietnamese and published in Vietnam.

Tran Hau The Yen stated: “After reading the entire book and admiring the depictions of breasts from Asia, Europe, and Africa, I felt a sense of sadness because there is not a single image or text mentioning breasts in Vietnamese art” [Trần Hậu Thế Yên 2023]. It is true that images of breasts are not commonly found in Vietnamese visual art. Do Anh Vu discussed the scarcity of breast images in Vietnamese folk literature in his article “Life's Chest.” He also offered his own interpretation, stating that this scarcity is a result of “historical necessity, when individual consciousness and personal liberation were not yet promoted in this country and had to wait until the influence of Western culture” [Đỗ Anh Vũ 2017: 43].

In our study of Vietnamese folk literature, we discovered that women's breasts were mentioned in various folk sources. Specifically, they appeared 14 times in proverbs, 10 times in riddles, 22 times in folk songs, once in a fairy tale, and 12 times in jokes. Although the number of sources referencing the “*bong dao* mound” is limited, it still reflects the significance of the breast symbol in Vietnamese folk literature. Through the use of surveying, analysis, synthesis, and interdisciplinary methods, this article aims to explore the portrayal of the breast in Vietnamese folk literature and shed light on the Vietnamese perspective on this symbol of femininity.

Sacred breasts

We use the term “sacred breast” in the same way as Marilyn Yalom, who studied the breasts of goddesses, priestesses, the Virgin Mary, and biblical women who were revered

and admired. Breasts are considered sacred because they provide nourishment to sustain human life. Yalom stated: “The lactating breasts of the Virgin Mary and the great goddesses are sacred symbols of all that is good in the universe” [Yalom 2022: 95]. In Greek mythology, the Milky Way was created by the milk of Zeus’s wife Hera, who was angry when she discovered that a child not born to her was secretly drinking her milk in order to gain immortality (Fig.1).

Fig. 1. Peter Paul Rubens. “The Birth of the Milky Way”. 1636–1638. *Open sources.*

In Vietnamese folklore, the sacred breast is also mentioned in the legend of Ba Trieu. This story tells of Au, a woman with unusually long breasts, so long that she “often squeezes her breasts behind her shoulders and wraps her back tightly with silk” [Tuyển tập văn học... 1999: 385]. The story “The Basket Breasts” features a girl with extremely large breasts, so large that she had to tie her nipples back to avoid them getting in the way. The common theme in these stories is the unusual size of the breasts, which is seen as extraordinary and sacred because it is associated with a national hero. According to Pham Van Hung, this could be “a remnant of primitive culture, a symbol of the beauty of a time when the image of a woman emphasized her breasts, abdomen, and hips, and they were unusually large. This represents the beauty of fertility, growth and development, and the magnification of body parts from ordinary to extraordinary, from majestic to strange” [Phạm Văn Hưng 2019: 120]. Researchers have found that breasts are linked to fertility beliefs in Vietnamese and other ethnic groups. At the Museum of Cham Sculpture in Da Nang, visitors can see many statues of Uma, Laskmi, and Tara, goddesses with round breasts. The altars of Thap Mam (Binh Dinh) and Tra Kieu (Quang Nam) are adorned with breast-shaped decorations between two layers of

Fig.2. Thap Mam Altar. Da Nang Museum of Cham Sculpture. *Open sources.*

delicately stylized flowers and leaves (Fig.2). The story “The Basket Breasts” ends with the words: “Her body turned into a towering mountain range where she died. That is Breast Mountain. The mountain still exists today, resembling the body of a woman lying on her back with two high hills rising above her chest. Those are her great breasts” [Tuyển tập văn học...1999: 449].

In Vietnam, there is a fruit tree called the star apple tree. The star apple fruit is about the size of a fist, with green skin that turns light pink when ripe. It has a sweet and delicious taste. According to the story “The History of the Star Tree,” the star apple tree is believed to be the embodiment of a mother’s desire to nurture and educate her playful son. People say that the foliage resembles a mother’s crying eyes, waiting for her child. The branches of the tree droop like a mother’s arms, reaching out lovingly to comfort her child. The star apple fruit is also seen as a symbol of mother’s milk, as the son in the story drinks it and feels a familiar and refreshing sensation. Therefore, the breast is considered sacred because it is associated with motherhood, nurturing children, and the role of a mother.

In terms of etymology, the English word “breast” comes from the Old English word *breost* (meaning chest, breast) and the prehistoric German word *breustam* (breast). It can also be traced back to its prehistoric Indo-European root *bhreus*, which means growth or germination. The original meaning of the word “mother’s breast” suggests that ancient societies recognized the function of breasts in giving life and promoting maturity. This aligns with Yalom’s observation: “The beginning is the mother’s breast. For most of human history, there was no substitute for breast milk. In fact, until the late nineteenth century, when pasteurization made animal milk safe, the breast was essential for every newborn baby. It is not surprising that our prehistoric ancestors endowed their goddesses with wonderful breasts” [Yalom 2022: 38] The author of *A History of the Breast*, while researching Chinese writing, discovered an interesting detail: the ideogram for mother consists of two stylized square breasts. In modern Chinese literature, the work *Life’s Treasures* by Mac Ngou (translated from the original Chinese work *Feng wu*

huang) literally means “big breasts and big buttocks,” praising the fertile beauty of women. By using the breast as the original image of the mother principle, Mac Ngon in this work highlights the magical qualities of all that is great, enveloping, nourishing, protecting, and warming, even the living, unfortunate heart. The above references are consistent with the *Dictionary of World Cultural Symbols* on breast symbols. Accordingly, the breast is a symbol of “protection and moderation (...) Breasts are associated with feminine origin, that is, with a degree or moderation (...) Breasts are primarily a symbol of motherhood, tenderness, peace, and trust. With milk, the first food, the breast is associated with images of intimacy, gifts and refuge” [Chevalier, Gheerbrant 2002: 664].

Therefore, through Vietnamese folk songs, we remind those who raise children to cherish milk in gratitude for the nourishment provided by the mother.

Remember to be grateful to the parents

Three years of breastfeeding with so much intimacy [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995b: 49] (Fig. 3)

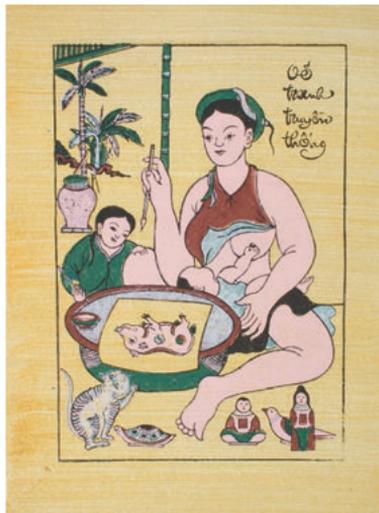

Fig. 3. Folk painting “In Dong Ho Village”. Vietnam, Dong Ho Village. 2010s.
Private collection.

The *Dictionary of World Cultural Symbols* indicates that breast milk represents “prosperity, fertility, and knowledge in an esoteric context; ultimately, as a means of initiation, it symbolizes immortality. ... Milk embodies a yin quality, representing femininity at its finest and is linked to youthful rejuvenation” [Chevalier, Gheerbrant 2002: 664]. In biblical texts, the Holy Land — referred to as the Promised Land of Israel — is frequently described as “the land of milk and honey,” suggesting a region characterized by abundance, wealth, prosperity, and divine blessings.

As a result, the breast sign with religious connotations is primarily found in stories, with rare appearances in fairy tales and folk music. Regarding the child, the breast is linked to the role of supplying milk to feed the infant. The sacred breast is also linked with heroes and demigods. But there are just shards of Vietnamese mythology.

Erotic breasts

Initially, breasts were solely linked to motherhood and the nurturing of children. However, in contemporary art and literature, they are increasingly viewed as symbols of desire, primarily for powerful men who perceive them merely as objects of attraction [Yalom 2022: 1]. Recent research indicates that men instinctively notice women's breasts first among all body parts, reinforcing their status as objects of male desire. According to legend, a woman's breasts were originally the property of a man. Due to divine intervention, he lent them to her, but ultimately lost ownership, leading to feelings of resentment and regret. Consequently, whenever he sees a woman's breasts, a sense of ownership resurfaces, igniting his interest. The visual impact of a woman's breasts sharply focuses on the retina, and the resulting nerve signals quickly activate the cerebral cortex, inducing excitement.

Numerous jokes depict boys daring one another to touch a girl's breasts. In the narrative "It's Your Father's Grave!", three boys compete to squeeze the breast of an approaching girl. The eldest boy pointed at her chest and inquired, "Ms., what is this?" The girl's face flushed with anger as she retorted, "That's your father's grave!" In response, the young man immediately embraced her chest, exclaiming, "Daddy, when did you die? I'm unaware of how long you've been buried here" [Nguyễn Chí Bền 2014b: 290]. This story illustrates the mischievous antics of young men while highlighting that breasts are their target.

In "Surgery Doctor", a physician exploits his position to grope a sixteen-year-old girl's breast, insisting she must undress completely. Initially, he touches her forehead and holds her hand, but upon noticing her breast is not swollen, he continues to squeeze it, making her feel extremely shy. The doctor persists in his inappropriate actions until the patient's mother questions why he hasn't examined the area of pain. The doctor justifies his behavior by stating: "I squeezed her breast to assess its softness and firmness, and to ensure the medication matches this side. If the sizes are uneven, I fear no one will want to marry her" [Nguyễn Chí Bền 2014a: 403].

Moreover, the joke "Just Saw and Scolded" recounts a father-in-law groping his daughter-in-law's breasts. The tale "Clawing the Tiger's Beard" narrates Mr. Thiem's cunning approach to squeeze the breasts of a district official's wife. Additionally, "Everywhere You Go" describes a man touching his neighbor's breast while she is breastfeeding. In a depiction of youthful playfulness at the Huong Loc communal house in Nam Dinh province during the 17th century, a scene unfolds where a girl holds her boyfriend's penis while he grasps her breast, with onlookers smiling around them [Phan Cẩm Thượng 2017: 71]. In numerous Renaissance artworks, it is common for artists to illustrate a young man resting his hand on a woman's breast, suggesting a sense of possession; the woman, in this context, is the rightful owner of her own body.

Folk songs often feature numerous themes related to the groping and touching of women's and girls' breasts. In some instances, these actions are portrayed as the boy's desire, request, or flirtatious behavior. *She's sitting at the right door selling areca nuts / Wanting to ask to touch her breasts but afraid of hurting her heart*, or *Her breasts are as small as young areca nuts / Let me cuddle them if it hurts, I'll pay / Your breasts are only worth a little money / If you let me touch them, I'll pay five times more* [Nguyễn Xuân

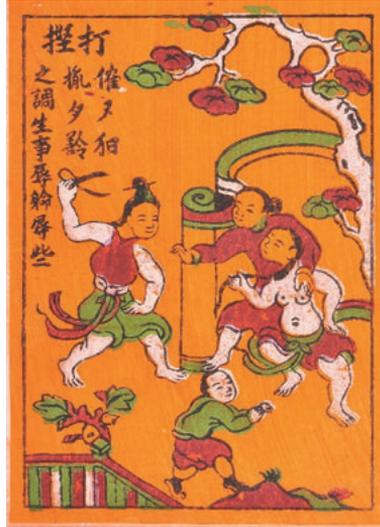

Fig. 4. Folk painting “Scene of Jealousy”. Vietnam, workshops of the village of Dong Ho. XX century. Private collection.

Kính, Phan Đăng Nhật 1995a: 127] (Fig. 4). This situation illustrates a young man’s admiration for the distressed owner.

Furthermore, numerous folk songs depict charming yet conceited young men. *Bright moonlight / Take his cock to go out / Meeting a flock of wild ducks / He took a bow to shoot / Met a girl wearing a red bib / Going with rice / Going to the temple / I’m determined to lose / Put out my hand to touch my breast / Wait a minute, uncle / My basket of rice has fallen / Today is thirty / Tomorrow is the first day / Go to the temple to worship the Buddha / Buddha, turn away / The monk looks away and chuckles / What is the use of the three jewels?* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995c: 115]. Due to the issue of harassment against women, parents frequently caution young girls: *Girls should not often go to the boy’s house / Afterwards, their breasts will be as big as two coconut shells.* This is a humorous folk song: *Touching the fairy’s breast / Taking money to measure rice / Touching her red breast / Using a basket to catch fish / Touching the girl’s breast / Picking up a verse / Going to the church gate / Kneeling to father and mother / I have become human.* Even, *One hand rang the bell / One hand touched her breast, shocked* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995b: 182].

During the Renaissance period in the West, breastfeeding was generally discouraged among the upper class, who often employed wet nurses for this purpose. To encourage mothers to embrace their nurturing roles, the French physician Ambroise Paré believed that breastfeeding provided both physical and emotional gratification, suggesting that it could even be a source of sexual pleasure for both mother and child. He noted that there exists a sympathetic connection between the breast and the uterus, where stimulation of the nipples can awaken the uterus and elicit pleasurable sensations due to the high concentration of nerve endings in that area [Yalom 2022: 131]. This perspective highlights the emotional experience of the breastfeeding mother. In contrast, the

renowned psychoanalyst Sigmund Freud focused more on the infant's experience, arguing that breastfeeding is not only the child's initial activity but also the foundation of their entire sexual development. He stated: "From a very early age, when sucking the breast to the fullest, the child feels a sense of satisfaction from doing so" [Stafford 1998: 125]. Interestingly, in folk riddles, the act of a mother nursing her child is often framed as a familial activity. In folk literature, the imagery of placing the breast in the baby's mouth is sometimes likened to the sexual act of insertion and withdrawal. *One person lies down and the other person sits / Push in happily / When he pulled out, his mouth grinned widely* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995b: 77]. Consequently, individuals have skillfully incorporated into the narrative the positions of a person reclining, another seated, and the expression of someone who appears "very happy," complete with a smiling mouth, to charm and mislead the audience.

Discussions regarding breast shape frequently involve comparisons to various fruits. Smaller breasts are likened to apples or areca nuts, while larger breasts are often compared to peaches, coconuts, papayas, or melons. *Your breasts are like areca nuts / If you squeeze them, I'll compensate if it hurts, or your breasts are like melons / Your hands are like citron, meet together* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995c: 45]. The Chinese culture also employs a unique method of referring to breasts, using terms such as raisin, apple, cherry, lemon, coconut, pear, mango, watermelon, and banana. These names evoke images of delicious, juicy fruits that stimulate appetites. Beyond their similar shapes, likening breasts to fruit subtly suggests that "*bong dao* mound" is a dish that men can "consume." In the United States, from the 1920s to the 1950s, fruit marketing was often linked to a subconscious association with breasts. Labels on fruit crates frequently featured illustrations of curvaceous women with prominent breasts [Yalom 2022: 308].

Breasts as objects of beauty

Breasts play a significant role in defining femininity. Women embody beauty, and as such, breasts are often regarded as one of the most alluring and aesthetically pleasing aspects of a woman, symbolizing beauty itself. Numerous works of ancient Greek art, including the Island of Aphrodite housed in the Louvre Museum in Paris, draw inspiration from the breast to celebrate beauty and the female form. Similarly, Italian Renaissance artists frequently expressed their admiration for the vibrant depiction of breasts, particularly in their portrayals of Venus, the goddess of love.

Vietnamese folk literature features few works that focus on the beauty of breasts, likely due to a cultural preference for modesty. As noted, "People may wear rags, but they are never truly naked. This is especially true for women, who, embodying the yin principle of darkness, must remain covered. Women do not reveal their breasts; they are typically concealed beneath a square cloth bib [Nguyễn Văn Huyền 2016: 204]. Due to a cultural aversion to nudity, explicit descriptions of bare skin are uncommon, resulting in a scarcity of literature addressing nudity or semi-nudity in relation to breasts. However, when examining breasts as objects of beauty from various angles, it becomes evident that there are diverse opinions on the aesthetic appeal of women's breasts. A well-known proverb encapsulating breast aesthetics describes them as square, back-balanced, and

heart-shaped. According to folklore, a woman who possesses these attributes is deemed capable of childbirth and household duties. Hoang Tuan Cong, referencing the work *Complete Physiognomy*, elaborates on this ideal by stating, “Heart-shaped breasts are considered beautiful” [Hoàng Tuấn Công 2017]. This description highlights that the chest muscles and mammary glands should be well-developed, with firm yet soft fatty tissue, and that the breasts should be symmetrically positioned (Fig. 5). The breasts are adequately sized, exhibiting a soft yet firm texture, with the nipples positioned upward, resembling the hook shape of the character 心. This indicates that the breasts and nipples do not align straight as seen in “beasts.” They are not droopy due to lack of development, nor do they resemble “luffa breasts,” which are characterized by being small, elongated, and soft due to underdeveloped chest muscles and fatty tissue. The phrase “beat the bottom of the waist” does not literally refer to breasts, but its figurative meaning evokes an image of a tall figure with well-defined buttocks and rounded breasts. Historically, women from certain ethnic groups in the Central Highlands often went without shirts, believing that beauty should be displayed. Today, in beauty pageants, the measurements of the bust are still regarded as significant criteria for assessing a contestant’s beauty.

Fig. 5. Annamite young woman completing her toilet. Before 1937.
Open sources.

From a different viewpoint, folk traditions often highlight the allure of the breast by depicting its decline and degradation over time. Time poses a challenge to all things, including beauty. Regardless of how stunning a woman's breasts may be, they will inevitably lose firmness and shape as they age. This is an unavoidable truth. In folk songs, men are frequently held responsible as the "perpetrators" of this phenomenon. At times, this is presented as a rhetorical question, with the answer already understood by the audience: "*One day, I'm busy climbing the mountain pass / For whose sake is the frog's breast and waist open?*" In Vietnamese, the expression "climbing a pass" refers to traversing hills and mountains, but it also serves as a euphemism for sexual intercourse. Folk songs skillfully employ this inversion technique: they start by stating the reason (for instance, "three times a day climbing the pass") and then feign an inquiry about the reason, ultimately revealing the main character, the husband, at the end. However, it is clear from the outset that he is aware of the "hidden person." The subsequent two folk songs exemplify the effective use of comparison: *Unmarried women wear a red camisole with flowers / After getting married, their breasts go out. A girl with one child, others are fascinated to watch / A girl with two children with her breasts curled behind her* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995a: 137]. This text presents a comparison of breast appearance before and after marriage, as well as the differences between having one child versus two. Both folk songs share a common theme: the first verse highlights beauty and societal standards, while the subsequent verse depicts a decline in breast appearance. Folk literature does not explicitly address the beauty of breasts in unmarried women or those with a single child; however, the implications can be inferred. Besides the two primary factors—husband and time—the changes in breast appearance are also attributed to the children who are breastfed. The folk song reflects a reality: *Breastfeeding the baby for a while / The mother has run out of milk, the baby cries* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995b: 219]. Consequently, in the West, many affluent mothers historically chose not to breastfeed in order to maintain the appearance of their breasts. This choice was often backed by their husbands.

Breasts play a vital role in supplying milk to infants. *A man without a beard is devoid of love / A woman without a breast has nothing to feed her children* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995c: 92]. In traditional beliefs, fuller breasts are viewed as an indication of a woman's ability to bear children and provide milk for their nourishment. A Vietnamese saying encapsulates this idea: "Large breasts signify a robust baby," suggesting that ample breasts, akin to a supportive pillar, are beneficial for raising children. This implies that mothers with larger breasts are likely to produce more milk, which in turn supports the health and growth of their infants. Consequently, children of mothers with such attributes are often perceived as healthy and well-nourished. In this context, a larger breast size is regarded as the ideal standard for motherhood, while smaller breasts are often associated with a lack of vitality. *Women with flat breasts, big hips/Shrunk ass and bloated stomachs, give but don't receive* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995a: 81]. The examples and analysis presented indicate that beauty is linked to functionality in this context. Additionally, the perception of Vietnamese women's breasts differs from Western ideals. During the Renaissance, society categorized women's breasts into two distinct types: those of upper-class women were typically firm to attract male attention, while those of common women tended to be fuller, reflecting their role in nurturing both themselves and their children (Yalom 2022: 132).

To celebrate the region, there are two proverbs that refer to a location known as Do Son: *Co Am vagina / Dong Du orange / Do Son breast* and *Van Cu chicken / Do Son breast* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995c: 208]. Do Son is a location in Hai Phong Province. According to local folklore, the women of this area are often noted for their attractive physiques, particularly their breasts. This is attributed to their involvement in physically demanding activities such as fishing, rowing, and net pulling. As a result of their labor and possibly genetic factors, the women of Do Son are said to possess firm, rounded, and aesthetically pleasing breasts.

In Sino-Vietnamese, the term for breasts is “nipples.” When asked about breasts, individuals often refer to them as flowers: *Born at one time with the body / But hidden / On spring day the flowers bloom / Sisters invite each other to play outside* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995a: 54]. In Vietnamese culture, flowers are seen as essential and positive symbols, representing the idea that people are the flowers of the earth.

From a gender viewpoint, flowers frequently symbolize a lovely and elegant girl, akin to a beauty queen. The term “flower” embodies beauty and nobility, deserving of admiration and reverence. Beyond their aesthetic appeal, flowers have been reimagined in various forms within folk and literary traditions, taking on names like twin mountains, areca chamber, and “*bong dao mound*” [Đỗ Lai Thúy 1999].

Ultimately, by examining the breasts, we can estimate their age and aesthetic appeal at various stages of development. This includes the depiction of a young girl beginning to experience puberty, marked by changes in her breast development: *That girl is beautiful and cumbersome/Even though she's nice, but... bee stings*, or *On her head she wears a square scarf/Looking down at her chest, her breasts are still as small as young areca nuts* [Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật 1995c: 136].

Conclusion

Breast imagery and symbols are not frequently found in Vietnamese folk literature. However, the analysis reveals that this symbol carries a profound sacred significance. The sacred breast is linked to revered heroes within the realm of legends. Breasts serve to nourish children, both physically and emotionally. Additionally, the breast symbol has sexual connotations, appearing in various jokes, folk songs, and riddles. As objects of male desire, breasts often become the targets of unwanted touching, groping, and even possession. The sexual aspect of breasts is illustrated not only in the act of breastfeeding but also in their representation as fruit, something consumable. These two interpretations of the breast symbol are further enriched by the notion of beauty: breasts are deemed beautiful due to their sacredness and association with fertility. The allure of the beautiful breast captivates men, and its beauty is also acknowledged through its name.

References

Chevalier, J., Gheerbrant, A. (2002). *Từ điển biểu tượng văn hóa thế giới* [Dictionary of world cultural symbols]. Phạm Vinh Cư & đồng sự dịch [Transl. by Phạm Vinh Cu et al.]. Đà Nẵng: Nxb. Đà Nẵng. (In Vietnamese)

Đỗ Anh Vũ (2017). *Vẻ đẹp của yêu tinh: hỗn luận* [Do Anh Vu. *The beauty of goblins: Mixed discussion*]. Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn. (In Vietnamese)

Đỗ Lai Thúy (1999). *Hồ Xuân Hương — Hoài niệm phồn thực* [Do Lai Thuy. *Ho Xuan Huong — Memories of fertility*]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin. (In Vietnamese)

Hoàng Phê chủ biên (2003). *Từ điển tiếng Việt*, in lần thứ 7 [Hoang Phe ed. *Vietnamese dictionary*, 7th edition]. Hà Nội: Nxb. Đà Nẵng — Trung tâm Từ điển học.

Hoàng Tuấn Công (2017). Lưng chữ cụ, vú chữ tâm [Hoang Tuan Cong. Square back-balanced, heart-shaped breast]. *Báo Người lao động Điện tử* [Electronic Labor Newspaper], March 11. URL: <https://nld.com.vn/van-hoa-van-nghe/lung-chu-cu-vu-chu-tam-20170311223946268.htm>. (In Vietnamese)

Nguyễn Chí Bền chủ biên (2014a). *Truyện cười dân gian người Việt*, quyển 1 [Nguyen Chi Ben ed. *Vietnamese folk jokes*, Vol. 1]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. (In Vietnamese)

Nguyễn Chí Bền chủ biên (2014b). *Truyện cười dân gian người Việt*, quyển 3 [Nguyen Chi Ben ed. *Vietnamese folk jokes*, Vol. 3]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. (In Vietnamese)

Nguyễn Văn Huyền (2016). *Văn minh Việt Nam* [Nguyen Van Huyen. *Vietnamese civilization*]. Đỗ Quang Trọng dịch [Transl. by Do Quang Trong]. Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn. (In Vietnamese)

Nguyễn Xuân Kinh, Phan Đăng Nhật chủ biên (1995a). *Kho tàng ca dao người Việt* tập 1. [Vietnamese folk song treasury, Vol. 1] Hà Nội: Nxb. Văn hóa. (In Vietnamese)

Nguyễn Xuân Kinh, Phan Đăng Nhật chủ biên (1995b). *Kho tàng ca dao người Việt* tập 2. [Vietnamese folk song treasury, Vol. 2] Hà Nội: Nxb. Văn hóa. (In Vietnamese)

Nguyễn Xuân Kinh, Phan Đăng Nhật chủ biên (1995c). *Kho tàng ca dao người Việt* tập 3. [Vietnamese folk song treasury, Vol. 3] Hà Nội: Nxb. Văn hóa. (In Vietnamese)

Phạm Văn Hưng (2019). *Văn hóa tính dục ở Việt Nam từ thế kỷ X đến đầu thế kỷ XX* [Pham Van Hung. *Culture of Sexuality in Vietnam from the 10th Century to the Early 20th Century*]. Hà Nội: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội. (In Vietnamese)

Phan Cẩm Thượng (2017). *Tập tục đời người: Văn hóa tập tục của người nông dân Việt Nam thế kỷ 19—20* [Phan Cam Thuong. *Customs of human life: Cultural practices of Vietnamese farmers in the 19th — 20th centuries*]. Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn và Công ty Nhã Nam. (In Vietnamese)

Stafford, D.C. (1998). *Freud đã thực sự nói gì* [What Freud really said]. Lê Văn Luyện và Huyền Trang dịch [Transl. by Le Van Luyen and Huyen Trang]. Hà Nội: Nxb Thế giới. (In Vietnamese)

Trần Hậu Thế Yên (2023). Nhân đọc “Lịch sử vú” làm bàn về đầu ti tiên nữ Việt [Tran Hau The Yen. People read “breast history” that discussed the first Vietnamese female nipple]. *Tạp chí mỹ thuật*, April 19. URL: <https://tapchimythuat.vn/my-thuat-truyen-thong/nhan-doc-lich-su-vu-lam-ban-ve-dau-ti-tien-nu-viet/>. (In Vietnamese)

Tuyển tập văn học dân gian Việt Nam. T. I: Thần thoại — Truyền thuyết. Trung tâm Khoa học xã hội và Nhân văn Quốc gia, Viện Văn học (1999) [Anthology of Vietnamese folk literature. Vol. 1: Myths — Legends National Center for Social Sciences and Humanities]. Nguyễn Thị Huệ — Trần Thị An biên soạn và tuyển chọn [Compiled and selected by Nguyen Thi Hue and Tran Thi An]. Hà Nội: Nxb Giáo dục. (In Vietnamese)

Yalom, M. (2022). *Lịch sử vú* [A history of the breast]. Nguyễn Thị Minh dịch [Translated by Nguyen Thi Minh]. Tp. HCM: Nxb. Phụ nữ Việt Nam. (In Vietnamese)

Дата поступления статьи: 30.08.2024

Дата поступления в переработанном виде: 19.03.2025

Принята к печати: 11.06.2025

Received: August 30, 2024

Received in revised form: March 19, 2025

Accepted: June 11, 2025

И.В. Бритов

Классификаторы во вьетнамском языке: функции и особенности употребления

Аннотация. Статья посвящена такой не свойственной русскому языку лингвистической категории, как классификатор, вопросы о природе, сущности и роли которого вызывают дискуссии как среди вьетнамских языковедов, так и среди российских учёных, занимающихся вопросами вьетнамского языка. В статье предпринята попытка систематизации функций классификаторов с учётом их грамматических и семантических особенностей. Также рассматриваются особенности употребления классификаторов в предложении. Делается вывод о том, что адекватное употребление классификатора — это вопрос не только лингвистический, но также культурологический и психологический, так как оно связано со взглядом говорящего на окружающий мир. Приводится таблица, в которой собраны классификаторы с указанием их сочетаемости с разными группами существительных.

Ключевые слова: вьетнамский язык, классификатор, аффикс единичности, счётное слово, группа существительного.

Автор: Бритов Игорь Викторович, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0002-7298-856X. E-mail: igorviet@mail.ru

Для цитирования: Бритов И.В. Классификаторы во вьетнамском языке: функции и особенности употребления // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 166—178.

Igor V. Britov

Classifiers in the Vietnamese Language: Functions and Peculiarities of Use

Abstract. The article is devoted to such an unusual for the Russian language linguistic category as a classifier, questions about the nature, essence and role of which cause discussions both among Vietnamese linguists and Russian scholars dealing with the Vietnamese language. Taking into account the grammatical and semantic features of classifiers in the Vietnamese language, the author has made an attempt to systematize their functions. The usage of classifiers in a sentence is also considered. It is concluded that the adequate use of the classifier is not only a linguistic issue, but also a cultural and psychological one, since it is related to the speaker's view of the world around. A table is provided in which classifiers are collected with their compatibility with different noun groups.

Keywords: Vietnamese, classifier, unit affix, countable word, noun group.

Author: Britov Igor V., Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0002-7298-856X. E-mail: igorviet@mail.ru

For citation: Britov I.V. (2025). Classifiers in the Vietnamese Language: Functions and Peculiarities of Use. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 166—178.

Введение

Во вьетнамском языке существуют грамматические категории, которые отсутствуют в русском языке. Это связано с тем, что вьетнамский и русский языки относятся к разным типологическим системам (изолирующий язык — флективный язык). Тот или иной тип языка предполагает свой набор грамматических средств. В изолирующих языках существительные с целью выражения своего грамматического значения обычно используются в сочетании со вспомогательными словами. Одной из особенностей вьетнамского языка является наличие в нём таких не свойственных русскому языку вспомогательных слов, как классификаторы (сокращенно КЛФ).

Классификаторы присущи многим изолирующим языкам, в том числе китайскому. Идея штучности, единичности является главной для классификаторов в разных языках изолирующего типа [Солнцев 1995: 263]. В то же время у разных языков существует свои особенности: например, в китайском языке, помимо именных классификаторов, выделяют глагольные, что не характерно для вьетнамского языка; также в китайском языке есть универсальный классификатор, который отсутствует во вьетнамском; в разговорном китайском языке односложные классификаторы обладают способностью удваиваться, что не свойственно вьетнамскому. Во вьетнамском и китайском языках определённая группа существительных употребляется с разным количеством классификаторов [Мишукова, Соколовский 2003: 91, 99].

Вопрос о характере природы классификатора, его сущности и роли в группе существительного является одним из сложных. Он вызывал и продолжает вызывать дискуссии как среди вьетнамских лингвистов, так и среди российских вьетнамистов, занимающихся вопросами вьетнамского языка.

Важным шагом на пути изучения классификатора можно считать опубликованную в 1948 г. грамматику вьетнамского языка «Le parler Vietnamien» Ле Ван Ли, в которой говорится об особой группе видовых слов, сочетающихся с существительными [Lê Văn Lý 1948].

Классификатор является многоаспектным объектом исследований вьетнамских лингвистов, он рассматривается с разных точек зрения. Проблема классификатора находилась в сфере научных интересов таких авторитетных ученых, как Нгуен Тай Кан [Nguyễn Tài Căn 1975], Нгуен Ким Тхан [Nguyễn Kim Thàn 1997], Хо Ле [Hồ Lê 1991]. В частности, одним из главных и сложных вопросов, которые поднимаются в работах этих исследователей, — это вопрос о характере природы классификатора и его определении. По мнению большинства вьетнамских лингвистов, классификатор является одним из видов имени существительного.

В кандидатской диссертации Хюинь Ба Лан (защита состоялась в Институте востоковедения РАН в 1995 г.) классификатор отнесен в подкласс существительного с особой семантической функцией. В диссертации также выдвигается точка зрения, согласно которой центральным членом группы существительного, имеющей конструкцию «КЛФ + существительное», является именно клас-

сификатор [Гуинь¹ Ба Лан 1995]. Эту точку зрения разделяют далеко не все учёные.

Ли Тоан Тханг, бывший директор Института языкознания РАН, в своей книге «Вьетнамская языковая модель мира. Концептуализация пространства», сосредоточил внимание на способности классификаторов описывать пространственные характеристики объектов окружающего нас мира [Ли Тоан Тханг 2006: 124—132].

К вопросу классификаторов во вьетнамском языке обращались и советские/российские лингвисты. Ключевое различие во взглядах вьетнамских и отечественных языковедов на природу классификатора заключается, главным образом, в том, что первые относят его к подклассу существительного, а вторые — к служебным словам.

Известный лингвист и востоковед В.М. Солнцев исследовал природу классификатора на примере нескольких языков изолирующего типа, в том числе вьетнамского. Значительное место в его научной работе, в частности, заняло изучение соотношения между классификаторами и словами-«меры» [Солнцев 1995: 254—286].

Другой советский филолог В.С. Панфилов рассматривал довольно широкий круг теоретических проблем, связанных с классификатором, в том числе такие вопросы, как: что такое классификатор, является ли он служебным словом, занимает ли сочетание существительного с классификатором единую позицию [Панфилов 1998].

В начале нынешнего века тогдашний ассистент кафедры филологии ЮВА в ДВФУ Д.Д. Мишукова написала несколько статей на тему классификаторов. В центре её внимания были вопросы сравнительной характеристики классификаторов во вьетнамском, китайском и тайском языках; особенности употребления классификаторов в разных функциональных стилях; проблема изученности классификаторов как во Вьетнаме, так и в России [Мишукова 2004; 2005; Мишукова, Соколовский 2003].

Классификаторы вьетнамского языка становились предметом изучения и западных лингвистов. Особо следует сказать об американском ученом М.Б. Эмено и его вышедшей в 1951 г. книге «*Studies in Vietnamese (Annamese) grammar*» [Emeneau 1951]. Он одним из первых среди западных языковедов подразделил существительные на классифицируемые и неклассифицируемые. Понятие «классификатор» Эмено трактовал очень широко, в том числе относил к этой категории мерные слова. Во вьетнамском языке он выделил более 120 классификаторов. По подсчетам вьетнамских лингвистов, их несколько десятков.

Как отмечает упоминавшийся выше вьетнамский лингвист Ли Тоан Тханг, «классификаторы в разных языках обычно изучаются с точки зрения их грамматических особенностей, но недостаточно исследуются семантические основания их группировки, которые представляются весьма тонкими, сложными и нестабильными даже для носителей данного языка» [Ли Тоан Тханг 2006: 124]. В данной статье с учётом грамматических и семантических особенностей классифи-

¹ Так в оригинале.

каторов во вьетнамском языке систематизируются их функции и выявляются особенности их употребления в предложении. Статья носит не только теоретический, но и прикладной характер и может быть использована в вузах, где изучается вьетнамский язык.

Классификатор как понятие

Мы разделяем точку зрения В.М. Солнцева, поместившего классификаторы в разряд служебных слов. Классификаторы «происходят от полнозначных слов-существительных, этимологическую связь с которыми они чаще всего сохраняют, но в современном состоянии формоизолирующих языков — это уже служебные слова» [Солнцев 1995: 150].

Функцией служебных слов является выражение семантико-синтаксических отношений между словами и частями предложений. Они находятся на грани словаря и грамматики и фактически относятся к сфере грамматических средств языка. Классификаторы как один из видов служебных слов во вьетнамском языке выражают семантико-синтаксические отношения в группе существительного: КЛФ + существительное (*con trâu* — буйвол, *chiếc máy bay* — самолет, *cây táo* — яблоня).

Нет точного подсчёта количества классификаторов во вьетнамском языке. По данным лингвиста Ли Тоан Тханга, их приблизительно сорок [Ли Тоан Тханг 2006: 125]. Нами собрано 47 классификаторов, которые представлены в таблице в конце статьи.

В научных исследованиях наблюдается разноречивость в оценке категориальной природы классификаторов. Их называют счётными словами, аффиксами единичности, десемантизированными существительными, вспомогательными существительными и т. д. По существу каждое из этих названий имеет право на существование, но только в узком смысле — при выделении конкретной функции классификатора.

Функции классификаторов

Наше исследование позволяет выделить следующие функции классификатора во вьетнамском языке:

1. Классификатор указывает на единичность, штучность предмета. Эта функция позволяет говорить о классификаторе как аффиксе единичности. Пример: *Chiếc máy bay đầu tiên hạ cánh xuống sân bay Phan Thiết*. — В аэропорту Фантхиета приземлился первый самолет.

2. Классификатор организует существительное в счётные единицы. В данной функции он выступает в роли счетного слова. Счётная конструкция оформляется по следующей схеме: числительное + КЛФ + существительное. Пример: *Trong tiểu thuyết «Hai cuốn nhật ký» có hai nhân vật nữ*. — В романе «Два дневника» представлены два женских персонажа.

3. Классификатор позволяет систематизировать существительные по группам и подгруппам с точки зрения их грамматических и семантических особенностей, тем самым оправдывается само его название. В частности, классификатор используется для распределения существительных на:

- классифицируемые и неклассифицируемые существительные (*hòn đảo — sũa*);
- одушевленные и неодушевленные существительные (*con chó — cái nhà*);
- существительные, входящие в более узкие подклассы: те, которые обозначают шарообразные или удлинённые предметы (*quả bưởi — cây bút*), предметы в форме листа (*tờ báo, tờ truyền đơn*), сброшюрованные изделия (*quyển từ điển, quyển vở*) и т. д. В таких случаях классификатор используется для указания, к какому роду, типу, категории относится следующее за ним существительное.

4. Классификатор является диагностической единицей для идентификации существительных. Многие вьетнамские слова поливалентны, то есть, будучи наделены определённым смыслом, выступают в речи в разных функциях. Определить, к какой конкретной части речи относится слово, можно прежде всего по его роли в предложении [Тюменева, Глазунова 2014: 277]. Для существительного (если оно относится к классу классифицируемых) характерен дополнительный признак — наличие классификатора. Он служит своеобразным маркером существительного.

5. Классификатор описывает предметы по их определённым признакам. С учётом данной функции выделяют две группы классификаторов — нумеральные, которые лишены описательной функции, и дескриптивные, то есть описательные, способные передать облик предмета [Ли Тоан Тханг 2006: 126]. Описательная функция обусловлена тем, что классификатор имеет обобщённое абстрактное значение, в той или иной степени характеризующее предмет с точки зрения формы, положения в пространстве, размера или его значимости [Гуинь Ба Лан 1995: 20].

Именно форма чаще всего передается с помощью классификатора. Можно выделить три группы классификаторов, отражающих разные формы предметов:

- классификаторы для объёмных предметов: **quả** (*quả tim — сердце*), **viên** (*viên bi — шарик*), **hòn** (*hòn đảo — остров*), **ngọn** (*ngọn sóng — волна*);
- классификаторы для плоских предметов: **bức** (*bức tường — стена*), **tờ** (*tờ báo — газета*), **lá** (*lá gan — печень*), **tấm** (*tấm màn — полог*), **thanh** (*thanh gươm — сабля*);
- классификаторы для предметов удлинённой формы: **cây** (*cây giáo — копье*), **que** (*que diêm — спичка*), **dòng** (*dòng suối — ручей*), **sợi** (*sợi dây đàn — струна*).

Благодаря некоторым классификаторам можно представить положение предмета в пространстве. Классификатор **bức** употребляется для обозначения плоских предметов, расположенных в вертикальном положении (*bức tường — стена*, *bức bình phong — ширма*); **tấm** — для описания плоских предметов небольшой толщины, расположенных, как правило, в горизонтальном положении (*tấm thảm — ковер*, *tấm ván — доска*) и т. д.

Ряд классификаторов позволяет судить о размере предмета. Классификатор **quả** имеет достаточно широкое употребление с существительными, обозначаю-

шими предметы не просто округлой формы, а среднего и большого размера, в то время как классификатор **viên** употребляется только с существительными также округлой формы, но маленького размер (*viên đạn* — пуля, *viên ngọc trai* — жемчужина).

Классификатор также может являться средством выражения значимости, ценности предмета. В отличие от классификатора **quyển** другой классификатор к существительным, обозначающим книги, — **pho** употребляется исключительно в тех случаях, когда речь идет о больших и ценных книгах (*pho từ điển* — словарь, *pho tiểu thuyết* — роман).

6. Классификатор выполняет заместительную функцию. Он в сочетании с количественным числительным или указательным местоимением может заменять в предложении существительное, о котором уже шла речь либо в данном предложении, либо в предыдущем. При переводе на русский язык вместо классификатора используется слово, которое он заменяет: *Đội tàu bay đang khai thác của «Vietnam Airlines» đạt con số 100 chiếc*. — Парк **воздушных судов**, эксплуатируемых авиакомпанией «Vietnam Airlines», составляет 100 **самолётов**.

Употребление классификатора вместо существительного является особым случаем, когда классификатор, будучи служебным словом, выступает в роли члена предложения. Подобную трактовку не признают некоторые лингвисты, в частности В.М. Солнцев. С его точки зрения, служебные слова, к которым относится классификатор, не могут играть роль отдельного члена предложения. По его мнению, в предложениях, в которых классификатор употребляется без существительного, он сохраняет служебную функцию, заключающуюся в придании числительному просубстантивных («предметных») качеств [Солнцев 1995: 261, 281]. Мы разделяем точку зрения известного лингвиста А.А. Москалёва, который считал, что классификатор имеет свойства служебного слова в сочетании с существительным, если же существительное отсутствует, то классификатор выступает уже как самостоятельная синтаксическая единица [Москалев 1980: 161]. Такая возможность в определённой степени обусловлена происхождением классификаторов: они произошли от существительных. И хотя они уже не существительные, но в разной мере сохраняют остатки своего исходного лексического значения.

7. Классификатор обуславливает стилистические особенности речи: является средством экономии, позволяющим достигать максимального коммуникативного эффекта при наименьших затратах. Благодаря таким вышеуказанным функциям классификатора, как заместительная и описательная, речь становится более лаконичной, конкретной, точной.

В частности, описательная функция классификатора позволяет отказаться от избыточных определений к существительному. Например, упоминавшийся классификатор к книгам **pho** предполагает опущение таких определений к существительному, как «большой», «солидный», «ценный», «значимый» и т. д. Заместительная функция классификатора позволяет избегать повтора существительного.

Кроме того, стилистическая функция классификатора проявляется еще и в том, что он позволяет придавать определённую окраску речи. Благодаря наличию выбора классификаторов говорящий способен выразить свое индивидуальное восприятие окружающего мира.

Особенности употребления классификаторов

Употребление классификаторов имеет ряд особенностей.

Во-первых, классификаторы используются для выражения как количественно-определённой (с числительным), так и количественно-неопределённой (с показателем множественности) характеристики существительного. *Top 20 cuốn sách hay nên đọc để mở rộng tư duy.* — 20 самых интересных книг, которые надо прочитать, чтобы расширить границы мышления. *Những cuốn sách hay nhất mọi thời đại* — Самые интересные книги всех времен (заголовки во вьетнамских СМИ).

Во-вторых, какие-то существительные могут употребляться только с одним классификатором, например, для обозначения животных возможно использовать всего лишь классификатор **con**. Но довольно широкий ряд неодушевлённых существительных сочетается с разными классификаторами, например, слово **buu thiếp** (открытка) предполагает сочетание с *chiếc, tấm; nhà* (дом) — *cái, ngôi, tòa* и т. д.

В-третьих, когда есть выбор среди описательных классификаторов, необходимо употреблять тот, который отражает характерный признак предмета, о котором идет речь: **quả** или **viên**, **ngôi** или **tòa**, **quyển** или **pho**, **bức** или **tấm**, **cây** или **que** и т. д. Одно и то же существительное в зависимости от классификатора, с которым оно употребляется, приобретает различные смысловые оттенки, конкретизирующие и уточняющие его значение. Например, *tấm thảm* — ковер (лежащий на полу); *bức thảm* — ковер (висящий на стене).

В-четвёртых, такие распространённые во вьетнамском языке явления, как омонимия и многозначность слов, требуют корректного выбора классификатора, соответствующего конкретному значению слова. Например, существительное **gương** в значении «зеркало» может употребляться с классификаторами *cái, chiếc, tấm*, а в значении «пример», «образец» — только с классификатором *tấm*.

В-пятых, несмотря на то, что во многих случаях возможна взаимозаменяемость классификаторов **cái** и **chiếc** (универсальных для существительных, обозначающих неодушевлённые предметы), тем не менее имеются определённые нюансы в их употреблении. Классификатор **cái** больше соотносится с разговорным стилем, а **chiếc** — с литературным. Сочетаемость у классификатора **cái** значительно шире, чем у **chiếc**. Классификатор **chiếc** употребляется исключительно с существительными, обозначающими предметы, а **cái** еще может сочетаться с существительными, обозначающими абстрактные понятия: *cái cơ* (случай, шанс). Кроме того, в отношении существительных, обозначающих предметы, сложились некоторые устойчивые сочетания с каким-то одним из этих двух классификаторов. Например, слово **nhà** (дом) принято употреблять с классификатором **cái**, а **máy bay** (самолет) — с классификатором **chiếc**.

В-шестых, ряд сочетаний классификатора с существительным отражает особенности вьетнамского мышления, что может вызывать непонимание или удивление у иностранцев, изучающих вьетнамский язык. На мышление любого народа накладывают отпечаток духовные традиции, в том числе верования, а также материальная культура прошлого. Это прослеживается в нестандартном употреб-

лении во вьетнамском языке некоторых классификаторов. Например, классификатор **con** (классификатор для слов, обозначающих животных) является классификатором и для некоторых слов, обозначающих неодушевленные предметы: *con cờ* — шахматная фигура, *con sông* — река, *con mắt* — глаз и т. д. Объяснить такое сочетание можно тем, что и шахматная фигура, и река, и глаз находятся в движении, что воспринимается в качестве признака их одушевленности. Слово **sách** (книга), помимо классификатора **quyển** может сочетаться и с другим классификатором — **cuốn**, который восходит к слову со значением «свиток», «сверток». Причина — историческая память: в древности вьетнамские книги представляли собой свитки.

В-седьмых, классификаторы могут употребляться только с исчисляемыми существительными. При этом не все исчисляемые существительные требуют классификатора, например, существительные, обозначающие единицы времени — **giờ** (час), **ngày** (день) и т. д, существительные, обозначающие административные единицы: **nước** (страна), **tỉnh** (провинция) и т. д, различные абстрактные понятия — **trí tuệ** (разум), **bí mật** (тайна) и т. д., научные термины — **động từ** (глагол), **năng lượng** (энергия) и т. д.

В-восьмых, особое внимание необходимо обратить на употребление/неупотребление классификатора при сочетании существительного с неопределённо-количественными числительными (их называют еще местоименными числительными). К ним относятся слова **ít** — мало, **nhieu** — много, **mấy**, **một số**, **(một) vài** — несколько.

Классификатор опускается в сочетаниях существительного со словами **ít** и **nhieu**. Пример: *Ít sách hay, nhiều sách nhạt*. — Мало интересных книг, много скучных (заголовков во вьетнамской прессе).

При употреблении неопределённо-количественных числительных **mấy**, **một số**, **(một) vài** классификатор сохраняется [Зубцова, Хоанг Тхи Хонг Хоа, Назимова 2022: 117]. Пример: *Một số tờ báo đã được chuyển đổi thành tạp chí*. — Некоторые газеты преобразованы в журналы.

В-девятых, следует отличать классификатор от родовых слов, мерных слов, показателей совокупности, маркеров пола и субстантиваторов.

Родовое слово непосредственно входит в состав существительного, является его неразрывной частью, в отличие от классификатора, который представляет собой служебный элемент в группе существительного. В словах *cá voi* (кит) *cá heo* (дельфин) компонент **cá** (рыба) выступает в роли родового слова. Без него значение слов изменится: **voi** — слон, **heo** — свинья. Отделение классификатора от существительного не меняет значения последнего.

Мерное слово (*lít sữa* — литр молока, *chén trà* — чашка чая) и *показатель совокупности* (*đàn chim* — стая птиц, *đám mây* — стая облаков) являются количественными характеристиками изучаемого объекта, выраженными соответствующими единицами измерения. Мерное слово и показатель совокупности имеют конкретное семантическое наполнение. Классификатор же — это слово, в той или иной степени утратившее лексическое значение. Некоторые слова могут выступать и в функции классификатора, и в функции мерного слова/показателя сово-

купности. Например, слово **hòn**: *hòn bi* — шарик (классификатор), *hòn đất* — ком земли (мерное слово); слово **dòng**: *dòng sông* — река (классификатор), *dòng người* — поток людей (показатель совокупности).

Маркером пола во вьетнамском языке являются лексические элементы, которые обозначают гендер: *thằng lưu manh* — хулиган, *anh công nhân* — рабочий. Несмотря на некоторое функциональное пересечение маркера пола с классификатором, всё же наличие у первого такой специфической роли (являющейся основной), как обозначение гендера, по нашему мнению, не позволяет ставить между ними знак равенства.

Субстантиватор входит в особый класс служебных слов, с помощью которых осуществляется превращение в существительное другой части речи (глагола и прилагательного). Субстантивация является продуктивным процессом словообразования. Субстантиваторы используются для образования абстрактных существительных. Классификаторы же не связаны с частеречными трансформациями, они не образуют, а лишь маркируют существительное.

Примеры:

Việc + học tập (учиться) = учеба. Việc học tập là việc cả đời và không bao giờ là thừa thãi. — Учеба — это дело на всю жизнь, её никогда не бывает слишком много.

Sự + hỗ trợ (помогать) = помощь. Trong cơn khủng hoảng, hãy cho sự hỗ trợ chứ không phải lời khuyên. — В кризисной ситуации оказывайте помощь, а не разбрасывайтесь советами.

Со словом **cái** может возникнуть путаница, так как оно способно выступать в функции и классификатора, и субстантиватора. Когда слово **cái** сочетается с существительным, оно выполняет функцию классификатора. Когда слово **cái** сочетается в роли аффикса с глаголом или прилагательным, оно является субстантиватором, образуя абстрактные существительные.

Cái + đẹp (красивый) = красота

Cái + ác (злой) = зло

Cái + chết (умирать) = смерть

Cái + nhìn (смотреть) = взгляд

Заключение

Классификаторы играют важную роль в группе существительного. О значимости классификаторов можно судить по довольно большому списку их функций (в статье указаны семь). С многофункциональностью классификаторов во многом связаны особенности их употребления в предложении. Адекватное употребление классификатора — это не только лингвистический вопрос, но также вопрос культурологический и психологический, так как связан с взглядом говорящего на окружающий мир.

Список классификаторов

КЛФ	Для существительных, обозначающих ...	Примеры
bản	Тексты, списки, документы	bản báo cáo, bản danh sách, bản hiến chương
bậc	Уважаемых лиц	bậc cha mẹ, bậc anh hùng, bậc vĩ nhân
bầu	Воздух, атмосферу	bầu không khí
bộ	Комплект, набор	bộ phim
bức	1) плоские предметы прямоугольной формы с изображением на поверхности 2) плоские предметы прямоугольной формы с вертикальным расположением, используемые для преграды, защиты	1) bức tranh, bức chân dung, bức thư 2) bức bình phong, bức tường, bức vách
cái	Неодушевленные предметы (классификатор широкого употребления)	cái tù, cái nhà, cái áo
cánh	1) земельные участки значительной протяжённости 2) летающие, движущиеся объекты	1) cánh đồng, cánh rừng 2) cánh chim, cánh buồm
căn	Небольшие жилые помещения	căn hộ, căn nhà, căn bếp
cây	1) растения 2) вертикально расположенные удлинённые предметы	1) cây tre, cây thông, cây nôm 2) cây bút, cây súng
chiếc	Неодушевлённые предметы (классификатор широкого употребления)	chiếc máy bay, chiếc đồng hồ, chiếc lá
con	1) животных 2) некоторые неодушевлённые предметы	1) con trâu, con bò, con lợn 2) con mắt, con người, con thuyền
cỗ	Громоздкие предметы, как стационарно установленные, так и передвижные	cỗ pháo, cỗ kiệu, cỗ quan tài
cơn	Бурные природные явления	cơn bão, cơn giông, cơn sấm sét
củ	Корнеплоды, клубни	củ cà rốt, củ khoai tây, củ tỏi
cuốn	Книги, фильмы	cuốn tiểu thuyết, cuốn nhật kí, cuốn phim
dòng	Движущиеся водные потоки	dòng sông, dòng suối, dòng thác
đồng	Иностранные денежные единицы	đồng rúp, đồng yên, đồng đô-la
đứa	Детей, лиц младшего возраста	đứa con, đứa bạn cùng lớp
hạt	Некоторые маленькие круглые предметы	hạt ngọc
hòn	Возвышающиеся, округлые предметы	hòn đảo, hòn sỏi, hòn bi
khẩu	1) огнестрельное оружие 2) небольшие водные источники	1) khẩu súng ngắn, khẩu tiểu liên 2) khẩu giếng
lá	Листообразные предметы; предметы в форме плоской пластины	lá thư, lá cờ, lá phổi

КЛФ	Для существительных, обозначающих ...	Примеры
mẫu	Короткие рассказы, истории, новости	mẫu chuyện vui, mẫu tin
món	1) блюдо, кушанье 2) подарок, долг 3) предмет, дисциплину	1) món nem rán, món phở bò 2) món quà, món nợ 3) món toán, món võ dân tộc, món thi
mối	Чувства, отношения	mối quan hệ, mối liên hệ, mối tình đầu
môn	Предмет, дисциплину, отрасль науки	môn toán, môn chèo thuyền
nạn	Стихийные бедствия, общественные пороки, негативные явления	nạn lụt, nạn mù chữ, nạn lạm phát
nền	Некоторые социально-экономические, политические, культурные термины	nền kinh tế, nền hòa bình, nền độc lập
ngọn	Предметы остроконечной формы	ngọn nến, ngọn lửa, ngọn đuốc
ngôi	1) здания, сооружения, могилы 2) звезды	1) ngôi nhà, ngôi đình, ngôi mộ 2) ngôi sao
người	Людей	người bạn, người lính, người thợ
pho	Большие и ценные книги, скульптуры	pho từ điển, pho tiểu thuyết, pho tượng
quả	1) фрукты, овощи 2) круглые предметы	1) quả táo, quả xoài, quả cà chua 2) quả bóng, quả tim, quả trứng gà
que	Удлиненные предметы небольшого размера	que diêm, que tăm
quyển	Книги, сброшюрованные изделия	quyển sách, quyển từ điển, quyển vở
sợi	Предметы нитевидной формы	sợi dây, sợi tóc, sợi dây đàn
tấm	Плоские предметы небольшой толщины, как правило, горизонтально расположенные	tấm thảm, tấm huy chương, tấm gương
thanh	Плоские предметы удлиненной формы и небольшой толщины	thanh kiếm, thanh gươm
thứ	Иностранные языки	thứ tiếng Pháp, thứ tiếng Nga
tòa	Высокие строения	tòa nhà, tòa lâu đài
tờ	Листовидные предметы из бумаги	tờ báo, tờ truyền đơn
trái	Круглые предметы	trái tim, trái banh
trận	Проявление бурных явлений непогоды	trận bão, trận mưa, trận gió
vì	1) звёзды 2) высокопоставленных персон	1) vì sao 2) vì vua, vì quan lớn
vị	Важных, уважаемых лиц	vị thượng khách, vị tổng thống
viên	Круглые маленькие предметы	viên đạn, viên thuốc, viên ngọc
vở	Сценические произведения	vở hài kịch, vở ba lê, vở xiếc

Список литературы

Гуинь Ба Лан. Классификаторы в системе частей речи во вьетнамском языке (проблема существительных со значением единицы измерения во вьетнамском языке): автореферат дисс. канд. филол. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1995. 23 с.

Зубцова Е.Р., Хоанг Тхи Хонг Хоа, Назимова А.В. Вьетнамский язык для начинающих: учебник. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. Ч.1. 130 с.

Ли Тоан Тханг. Вьетнамская языковая модель мира. Концептуализация пространства. М.: Советский писатель, 2006. 238 с.

Мишукова Д.Д. О происхождении, вариативности и особенностях употребления классификаторов вьетнамского языка в разных функциональных стилях // Известия Восточного института, 2005. С. 160—181. URL: <https://clck.ru/3FaCUU> (дата обращения: 21.01.2025).

Мишукова Д.Д. Проблема классификаторов во вьетнамском языке: степень изученности // Известия Восточного института, 2004. С. 130—146. URL: <https://clck.ru/3FaCXJ> (дата обращения: 23.01.2025).

Мишукова Д.Д., Соколовский А.Я. Сравнительная характеристика классификаторов во вьетнамском, китайском и тайском языках // Известия Восточного института, 2003. С. 91—100. URL: <https://clck.ru/3FaCZc> (дата обращения: 25.01.2025).

Москалев А.А. О различиях в структуре цепочек «числительное—классификатор—существительное» в китайском и чжуан // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1980. С. 157—162.

Панфилов В.С. О вьетнамских классификаторах // Вопросы языкознания. 1988. № 4. С. 59—69.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1995. 352 с.

Тюменева Е.И., Глазунова С.Е. Вьетнамский язык: общественно-политический перевод. Учебное пособие для продолжающих. М.: МГИМО-Университет, 2014. 472 с.

Emeneau M.B. *Studies in Vietnamese (Annamese) grammar*. Berkeley: University of California Press, 1951. 263 p.

Hồ Lê. *Cú pháp tiếng Việt: phương pháp nghiên cứu cú pháp [Хо Ле. Синтаксис вьетнамского языка: методы изучения синтаксиса]*. Quyển 1. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991. 181 tr. (На вьет. яз.)

Lê Văn Lý. *Le parler vietnamien [Ле Ван Ли. Вьетнамский язык]*. Paris: Imprimerie-Éditions Huang-Anh, 1948. 235 p. (На фр. яз.)

Nguyễn Kim Thân. *Nghiên cứu ngữ pháp tiếng Việt [Нгуен Ким Тхан. Исследование вьетнамской грамматики]*. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 1997. 637 tr. (На вьет. яз.)

Nguyễn Tài Cẩn. *Từ loại danh từ trong tiếng Việt hiện đại [Нгуен Тай Кан. Существительное в современном вьетнамском языке]*. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1975. 301 tr. (На вьет. яз.)

References

Emeneau, M.B. (1951). *Studies in Vietnamese (Annamese) grammar*. Berkeley: University of California Press. 263 p.

Guin Ba Lan (1995). *Klassifikatory v sisteme chastej rechi vo vietnamskom yazyke (problema sushchestvitel'nyh so znacheniem edinicy izmereniya vo vietnamskom yazyke) [Classifiers in the system of parts of speech in the Vietnamese language (the problem of nouns with the meaning of the unit of measurement*

in the Vietnamese language]: avtoref... dis. kan. filol. nauk [Author's abstract of a dissertation for PhD degree in Philology]. M.: Institut vostokovedeniya RAN. 23 p. (In Russian)

Hồ Lê (1991). *Cú pháp tiếng Việt: phương pháp nghiên cứu cú pháp* [The syntax of the Vietnamese language: methods of studying syntax]. Quyển 1. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội. 181 tr. (In Vietnamese)

Lê Văn Lý (1948). *Le parler vietnamien* [The Vietnamese language]. Paris: Imprimerie-Éditions Huang-Anh. 235 p. (In French)

Ly Toan Thang (2006). *Vietnamskaya yazykovaya modeli mira. Konceptualizaciya prostranstva* [The Vietnamese language model of the world. Conceptualization of space]. M.: Sovetskij pisatel. 238 p. (In Russian)

Mishukova, D.D. (2004) Problema klassifikatorov vo vietnamskom yazyke: stepen' izuchennosti [The problem of classifiers in the Vietnamese language: the degree of study]. *Oriental Institute Journal*: 130—146. Retrieved on 23.01.2025 from URL: <https://clck.ru/3FaCXJ> (In Russian)

Mishukova, D.D. (2005). O proiskhozhdenii, variativnosti i osobennostyah upotrebleniya klassifikatorov vietnamskogo yazyka v raznyh funktsionalnyh stilyah [About the origin, variability and peculiarities of the use of classifiers of the Vietnamese language in different functional styles]. *Oriental Institute Journal*: 160—181. Retrieved on 21.01.2025 from URL: <https://clck.ru/3FaCUU> (In Russian)

Mishukova, D.D., Sokolovskij, A.Ya. (2003). Sravnitel'naya harakteristika klassifikatorov vo vietnamskom, kitajskom i tajskom yazykah [Comparative characteristics of classifiers in Vietnamese, Chinese and Thai languages]. *Oriental Institute Journal*: 91—100. Retrieved on 25.01.2025 from URL: <https://clck.ru/3FaCZc> (In Russian)

Moskalev, A.A. (1980). O razlichiyah v strukture cepochek «chislitel'noe—klassifikator—sushchestvitel'noe» v kitajskom i chzhuan [About the differences in the structure of the chains «numeral—classifier—noun» in Chinese and the Zhuang language], in: *Razyskaniya po obshchemu i kitajskomu yazykoznaniiyu* [General and Chinese Linguistics Research]. M.: Institut vostokovedeniya AN SSSR: 157—162. (In Russian)

Nguyễn Kim Thân (1997). *Nghiên cứu ngữ pháp tiếng Việt* [Nguyen Kim Than. A study of Vietnamese grammar]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục. 637 tr. (In Vietnamese)

Nguyễn Tài Căn (1975). *Từ loại danh từ trong tiếng Việt hiện đại* [Nguyen Tai Can. A noun in modern Vietnamese]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. 301 tr. (In Vietnamese)

Panfilov, V.S. (1988). O vietnamskih klassifikatorah [About Vietnamese classifiers]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 4: 59—69. (In Russian)

Solntsev, V.M. (1995) *Vvedenie v teoriyu izoliruyushchih yazykov* [An introduction to the theory of isolating languages]. M.: Vostochnaya literatura. 352 p. (In Russian)

Tyumeneva, E.I., Glazunova, S.E. (2014). *Vietnamskij yazyk: obshchestvenno-politicheskij perevod. Uchebnoe posobie dlya prodolzhayushchih* [Vietnamese language: socio-political translation. Study guide for continuing students]. M.: MGIMO-Universitet. 472 p. (In Russian)

Zubcova, E.R., Hoang Thi Hong Hoa, Nazimova, A.V. (2022) *Vietnamskij yazyk dlya nachinayushchih: uchebnik* [Vietnamese for beginners: a tutorial]. M.: FGBOU VO MGLU. Part 1. 130 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 15.02.2025

Дата поступления в переработанном виде: 14.05.2025

Принята к печати: 02.06.2025

Received: February 15, 2025

Received in revised form: May 14, 2025

Accepted: June 2, 2025

В.М. Мазырин

Вьетнамоведение в России: достоверный вклад в изучение Востока

Аннотация. В статье приведён анализ развития конкретной, профильной для журнала отрасли востоковедения в СССР и современной России. Выявлены хронология её формирования, центры, научные направления, лидеры, отмечено значение и количество публикаций по Вьетнаму. Затронуты практические формы сотрудничества вузов, академических учреждений с обеих сторон, причём не только в сфере общественных, но и естественных наук, что расширяет составленный обзор. Автор знакомит читателя с достижениями и проблемами развития отрасли, сравнивает российские условия с организацией и уровнем исследований Вьетнама в других зарубежных странах.

Также раскрыты особенности и итоги подготовки монографии Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН, впервые дающей развернутую характеристику эволюции данной отрасли. Анонсировано, что в ней будут представлены полная библиография трудов, изданных почти за 100 лет отечественными вьетнамоведами, необходимые индексы и популярные приложения.

Ключевые слова: вьетнамоведение, центры вьетнамоведения в России, история Вьетнама, экономика Вьетнама, культура Вьетнама, научное сотрудничество.

Автор: Мазырин Владимир Моисеевич, д. э. н., г. н. с., Институт Китая и современной Азии РАН, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН.
ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Для цитирования: Мазырин В.М. Вьетнамоведение в России: достоверный вклад в изучение Востока // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 179—190.

Vladimir M. Mazyrin

Vietnamese Studies in Russia: a Reliable Input to the National Orientalism

Abstract. The article provides an analysis of the development of a specific and profile for the journal branch of Oriental studies in the USSR and modern Russia. The chronology of this branch formation, its centers, leaders and broad diversity of disciplines are revealed as well as importance and number of publications on Vietnam. Practical forms of cooperation between universities and research institutions from both sides are

highlighted, not only in the field of social sciences, but also in the natural sciences, thus expanding the state of affairs. The author evaluates the achievements and problems of the industry, and provides a comparison of Russian realities with the organization and level of research on Vietnam by other foreign schools.

The features and results of the monograph for the first time giving a detailed description of this branch evolution are also revealed. Under promotion of coming book by the Center of Vietnam and ASEAN studies in ICCA the author promises to present in it a complete bibliography of titles on Vietnam that Russian scholars published over almost 100 years, together with necessary indexes and popular applications.

Keywords: Vietnamese studies, centers of Vietnamese studies in Russia, history of Vietnam, economy of Vietnam, culture of Vietnam, scientific cooperation.

Author: Mazyrin Vladimir M., D.Sc. (Economics), Chief Researcher, ICCA RAS, Chair in Centre for Vietnam and ASEAN Studies. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

For citation: Mazyrin, V.M. (2025). Vietnamese Studies in Russia: A Reliable Input to the National Orientalism. *The Russian journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 179—190.

В течение последних трёх лет Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИККА РАН выполнено специальное исследование развития вьетнамоведения в СССР и России. Оно имеет *обобщающий характер*, опирается на труды ряда вьетнамоведов, создавших первые историографические описания литературы по Вьетнаму и библиографические справки. В ходе исследования эти сведения и мнения сведены в единую систему, заполнив очевидные пробелы. Это помогло дать оценку проделанной почти за 100 лет работе и уровню развития данной отрасли в целом, представить её перспективы. Подобное исследование проведено в России впервые, что и определяет его значение.

Подтверждены *богатые традиции* отечественного вьетнамоведения. В России оно сформировалось в одну из наиболее развитых, классических школ востоковедения. Начало ему положено в императорских академиях, подлинный интерес возник при Советской власти, реальное становление произошло в 50—60-е годы XX в. Можно предположить, что в этом отношении Россия заметно опередила как своих оппонентов (страны западного блока, включая Японию, Южную Корею), так и партнёров (Китай), превосходя их и по количеству, и качеству работ.

Данная отрасль знания не только достигла зрелости, но и пережила серьёзные испытания, связанные сначала с индоктринацией науки, прежде всего общественных дисциплин, а после распада Советского Союза — с временной утратой господдержки и финансирования, деидеологизацией, переориентацией на западные, нелиберальные стандарты. Новым вызовом стало подчинение научной деятельности законам рынка, что вызвало падение престижа научного труда и отток молодежи из научной сферы.

В целом развитие отечественного вьетнамоведения как области знания шло в тесной связи с внутренними и внешними изменениями в России. Например, характер и основные направления вьетнамоведения в советский период оказались

привязаны к политической конъюнктуре отношений с ДРВ. Ключевым драйвером становления отрасли выступала практическая потребность в специалистах со знанием страны и вьетнамского языка. Тогда же появились первые очерковые и концептуальные труды. Благоприятные условия для всесторонних исследований по Вьетнаму сложились с углублением сотрудничества двух сторон во второй половине 1970-х годов. Аналогично глубокий спад в отрасли на рубеже двух веков был вызван охлаждением этих отношений в 1990-е годы и потерей руководством России интереса к Востоку в целом и Вьетнаму в частности.

Ренессанс наступил с переходом РФ и СРВ к всеобъемлющему стратегическому партнерству в 2010-е годы. Заметно разнообразилась проблематика исследований, ученые России стали раскрывать белые пятна вьетнамской истории, писать более объективно, расширились издание коллективных и индивидуальных трудов, подготовка новых кадров. В последние годы из-за естественной убыли старшего поколения наблюдается сокращение человеческого капитала в отрасли. Сохраняется ли возможность при улучшении демографической конъюнктуры в РФ и поддержке ведущих научных школ удержать достигнутый научный уровень, обеспечить преемственность вьетнамоведения — это ключевой вопрос, ответ на который мы получим в ближайшее десятилетие.

В СССР сложилась *система подготовки специалистов* со знанием языка и других сфер, характеристик Вьетнама. Изучение этой страны и аннамитского языка официально началось в Ленинградском восточном институте (ЛВИ). В советский период в данном деле был достигнут значительный прогресс. В 2010—2020-е годы, вследствие роста интереса к Вьетнаму, а за ним и обучающихся вьетнамскому языку, количество вузов, где он преподаётся, достигло десяти по сравнению с 4—5 в конце прошлого века. Наиболее комплексную, качественную подготовку дают по-прежнему ИСАА МГУ, Восточный факультет СПбГУ, ДВФУ, МГИМО(МИД). Относительно недавно приступили к обучению вьетнамскому языку НИУ ВШЭ, МГЛУ и РАНХиГС. Военный университет Минобороны РФ ведёт подготовку военных переводчиков вьетнамского языка, Дипломатическая академия — кадров для внешнеполитических ведомств с базовыми представлениями об этой стране. Практическому изучению Вьетнама и вьетнамского языка способствовало вещание Московского радио. Заметную роль в развитии вьетнамоведения в России, особенно на начальном этапе, сыграли вьетнамцы, работавшие и учившиеся в этой стране.

Выпускники указанных вузов образуют костяк научных кадров, работников государственных ведомств и бизнес структур на вьетнамском направлении. Изучение Вьетнама и вьетнамского языка широко налажено в ведущих вузах России, обеспечено в методическом и учебном отношении, помогая пополнять отряд квалифицированных специалистов, носителей научного знания и участников практической деятельности.

Это способствовало активизации и углублению научной работы в академической среде и в вузах, *становлению новых школ* вьетнамоведения, расширению географии и тематики исследований. Таков важнейший процесс, определяющий тенденцию развития отрасли. В разных городах России сложился ряд центров, занятых изучением в основном современного Вьетнама. Лидерами в академиче-

ской сфере стали коллективы ученых Института Китая и современной Азии, Института востоковедения РАН, институтов языкознания, археологии, демографических исследований РАН. Среди вузов научная работа также ведется в МГИМО (МИД), на Восточном факультете СПбГУ и в Восточной школе Дальневосточного университета, с недавних пор к ним присоединились НИУ ВШЭ и Курский университет.

Среди них выделяется Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН, служащий интегратором и координатором исследований по общественным наукам, организатором сообщества вьетнамоведов в России. Центр, созданный в 2008 г., плотно сотрудничает с родственными подразделениями российских университетов, институтов РАН, широким кругом вьетнамских партнеров, с 2018 г. Под эгидой своего руководителя профессора В.М. Мазырина он выпускает научный журнал «Вьетнамские исследования», являющийся трибуной всего сообщества вьетнамоведов России. За это время центр выпустил более 30 профильных монографий и сборников с привлечением экспертов других ведомств (рис. 1).

Хронологически это не первый вьетнамоведческий центр в России. Его аналог существовал в ИСАА МГУ с 1990 до начала 2000-х годов, где под руководством профессора Д.В. Деопика сложилась уникальная школа изучения традиционной вьетнамской истории и культуры, проводились ежемесячные научные

Рис. 1. Конференция в Центре изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.
Фото: ИКСА РАН.

семинары и ежегодные конференции «Традиционный Вьетнам» с изданием одноимённых сборников. В петербургской школе востоковедения с 2010 г. работает первый и единственный в мире за пределами Вьетнама Институт Хо Ши Мина, которым руководит профессор В.Н. Колотов. Его основным партнером выступает Государственная политическая академия Хо Ши Мина в СРВ. Институт проводит ряд знаковых научных конференций, среди которых выделяется цикл «Духовное наследие Хо Ши Мина».

Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) — единственный в Сибири и в Дальневосточном федеральном округе, где изучаются Вьетнам и вьетнамский язык (с 1979 г.). Эту работу в Восточном институте — Школе региональных и международных исследований возглавляет профессор А.Я. Соколовский. Учёные Курского университета исследуют различные аспекты новейшей истории. Демографической тематикой уже 15 лет занимается Институт демографических проблем ФНИСЦ РАН. Он плодотворно проводит совместные исследования с вьетнамскими коллегами и учёными из других стран ЮВА.

Отдельные стороны жизни Вьетнама изучают в других вузах России. Например, процессы в сфере культуры стали объектом внимания (2007—2017) РГГУ в лице Института восточных культур и античности, а затем Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ в Москве и Санкт-Петербурге. Особенностью методологии этой школы является кросс-культурный подход к исследованиям. В МГИМО существенный вклад в научное познание Вьетнама вносит Центр АСЕАН.

Научные исследования по истории Вьетнама, филологии и другим дисциплинам были развернуты благодаря комплексному преподаванию социально-политического, исторического и экономического развития в вузах страны. Оно сделало возможным становление ученых, сформировавших новые школы и методы познания. В частности, в ИСАА было организовано изучение экономики, на Восточном факультете СПбГУ — истории и идеологии, во Владивостоке — культуры и региональной проблематики.

Исследования Вьетнама в СССР и России носят *комплексный характер*. В сфере общественных наук они охватывают более десяти крупных направлений, на которых получены признанные результаты, выполнены разнообразные публикации, ведётся обширная работа с вьетнамскими партнерами. В России изучают историю Вьетнама (полный её спектр — от древней до новейшей), археологию, демографию, внутреннюю и внешнюю политику, экономику, филологию и лингвистику, культуру и искусство. Есть серьезные заделы, итоги в социологии и демографии, религиоведении и этнографии. Более развиты исследования по истории, лингвистике и литературе, демографии, политическим процессам, археологии.

Это вызвано естественным процессом страноведения, как в изучении истории, или совмещением усилий российских и вьетнамских ученых в ходе совместных проектов и экспедиций. Некоторые школы сложились по историческим меркам недавно, например, изучение экономики и социальных явлений, демографии, культуры и искусства, так как их становление сдерживалось недостатком практического интереса, материалов и средств. Другие направления до

конца не оформились, в частности, остались без должного внимания география и этнография, хотя начальный сбор сведений о стране начинался именно с них. В ДРВ работали многие известные советские ученые, результатом их исследований стали несколько справочников, подробно описывающих природу и народы этой страны. Изучение ее животного мира серьезно продвинулось благодаря научным исследованиям, начатым в 1980-годы в СП Тропический центр, т. е. было подчинено практическим задачам, но дало ощутимую теоретическую отдачу.

История Вьетнама как научная дисциплина, изучающая разные периоды его существования, доминировала в СССР. Одна из главных школ сложилась в 1960-е годы в Институте востоковедения АН СССР под руководством д.и.н. С.А. Мхитаряна по новой и новейшей истории. Здесь написаны и изданы первые обобщающие труды по истории Вьетнама. На основе этих работ сформирована российская концепция развития страны для практического использования. В ИСАА, затем ИКСА собраны и переведены вьетнамские летописи для адекватной реконструкции исторических событий. Ни в одной другой стране такие исследования не проведены на столь глубоком и качественном уровне (рис. 2). Наиболее развитым и обеспеченным кадрами направлением вьетнамоведения сегодня выступает изучение новейшей истории Вьетнама. Оно достигло уровня систематизации знаний, обобщения фактов, подведения итогов. Важной новацией стало появление работ о религиозных конфессиях, расширение биографического жанра исследований за счет некоммунистических персонажей, систематизации библиографии по Вьетнаму.

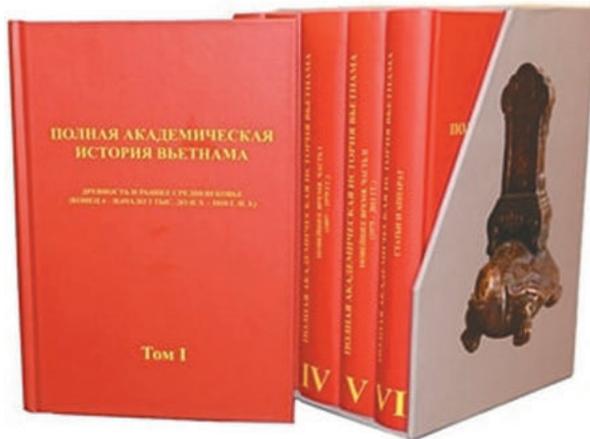

Рис. 2. Полная академическая история Вьетнама: в 6 томах / отв. ред. П.В. Познер. М.: Президиум Российской академии наук, 2014.
Фото из открытых источников.

Археологические исследования во Вьетнаме начаты российскими учеными с 1920-х годов. Открыт и изучен ряд крупных культурно-хронологических феноменов железного и каменного веков — донгшонская и хоабиньская культуры,

бифасиальная индустрия раннего палеолита в Анкхе — одна из древнейших не только во Вьетнаме, но и всей Юго-Восточной Азии. Совместные экспедиции, проводившиеся с 1960-х годов Институтом археологии АН СССР, позднее Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), позволили выработать периодизацию археологии Вьетнама от мезолита до позднего неолита. Взаимное сотрудничество в области археологии внесло большой вклад в изучение древнейшего этапа истории человечества — палеолита.

Внешнеполитические исследования ограничивалась в советский период двумя направлениями: анализом отношений ДРВ с Советским Союзом и Китаем. После распада СССР появились новые моменты. Помимо того, что советско-вьетнамские отношения получили реалистичную оценку, расширилось изучение проблем внешней политики и международных связей Вьетнама, включая региональную и международную повестку. Большое внимание уделено вьетнамо-китайским и вьетнамо-американским отношениям, а также территориальным спорам в Южно-Китайском море. Российские авторы признали многовекторный характер внешней политики СРВ, выделили балансирование как отличительную черту вьетнамской дипломатии.

По-новому в сравнении с советским периодом освещается **внутриполитическая история** Вьетнама. В частности, с новых позиций оценена сама концепция и почти 40-летний опыт реформ «Дой мой», проведена объективная реконструкция истории Южного Вьетнама. Как отдельное направление сложилось изучение политической системы, современной политической культуры вьетнамцев. Российские исследователи показали стремление уйти от политико-идеологического подхода, дать объективную картину развития вьетнамского общества. Сегодня изучение в РФ политической жизни Вьетнама представляет собой развитую отрасль знания с широким спектром тем и вопросов, с концептуальными выводами, с дискуссиями и разнообразием мнений.

В 1970-е годы сложилось **социально-экономическое** направление исследований, а с ним и новая школа вьетнамоведения, о чем сказано выше. Несмотря на свою относительную молодость и немногочисленный кадровый состав она выполняет стоящие перед ней задачи.

Исследования по **демографии и социологии** СРВ стали новым направлением работы российских ученых и двустороннего научного сотрудничества. Институт демографических исследований РАН проводит социологические опросы, демографические экспедиции, международные научные форумы, научные обмены и стажировки. Центром накоплен значительный объем научных материалов, отобраны эффективные методики, создана сеть профильных организаций. Среди его устойчивых проектов такие масштабные мероприятия, как «Миграционные мосты в Евразии» и «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Изучением **религиозной ситуации** во Вьетнаме отечественная наука занялась давно (XIX век). В советское время религиоведческие работы носили главным образом справочно-описательный характер или рассматривали основные конфессии под углом зрения их места в социально-классовых движениях и антиколониальной борьбе. В начале 1990-х годов диапазон исследований и глубина ана-

лиза заметно расширились, особенно в части изучения католицизма, инициированного к.и.н. О.В. Новаковой в ИСАА. В итоге получены представление о традиционных воззрениях вьетнамцев, знания о ведущих конфессиях, а основные религиозно-мифологические комплексы СРВ соотнесены с культурами других народов Юго-Восточной и Восточной Азии.

До начала XX в. **этнологические исследования** по Вьетнаму в нашей стране не проводились. Их основоположник А.И. Мухлинов в 1950—1960-е годы изучал этногенез вьетов, различные аспекты их материальной и духовной культуры, этнический состав населения и современные этнические процессы, историю развития этнографической науки. Сегодня эту работу продолжают в Санкт-Петербурге Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, а также СПбГУ и НИУ ВШЭ—Санкт-Петербург. МАЭ РАН исследовал народы Центрального и Южного Вьетнама, в частности тямов. НИУ ВШЭ охватила вниманием этническую историю народов Вьетнама, традиционную культуру и фольклор мыонгов, китайско-вьетнамские трансграничные взаимодействия и формы культуры. РГГУ, затем ВШЭ-Москва, где занялись культурно-этнографическими темами, получили интересные результаты изучения одежды, ткачества и орнамента малых народов Вьетнама.

Систематическое изучение вьетнамской **литературы** в СССР связано с именем профессора Н.И. Никулина. Им написаны работы по проблемам мифологии и фольклора, классической и современной литературы Вьетнама. Он первым раскрыл проблему национальных традиций в литературе, определил место Вьетнама в культурном ареале Юго-Восточной Азии. Ученики мэтра развернули исследования по стихосложению, фольклорной и литературной поэзии. Между литературоведами двух стран возникли плодотворные творческие связи, в СССР был подготовлен отряд вьетнамских кадров.

Эту работу организовали ИМЛИ, институты философии и востоковедения РАН, Восточный факультет СПбГУ. В итоге расширился круг затрагиваемых тем, авторов, произведений, событий. Главными проблемами остается малочисленность специалистов этой сферы. Среди недостатков и ограничений работ советского периода выделяются идеологизированность, ориентация на политическую конъюнктуру.

В сфере **лингвистики**, где отдельные работы по вьетнамскому языку появились в начале 1930-х годов, ведущую роль сыграли Институт языкознания, а ранее и Институт востоковедения РАН. Исследования советских учёных, как правило полевые, дополнили знания о языках народов Вьетнама, способствовали их правильной классификации, составлению полной лингвистической карты распространения в регионе. В РФ проведено документирование исчезающих языков вьетской подгруппы. Участниками совместных экспедиций издан ряд книг и словарей по итогам работы, достигнут существенный профессиональный рост. Крупным достижением является издание в России Большого вьетнамско-русского словаря в двух томах (2012).

Изучение вьетнамского **изобразительного искусства** занимает скромное место в объёме трудов российских вьетнамоведов. Оно целенаправленно велось в XX в. в московском Музее Востока и при участии востоковедов академических учреж-

дений позволило составить обзор по архитектуре, скульптуре и художественным ремеслам, театру и музыке, кино и музеям, живописи, графике. Дан продуманный анализ истории этого вида искусства, представлено творчество многих именитых мастеров страны.

С конца XX в. и по настоящее время тематический спектр искусствоведческих работ расширяется. Появились исследования по истории зарождения и развития авторского изобразительного искусства. Охвачена история и современные достижения музейного коллекционирования. Период бурной эволюции изобразительного искусства Вьетнама после начала рыночных реформ обновления изучен пока слабо. В целом объём, тематика и характер исследований, осуществлённых отечественными учёными за последние семь десятилетий, позволяет говорить не только о создании корпуса научных работ в данной области, но и о разнообразии предпочтений, методов и подходов исследователей.

Показательные формы и содержание **сотрудничества** между исследовательскими учреждениями СССР/России и ДРВ/СРВ в области как общественных, так и естественных наук. Примером во второй части служит Российско-Вьетнамский Тропический центр. Благодаря участию наших специалистов научный уровень Тропцентра сопоставим с таковым у самых развитых стран: здесь наработаны многие уникальные методики, которые адаптированы к тропическим условиям, сделаны уникальные открытия. СП Тропцентр представляет собой передовое в международной практике учреждение.

Совместные исследования по теме биоразнообразия начаты здесь после окончания войны во Вьетнаме Институтом проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова АН СССР (ныне — РАН). Партнёром выступил Институт биологии Национального центра научных исследований, а объектом — животный мир как важный элемент экосистем тропических лесов. По результатам экспедиций опубликованы сборники зоологических статей, которые впервые в отечественной литературе дали осмысление последствий химической войны США для наземных экосистем. Проведены исследования по темам экотоксикологии, современного состояния водных экосистем, по проблемам защиты техники и материалов от воздействия тропического климата, в области тропической медицины, фармакологии и экологии человека в условиях тропиков. Тропцентр открыл уникальные возможности всестороннего и планомерного изучения самых богатых и сложно организованных экосистем.

Успешное сотрудничество учёных технических специальностей двух стран видно и на примере российского Дальнего Востока. Приоритетными областями исследований выступили морская экология, химия, биохимия, океанология, гидрология, геология, гидрохимия, геофизика, нанотехнологии. Центр развития научно-технического сотрудничества ДВО РАН и ВАНТ курирует проведение исследований, морских и наземных экспедиций, лабораторных экспериментов, конференций, организацию обмена учёными и аспирантами, издание совместных научных трудов.

Тихоокеанский океанологический институт ведёт изучение биологического и биохимического разнообразия Южно-Китайского моря (ЮКМ), включая идентификацию водорослей, макро- и микроорганизмов как новых источников

физиологически активных веществ, пригодных к использованию в лекарствах. Осуществлено сравнительное исследование популяционно-видового состава морских беспозвоночных на дне шельфовой зоны и коралловых рифов с целью сохранения биологической продуктивности прибрежных вод Вьетнама. В ходе экспедиций получены уникальный материал и информация о газогеохимических полях, геологических структурах и гидрологических характеристиках южной глубоководной части ЮКМ.

Доверие к опыту российских ученых у вьетнамских коллег отражает желание продолжать обмен научными кадрами. Одним из ярких проявлений этого стало проведение комплексной геолого-геофизической и океанографической экспедиции в ЮКМ на научно-исследовательском судне «Академик М.А. Лаврентьев» в 2019 г.

Рис. 3. Научно-исследовательское судно «Академик М. А. Лаврентьев».
Фото из открытых источников.

Другое направление сотрудничества с СРВ развивает Дальневосточный институт геологии ДВО РАН. В совместной лаборатории (Владивосток) с Институтом геологических наук ВАНТ ведется построение модели формирования полиметаллических месторождений в морской зоне.

Важную роль в изучении Вьетнама помимо научных исследований и образовательной деятельности играет **популяризация знаний** об этой стране в различной форме. В ней Тема Вьетнама нашла отражение в произведениях советских и российских писателей и журналистов, совместных переводах и издании книг, в работе российской дипломатической школы, Вьетнамской редакции на Московском радио, Общества советско/российско-вьетнамской дружбы. Базовые знания логично дополняет обучение советских и российских студентов во Вьетнаме, которое заложило основу для продолжения ими профессиональной деятельности, включая научную.

Неотъемлемой частью исследования стало формирование **биографического корпуса** и **библиографического обзора**, представляющих лицо ведущих советских и российских вьетнамистов, внесших основной вклад в изучение Вьетнама и вьетнамского языка. Научно-справочная информация такого рода не обновлялась в России свыше 15 лет и поэтому максимально значима, актуализирована и полна, охватывая наиболее полный круг специалистов.

Таким образом, очень подробное и уникальное для российского востоковедения исследование показало, что изучение Вьетнама находится в России на высоком уровне. Это мультидисциплинарная, разветвлённая отрасль знания, охватывающая как общественные, так и технические науки. Масштабы и глубина специализации постоянно растут, причём данный процесс ускорился в последние два десятилетия. Поражает объём публикаций по Вьетнаму: за 70 лет издано более полутора тысяч статей и монографий. Россия имеет по сравнению с другими странами мира, где развито вьетнамоведение, сравнительные преимущества, большей частью вызванные богатой историей совместных исследований и созданием в ДРВ-СРВ с помощью СССР сильных школ в ряде дисциплин, единой идейной и методологической основами работы в тот период.

Вместе с тем развитие отрасли сталкивается с рядом серьёзных проблем. Пополнение кадрового состава недостаточно для расширения исследований, материальные стимулы слишком слабы, чтобы вовлечь молодежь в научную и педагогическую работу. Новые центры и школы возникают редко не только из-за нехватки кадров, но и неадекватного позиционирования и поддержки со стороны госорганов. Например, РАНХиГС под начатую подготовку вьетнамистов выделены большие средства, более того, отведена роль ведущего учреждения по научному и образовательному сотрудничеству с СРВ при том, что в этом вузе нет своих преподавателей и авторитетных ученых, изучающих Вьетнам. Крайне слабо до сих пор финансируются стажировки, командировки во Вьетнам, закупка специальной литературы при труднодоступности государственных грантов. Совсем недавно возникло такое явление, как дистанцирование вьетнамских партнеров от российских коллег ввиду переориентации на западных партнеров, правила и установки.

Удастся ли сторонам возродить прежнее сотрудничество, зависит не только от России. В этом отношении симптоматичны позитивные сигналы, поступающие в РАН сегодня от руководства ВАОН, других научных центров и академий СРВ. Вне сомнения развитие исследований по Вьетнаму, продолжение их славных традиций, передача эстафеты поколений — общая задача и реальная перспектива, но для её реализации нужны усилия всех участников процесса, мобилизация скрытых резервов системы в России, а также поддержка от вьетнамского научного сообщества и государства.

Одним из важнейших шагов по созданию заслуженного имиджа и полной картины развития данного направления востоковедения в России станет издание подготовленной по итогам исследования ИКСА РАН монографии «Вьетнамоведение в России: история и современность» (М.: РАН, 2025. 487 с.), которая включена в избранную серию РАН 2025 г.

Редакционной коллегии пришлось проделать огромную как организаторскую, так и исследовательскую работу. Она была успешно завершена благодаря ряду факторов. Проект книги подготовил и осуществил ведущий профильный Центр изучения Вьетнама и АСЕАН с опорой на прямую поддержку руководства ИКСА: монография включена в новую серию фундаментальных исследований института и принята к публикации по конкурсу изданий РАН 2025 г. Выбор ИКСА отражает не только внимание к развитию в России исследований по Вьетнаму, но и понимание приоритета данной отрасли отечественного востоковедения. В условиях «поворота к Азии» во внешней политике РФ важно знать, кто, в каких направлениях изучает эту страну и как объективно выглядит состояние проведенных исследований.

Координацию работы авторского коллектива осуществляла редколлегия в составе ведущих российских вьетнамоведов: В.М. Мазырина (отв. редактор), П.Ю. Цветова, А.А. Соколова, Е.В. Никулиной. В сборе и обработке данных, написанию статей участвовали 37 российских специалистов из большинства академических и образовательных учреждений России, в которых ведётся изучение Вьетнама или преподавание вьетнамского языка. Эта особенность гарантирует представительный и объективный характер проведённого исследования, отражает наличие в работе различных оценок и взглядов.

Монография отличается комплексным подходом, соответствует по научному содержанию современным требованиям к такого рода изданиям. Основной текст содержит подробные ссылки на источники сведений, показывая широкую базу литературы на русском и иностранных языках, отражает оценку результатов авторских индивидуальных и коллективных исследований. Можно смело утверждать, что новая работа демонстрирует доскональное знание авторами предмета их изучения.

Важно, что в книге не только приведены оценки и характеристики, типичные для историографического жанра, но и представлены документы, книги, факты, не знакомые широкой публике, найденные в российских архивах. В целом данная работа отражает ранее во многом неизвестные российскому и зарубежному читателю свершения отечественных учёных, а также реалии и успехи двустороннего сотрудничества. Признание вклада и заслуг вьетнамских коллег контрастирует с отсутствием в книге их оценок трудов российских коллег и редкостью публикаций этих трудов в переводе, что отражает официальную, национально ориентированную позицию партнеров.

Дата поступления статьи: 09.02.2025
Принята к печати: 14.06.2025

Received: February 9, 2025
Accepted: June 14, 2025

И.В. Дерюженко

Исследование процессов цифровой трансформации в РФ и СРВ — совместный проект ИКСА с ВНУ и МГУ

Аннотация. В статье дан обзор международной конференции на тему «Мировая политика в цифровую эпоху: возможности, вызовы и политические последствия для Вьетнама и России». Показано, как исследователи России и Вьетнама оценивают процессы мировой трансформации в цифровую эпоху, какие выявили новации и технологии в этой сфере, их воздействие на Россию и Вьетнам, в том числе на их современные отношения и перспективы их развития.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, мировая политика, цифровая трансформация, международные отношения, энергетика, кибербезопасность.

Автор: Дерюженко Иван Владимирович, м. н. с., Институт Китая и современной Азии РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН.
ORCID: 0000-0002-9235-9410. E-mail: deryuzhenko@iccaras.ru

Для цитирования: *Дерюженко И. В.* Исследование процессов цифровой трансформации в РФ и СРВ — совместный проект ИКСА с ВНУ и МГУ // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 191—195.

Ivan V. Deryuzhenko

Research of Digital Transformation Processes by Universities of Russia and Vietnam

Abstract. An overview of the international round table “International Politics in the Digital Era: Opportunities, Challenges, and Policy Implications for Vietnam and Russia” is given. At the event, researchers from Russia and Vietnam examined the processes of global transformation in the digital era, provided an analysis of how innovations and technologies in this area are changing global trends and what impact they have on Russia and Vietnam, including their modern relations and prospects for their development.

Keywords: Vietnam, Russia, international politics, digital transformation, international relations, energy, cybersecurity.

Author: Deryuzhenko Ivan V., junior researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS, Centre for Vietnam and ASEAN Studies. ORCID: 0000-0002-9235-9410. E-mail: deryuzhenko@iccaras.ru

For citation: Deryuzhenko, I.V. (2025). Research of Digital Transformation Processes by Universities of Russia and Vietnam. *The Russian journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 191—195.

10 июня 2025 г. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС) ИКСА провёл международный круглый стол на тему «Мировая политика в цифровую эпоху: возможности, вызовы и политические последствия для Вьетнама и России». Он

стал ещё одним научным событием в серии проводимых ИКСА совместно с вьетнамскими партнёрами мероприятий по празднованию 75-летия установления дипотношений между СССР и ДРВ. Партнёром ИКСА в этом проекте выступил факультет политологии Вьетнамского национального университета (Ханой), со-организатором — факультет глобальных процессов (ФГП) МГУ им. М.В. Ломоносова.

15 докладов были разделены на 3 сессии, что позволило обсудить широкий круг актуальных вопросов, рассмотреть возможности и вызовы цифровизации, изменение под её влиянием глобальных балансов, роль новых технологий в подъёме двусторонних отношений на более высокий уровень. Как отметила заместитель директора ИКСА РАН профессор Я.В. Лексютина, тема «Мировая политика в цифровую эпоху» входит в ряд наиболее приоритетных и перспективных научных направлений как в России, так и во Вьетнаме. В свою очередь, заместитель председателя Совета Вьетнамского национального университета (ВНУ) Буй Тхань Нам подтвердил важность научных исследований в этой области и открывающихся возможностей и перспектив российско-вьетнамского сотрудничества. Сотрудничество с Вьетнамом является одним из важнейших приоритетов во внешней политике России, подчеркнул заместитель декана по международному сотрудничеству Факультета глобальных процессов МГУ Р.Д. Гребнев (рис. 1).

Участники уделили основное внимание оценке фундаментальных проблем, возможностей и вызовов мировой политики и дипломатии в цифровую эпоху. Так, учёные пришли к выводу, что цифровая эпоха в первую очередь связана с ускорением обработки информации, обуславливая ускорение глобальной эволюции и возникновение новых форм международных отношений, становление многополярного миропорядка. Многополярность, в свою очередь, как следствие формирования системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений, признана инструментом их стабилизации, усиливающим роль региональных систем регулирования (Р.Д. Гребнев). Кроме того, отмечено, что цифровизация отражает ведущую тенденцию трансформации политики на всех уровнях, и последствия этого изменения для политической науки могут быть огромны, ставя серьёзные вопросы политической стабильности (Н.С. Кулешова).

Дан анализ структурных и функциональных изменений международной политики по мере того как мир ускоряется в сторону цифровой трансформации. Так называемая цифровая дипломатия больше не является периферийной областью, сейчас она охватывает не только использование онлайн-коммуникаций, но и более широкие области, такие как кибербезопасность, трансграничные потоки данных и управление цифровыми пространствами. Новые субъекты — многонациональные технологические компании, группы гражданского общества и онлайн-инфлюенсеры — участвуют в формировании международных норм, нарративов и общественного мнения. Информационная война, кибератаки и регулирование платформ стали важнейшими областями геополитического спора. Поэтому разработка всеобъемлющей стратегии цифровой дипломатии имеет решающее значение не только для продвижения целей внешней политики, но и

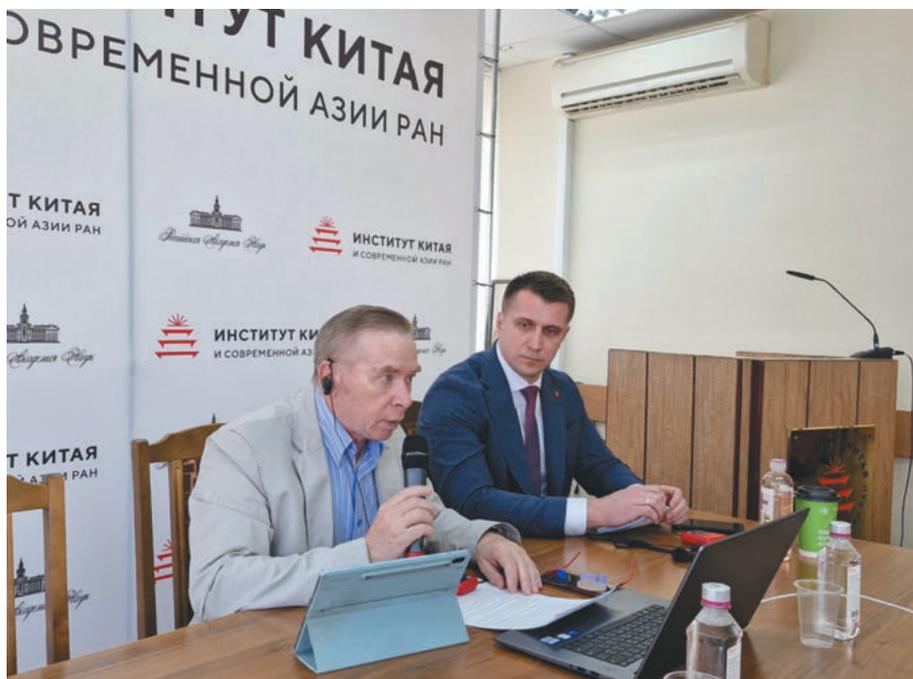

Рис. 1. Руководитель ЦИВАС В. М. Мазырин и заместитель декана по международному сотрудничеству ФГП МГУ Р.Д. Гребнев. *Фото ИКСА РАН.*

для утверждения мягкой силы, повышения глобальной видимости и более эффективного участия в формировании норм и институтов цифрового международного порядка (Буй Тхань Нам).

Также исследователи пришли к выводу, что проведение открытой и действенной цифровой дипломатии и внешней политики требует плавного сочетания стратегического видения и гибких механизмов реализации, а успех зависит от способности адаптироваться к технологическим тенденциям при сохранении национальной идентичности цифрового управления (Нгуен Тхи Вьет Ань). Хотя основные принципы ведения переговоров остаются неизменными, цифровые технологии меняют инструментарий и методы, используемые в процессе переговоров. В условиях цифровизации у дипломатов появляется необходимость приобретения новых умений, в том числе и для безопасного ведения переговоров, особенно в области «управления данными и информационной безопасности», однако требуется проведение дополнительных исследований для определения конкретных компетенций (А.Л. Стрёмовская).

Были рассмотрены возможности для повышения эффективности государственного управления с помощью цифровых технологий. Например, в КНР реализуются новации и совершенствуются системы общественного управления, которые уже дают результаты: усилена работа по выявлению и разрешению социальных конфликтов, реформированию работы с обращениями граждан, что повысило результативность местного управления и т. д. Реформирование госу-

дарственного управления в КНР — не просто работа по повышению эффективности административных процедур, а комплексная трансформация архитектуры власти, которая служит разработке национальных стратегий модернизации, инновационного, сбалансированного и устойчивого развития (О.Ю. Адамс).

Также обсуждены вызовы и возможности цифровизации технологий и экономики. Интеграция в глобальную цифровую экосистему позволяет развивать высокотехнологичные отрасли, повышая национальную конкурентоспособность. Однако наряду с этими перспективами выявлены значительные риски, включая манипулирование информацией, потенциальную потерю контроля над цифровой инфраструктурой, технологическую зависимость от развитых технологических держав и растущее давление с целью обеспечить выгодное Западу соответствие «глобальным нормам». Результаты исследований подчёркивают важность национальных стратегий по уравниванию открытости к инновациям с надёжными механизмами обеспечения безопасности, независимости и устойчивости в развитии (Фунг Тхи Тхюи Зунг). В связи с этим во многих развивающихся странах всё чаще звучит критика «технологического» или «цифрового колониализма»: цифровая и «зелёная» трансформация в странах глобального Юга происходит зачастую в формате, не учитывающем местную специфику, вопреки их национальным интересам.

Преодоление разрыва в процессе цифровизации названо одной из важнейших задач для развивающихся стран, так как они всё больше зависят от глобальных финансовых институтов, иностранных организаций и платформ, страдают от вытеснения местных разработчиков, а также от ограничения доступа к информации. Со своей стороны Россия готова делиться опытом сохранения и защиты цифрового суверенитета, потеря которого может привести и к потере фактического (Е.С. Васецова). Также дан анализ цифровизации в сфере энергетики, которая усиливает глобальное неравенство между развитыми и развивающимися странами и имеет ярко выраженное политическое измерение. Особая обеспокоенность была выражена по части зависимости энергосектора от зарубежного программного обеспечения и облачных платформ. Россия, в свою очередь, сохраняет конкурентные преимущества, такие как запасы редкоземельных металлов, лидерство в технологии использования мирного атома, а также перспективы в водородной энергетике и возобновляемых источниках энергии. Это, однако, не отменяет риска попасть в новую технологическую зависимость уже от Востока, преимущественно Китая. Поэтому в долгосрочной перспективе важна балансировка внешних связей и развитие собственной базы, чтобы защитить свой научно-технологический суверенитет (А.А. Бойко).

Возможности и перспективы развития торгово-экономических отношений раскрыл доклад о цифровой торговле между РФ и СРВ. Объем транзакций мировой цифровой торговли исчисляется триллионами долларов, всё большую популярность приобретают такие направления, как трансграничные онлайн-покупки, цифровые платежи и торговля в социальных сетях. Развитие электронной коммерции и цифровой экономики способствует преодолению географической удаленности и стимулирует рост в условиях глобальных вызовов. Исходя из этого, сделан вывод, что цифровая торговля между Вьетнамом и Россией обладает

потенциалом для того, чтобы укрепить экономические связи в новых условиях, а при эффективном использовании преимуществ и реализации согласованных решений создать надежный цифровой мост, способствуя устойчивому росту и снижению внешних рисков (До Хыонг Лан).

Также выделена необходимость решения возникающих проблем безопасности и вызовов социального характера. Было высказано мнение, что в связи с цифровизацией радикально трансформируются все социальные институты. Причиной этого служит изменение сути когнитивной функции власти — ключевого, основополагающего социального ресурса. В условиях глобальной оцифровки и информатизации когнитивная функция трансформируется, порождая новые, мощные механизмы контроля и управления всего общества. Деньги в огромной степени утрачивают свои позиции, в частности как средство накопления богатства. Соответственно под большим вопросом оказывается и институт собственности, по крайней мере, личной и частной. Для управления социумом во всё возрастающей мере становится достаточно средств социального программирования и контроля, привязанного к современным технологиям и возможностям (А.В. Пиковер).

Были проанализированы возможности и вызовы информационно-коммуникативных технологий. В частности, высказано мнение, что их влияние настолько велико, что началось формирование нового — цифрового способа производства. В его основе лежат цифровые платформы и собираемые ими данные, которые позволяют лучше контролировать граждан, бороться с преступлениями, проводить агитацию и пропаганду, лучше понимать потребительские предпочтения, продвигать новую продукцию. Объектом присвоения технологических компаний выступает не только труд, но и личность, духовная жизнь человека. Контроль над данными миллиардов пользователей создает угрозы в сфере информационной безопасности. Отмечено, что подход к развитию ИКТ и обеспечению кибербезопасности требует серьезного и непредвзятого изучения (А.А. Бутко). Обе страны активно усиливают контроль над цифровым пространством и имеют некоторые схожие подходы, такие как борьба с фейками, экстремизмом, защита национальной безопасности; учёт доходов блогеров и платформ; локализация данных; ужесточение требований к хранению данных пользователей внутри страны и т. д. Таким образом, ИКТ в СРВ и России имеют развивающуюся правовую базу, направленную на защиту данных пользователей и защиту их прав, нуждаются в её постоянной проработке и совершенствовании (П.А. Иллюк).

Доклады вызвали живое обсуждение, в результате которого участники пришли к выводу, что цифровизация несёт в себе как вызовы для мировой политической системы, так и возможности для улучшения взаимодействия и сотрудничества между Россией и Вьетнамом, требует продолжении исследований в этой области. По результатам мероприятия докладчики готовят статьи в итоговый сборник, который вьетнамская сторона намерена опубликовать на английском языке до конца года.

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Нго Суан Биеном (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина») на тему «Символические характеристики огня в русской и вьетнамской лингвокультурах»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of philological sciences by Ngo Xuan Bien (Pushkin State Institute of the Russian Language) on the topic “Symbolic characteristics of fire in Russian and Vietnamese linguistic cultures”

Защита диссертации по специальности 5.9.8 — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика — состоялась 28.05.2025 на заседании диссертационного совета 24.2.292.01 при ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина».

Диссертация посвящена анализу символических характеристик концепта «огонь» в русской и вьетнамской лингвокультурах.

Установлены понятийные, образные и ценностные признаки концепта «огонь» в русской и вьетнамской лингвокультурах, выявлены символические характеристики этого концепта, описаны языковые способы выражения рассматриваемых языковых единиц и объяснена национально-культурная специфика осмысления концепта «огонь» в сравниваемых языках.

Данная работа вносит вклад в развитие сопоставительной лингвокультурологии, уточняя специфику символического осмысления природных концептов в русском и вьетнамском языковом сознании.

Полученные результаты могут быть применены в курсах лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лексикологии и стилистики русского и вьетнамского языков.

Перспективы дальнейшего изучения символических характеристик концепта «огонь» предполагаются в описании проявления данного концепта в современной художественной литературе двух народов, в кинематографе и Интернете.

Научный руководитель: Карасик Владимир Ильич, д. ф. н., профессор ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Оппоненты:

Воробьёв Владимир Васильевич, д. ф. н., профессор, зав. кафедрой русского языка и лингвокультурологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Левицкий Андрей Эдуардович, д. ф. н., профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Основные публикации по теме диссертации

1. Карасик В. И., Нго Суан Биен. Аллегорические и символические характеристики огня // Поволжский педагогический вестник. 2022. Т. 10. № 2(35). С. 93—99.
2. Нго Суан Биен. Символизация огня в стихотворениях А.С. Пушкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 1. С. 184—189.
3. Нго Суан Биен. Осмысление огня в народных сказках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 5. С. 153—157.
4. Нго Суан Биен. Оценочные характеристики огня в русских и вьетнамских пословицах и сказках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 11. С. 160—163.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Чан Фи Лонгом (ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина») на тему «Система и виды наказаний по уголовному законодательству Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of legal sciences by Tran Phi Long [Kutafin Moscow State Law University] on the topic “The system and types of punishments under the criminal legislation of the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation”

Защита диссертации по специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки (юридические науки) — состоялась 19.06.2025 на заседании диссертационного совета Д 212.123.ХХ (24.2.336.03) при ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Совокупность сформулированных автором положений, выводов и рекомендаций способна служить базой для формирования научной концепции наказания в уголовном праве Социалистической Республики Вьетнам. Для российского уголовного права содержащиеся в ней материалы могут служить достоверным источником правовой информации по вьетнамскому уголовному праву, а также продолжением российского уголовно-правового учения о наказании и его значении для развития близких уголовно-правовых систем.

Практическая значимость исследования связана с решением законодотворческих, правоприменительных и образовательных задач, в частности, по совершен-

ствованию норм уголовных кодексов о наказании и его видах при обсуждении законопроектов, а также учебных программ и курсов «Уголовное право. Общая часть», «Уголовное право зарубежных стран», «Уголовная политика» и др.

Научный руководитель: Понятовская Татьяна Григорьевна, д. ю. н., профессор кафедры уголовного права МГЮА, заслуженный юрист Удмуртской Республики.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Оппоненты:

Сизова Виктория Николаевна, д. ю. н., профессор кафедры уголовной политики ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Федоров Александр Вячеславович, к. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ, зам. председателя Следственного комитета Российской Федерации.

Основные публикации по теме диссертации

Чан Фи Лонг. Цели наказания в уголовном праве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 145—150.

Чан Фи Лонг. Система наказаний для физических лиц по уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам // Legal Concert. 2023. Т. 22. № 2. С. 153—161.

Чан Фи Лонг. Предупреждение как вид уголовного наказания по Уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4 (849). С. 121—126.

Чан Фи Лонг. Совершенствование системы наказаний для коммерческих юридических лиц по уголовному законодательству Социалистической Республики Вьетнам // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 672—675.

Чан Фи Лонг. Тенденция ограничения и отмены смертной казни в Социалистической Республике Вьетнам // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 214—221.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук Чан Зуй Тханем (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы») на тему «Сотрудничество Социалистической Республики Вьетнам и АСЕАН как фактор регионального развития и стабильности (1995—2022 гг.)»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of historical sciences by Tran Duy Thanh (Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia) on the topic "Cooperation between the Socialist Republic of Vietnam and ASEAN as a factor in regional development and stability (1995—2022)"

Защита диссертации по специальности 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики (исторические науки) — состоялась 26.06.2025 на заседании диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

В диссертации дан комплексный анализ содержания и динамики отношений Вьетнама и АСЕАН на современном этапе, особенностей развития сотрудничества между Вьетнам и АСЕАН, а также факторов, влиявших на данный процесс, проблем и перспектив взаимодействия.

Автором выявлены основные изменения, произошедшие во Вьетнаме с начала реализации политики обновления (1986 г.) и после вступления в АСЕАН (1995 г.). В работе отражена роль Вьетнама в укреплении политического взаимодействия в рамках АСЕАН и решении проблем безопасности в регионе, а также дана характеристика сотрудничества Вьетнама и АСЕАН в торгово-экономической области.

Научный руководитель: Понька Татьяна Ивановна, к. и. н., доцент кафедры теории и истории международных отношений историко-филологического факультета РУДН.

Ведущая организация ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук».

Оппоненты:

Канаев Евгений Александрович, д. и. н., профессор, зав. Азиатско-Тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ.

Вершинина Валерия Валерьевна, к. п. н. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», зам. директора Центра АСЕАН МГИМО МИД России.

Основные публикации по теме диссертации

1. *Чан Зуй Тхань, Шпаковская М. А., Нгием Ба Чи.* Вьетнам в АСЕАН и его роль в развитии отношений между Россией и Ассоциацией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4. № 4 (53). С. 158—165.
2. *Чан Зуй Тхань, Шпаковская М. А., Понька Т. И.* Вьетнамо-китайское взаимодействие в сфере международной безопасности // Альманах Казачество. 2022. № 63(6). С. 104—110.
3. *Чан Зуй Тхань, Понька Т. И.* АСЕАН как ведущая интеграционная структура Юго-Восточной Азии // Альманах Казачество. 2022. № 64 (7). С. 127—141.
4. *Чан Зуй Тхань, Ионов Е. М.* Деятельность АСЕАН и Вьетнама, в частности, по борьбе с терроризмом // Международные отношения. 2023. № 1. С. 41—55.
5. *Чан Зуй Тхань.* Взаимодействие Вьетнама и стран АСЕАН в достижении Целей устойчивого развития // Международные отношения. 2025. № 2. С. 32—42.

Совместная декларация об основных направлениях российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе

Аннотация. Приводится текст Совместной декларации об основных направлениях российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе, принятой в Москве 10 мая 2025 г.

Joint Statement on Major Orientations for Vietnam-Russia Comprehensive Strategic Partnership

Abstract. The full text of the Joint Statement on Major Orientations for Vietnam-Russia Comprehensive Strategic Partnership adopted on May 10, 2025 in Moscow, is given.

По приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама (ЦК КПВ) То Лам с 8 по 11 мая 2025 г. совершил официальный визит в Российскую Федерацию и принял участие в Параде Победы по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Визит состоялся в контексте празднования годовщин важных для обеих стран знаменательных исторических дат: 75-летия установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом (30 января 1950 г.), 50-летия освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны (30 апреля 1975 г.), 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (9 мая 1945 г.), 80-летия провозглашения независимости Вьетнама (2 сентября 1945 г.).

Генеральный секретарь ЦК КПВ То Лам провёл переговоры в узком и расширенном составах с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, встретился с Председателем Правительства Российской Федерации М.В. Мишустиным, Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володиным, Председателем Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», Заместителем Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведевым, Помощником Президента, председателем Морской коллегии Российской Федерации Н.П. Патрушевым, Председателем Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации

Г.А. Зюгановым и Председателем Партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ» С.М. Мироновым.

Генеральный секретарь ЦК КПВ То Лам возложил цветы к Могиле Неизвестного Солдата и памятнику Президенту Вьетнама Хо Ши Мину, выступил в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, принял представителей Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме, Общества российско-вьетнамской дружбы, провёл беседу с российскими гражданами, ранее работавшим во Вьетнаме, выразив им признательность, а также встретился с главами ряда регионов, корпораций и ведущих российских организаций.

Переговоры и встречи прошли в традиционно дружественной, искренней и доверительной атмосфере, присущей двусторонним отношениям. Руководители России и Вьетнама провели глубокий и содержательный обмен мнениями с целью придать мощный импульс российско-вьетнамскому всеобъемлющему стратегическому партнёрству.

Генеральный секретарь ЦК КПВ То Лам высоко оценил большие успехи Российской Федерации, достигнутые под руководством Президента Российской Федерации В.В. Путина, в первую очередь в экономике и социальной сфере, а также в повышении роли России и укреплении ее авторитета на международной арене.

Президент Российской Федерации В.В. Путин пожелал успехов в проведении масштабной административной реформы во Вьетнаме в целях обеспечения экономического роста, углубления международной интеграции в интересах вьетнамского народа.

С учётом итогов визита Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам приняли следующую декларацию об основных направлениях всеобъемлющего стратегического партнёрства между Россией и Вьетнамом на новом этапе:

ДОСТИЖЕНИЯ ЗА 75 ЛЕТ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. В течение 75 лет отношения между Россией и Вьетнамом, благодаря усилиями многих поколений руководителей и народов двух стран, глубокому политическому доверию, уважению и взаимопониманию, играли важную роль и занимали особое место во внешнеполитическом курсе обоих государств, способствовали защите их национальных интересов и социально-экономическому развитию.

2. Несмотря на смену исторических эпох, российско-вьетнамские связи последовательно развиваются, содействуя укреплению безопасности и устойчивому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом. Совместными усилиями Сторон многоплановое сотрудничество между Россией и Вьетнамом было выведено на уровень стратегического партнёрства в ходе официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина во Вьетнам в марте 2001 г., а затем — на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства в ходе визита Президента Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Тан Шанга в Россию в июле 2012 г. Эти отношения продолжают интенсивно развиваться, отвечая ин-

тересам обоих государств. Они являются бесценным достоянием народов двух стран и образцом традиционной дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

3. За 75 лет с момента установления дипломатических отношений Стороны достигли важных результатов во всех сферах:

политический диалог характеризуется высоким уровнем доверия, тесным взаимодействием и глубоким взаимопониманием, поддерживается за счет регулярного обмена делегациями и контактов, в первую очередь высшего руководства, что создаёт основу для дальнейшего укрепления и расширения сотрудничества во всех областях;

традиционное сотрудничество в сфере обороны и безопасности остаётся одним из основных элементов всеобъемлющего стратегического партнёрства между Россией и Вьетнамом, базируется на взаимном доверии, осуществляется в соответствии с международным правом, способствует обеспечению мира и стабильности в регионе и мире;

в торгово-экономической кооперации Стороны в условиях сложной международной обстановки последовательно продвигаются вперед благодаря деятельности координационных структур и имплементации совместных документов, включая Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и его государствами — членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, подписанное 29 мая 2015 г.;

кооперация в энергетике и нефтегазовой отрасли является ключевой составляющей и символом эффективного взаимодействия двух стран, её флагманами выступают совместные предприятия «Вьетсовпетро» во Вьетнаме и «Русвьетпетро» в России;

сотрудничество в области образования и подготовки кадров, науки и технологий активно развивается и приносит положительные результаты. В частности, Совместный Российско-Вьетнамский Тропический научно-исследовательский и технологический центр является одним из ярких примеров результативного взаимодействия, способствующего решению задач социально-экономического развития обеих стран;

большое значение придается гуманитарным обменам в духе традиционно дружественных связей между народами двух стран;

Стороны придерживаются близких позиций по многим международным и региональным вопросам, осуществляют эффективную координацию и оказывают поддержку друг другу в рамках международных организаций и многосторонних форумов.

4. Успехи за 75 лет сотрудничества между Россией и Вьетнамом стали прочной основой и движущей силой для дальнейшего углубления, расширения и наполнения практическим содержанием всеобъемлющего стратегического партнёрства, являющегося примером взаимодействия на новом этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

5. Основываясь на достигнутых за 75 лет успехах, Стороны настроены на использование существующего потенциала и благоприятных возможностей и преимуществ двустороннего сотрудничества, сохранение и преумножение традиций

дружбы, выведение российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнёрства на качественно новый уровень.

6. Стороны подчёркивают необходимость продолжения регулярного и содержательного политического диалога на высшем и высоком уровнях для оперативного обмена информацией о ходе реализации достигнутых договоренностей. Стороны подтверждают готовность уделять пристальное внимание повышению эффективности действующих координационных механизмов, прежде всего Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Стратегического диалога по вопросам обороны, Российско-Вьетнамского стратегического диалога, развитию контактов деловых кругов, созданию новых форматов диалога и оперативному урегулированию проблемных моментов двусторонней кооперации. Настроены наращивать связи между политическими партиями, руководством законодательных органов, по линии Межпарламентской комиссии по сотрудничеству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам, профильных комитетов и депутатских групп дружбы парламентов двух стран, продолжать координацию действий на площадках международных и региональных межпарламентских форумов.

7. Стороны подтверждают, что сотрудничество в области обороны и безопасности остаётся важной составляющей российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства. Подчёркивают необходимость его укрепления на основе высокого доверия, повышения эффективности в интересах своевременного реагирования на актуальные вызовы. Отмечают, что взаимодействие в данной сфере не направлено против третьих стран, полностью отвечает принципам и нормам международного права, способствует обеспечению безопасности и устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом.

Стороны отмечают, что сотрудничество в области международной информационной безопасности осуществляется в соответствии с международным правом и двусторонними договорами и соглашениями, в частности Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 6 сентября 2018 г., в целях предотвращения использования информационно-коммуникационных технологий для подрыва суверенитета, нарушения территориальной целостности государств, осуществления в глобальном сетевом информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию мира, безопасности и стабильности двух стран.

Стороны выражают настрой на создание благоприятных условий для развития сотрудничества по вопросам обеспечения биологической безопасности, в том числе путем формирования соответствующей нормативно-правовой базы.

Стороны подтверждают намерение совершенствовать двустороннюю договорно-правовую базу в области оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам в отношении преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Руководители двух стран выразили

готовность к дальнейшему укреплению сотрудничества в целях своевременного реагирования на чрезвычайные ситуации, минимизации ущерба, оказания помощи пострадавшим, проведения совместных учений и тренировок спасательных служб.

8. Стороны подчёркивают необходимость максимально эффективного использования потенциала и возможностей сотрудничества для наращивания торгово-экономической кооперации, прежде всего в торгово-инвестиционной и кредитно-финансовой сферах, в соответствии с международным правом и законодательством двух стран, обеспечения сбалансированного характера товарооборота, диверсификации экспортных поставок неконкурирующих товаров на рынки друг друга. Стороны поддержали проведение переговоров между ЕАЭС и Вьетнамом по вопросам наращивания экспорта и устранения технических барьеров во взаимной торговле.

Стороны договорились о дальнейшей тесной координации в рамках Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, ее подкомиссий и рабочих групп в целях планирования и оперативной реализации совместных проектов и программ, включая Комплексный план развития российско-вьетнамского сотрудничества до 2030 г., направленный на повышение эффективности торгово-экономического, инвестиционного и финансового взаимодействия на основе взаимного учета интересов Сторон.

Стороны подчёркивают востребованность расширения и диверсификации сфер приложения капитала как из России во Вьетнам, так и из Вьетнама в Россию, выражают готовность создавать благоприятные условия и оказывать поддержку предпринимателям обеих стран в выстраивании прямого взаимодействия, максимальном использовании потенциала для реализации совместных проектов в области добычи и переработки полезных ископаемых, промышленности, сельского хозяйства, машиностроения и энергетики, научно-технологической и информационной сферах, цифровой трансформации.

9. Стороны договорились укреплять сотрудничество в области энергетики и нефтегазовой промышленности, а также в обеспечении энергетической безопасности путем повышения эффективности действующих и продвижения новых энергетических и нефтегазовых проектов, реализуемых в соответствии с положениями действующего законодательства и стратегическими интересами каждой из Сторон, включая поставки, переработку сырой нефти и сжиженного природного газа из России во Вьетнам. Подтверждают готовность изучить возможности кооперации в строительстве новых и модернизации действующих объектов электроэнергетики. Руководство двух стран поддерживает создание благоприятных условий для расширения деятельности российских нефтегазовых операторов на континентальном шельфе Вьетнама и вьетнамских нефтегазовых компаний в Российской Федерации в соответствии с национальным законодательством России и Вьетнама, а также международным правом, включая Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.

Стороны подтверждают важность активизации сотрудничества по проекту строительства на территории Вьетнама Центра ядерной науки и технологий, а

также в области подготовки в российских образовательных организациях вьетнамских студентов по специальностям, связанным с мирным использованием атомной энергии, подчёркивают необходимость продвижения кооперации в области возобновляемой и «чистой» энергетики. Согласились в сжатые сроки провести переговоры и подписать межправительственные соглашения о строительстве атомной электростанции на территории Вьетнама с применением передовых технологий при строгом соблюдении норм ядерной и радиационной безопасности и в интересах обеспечения социально-экономического развития.

10. Россия и Вьетнам договорились осуществлять тесное и эффективное взаимодействие в горнодобывающей промышленности, в сфере транспорта, судостроения и машиностроения, модернизации железных дорог, расширения транспортных коридоров между двумя государствами в целях продвижения торговли и инвестиций. Отметим важность наращивания кооперации в области сельского, рыбного и лесного хозяйства, включая увеличение поставок сельскохозяйственной продукции и её продвижение на рынки друг друга, а также стимулирование деловых кругов двух стран к созданию соответствующих совместных предприятий.

11. Стороны подтверждают взаимный интерес к укреплению сотрудничества в области науки и технологий, образования и подготовки кадров, формирования квалифицированных трудовых ресурсов в различных сферах в целях обеспечения дальнейшего развития.

Подчёркивают необходимость повышения эффективности действующих механизмов сотрудничества в сфере науки, технологий, инноваций и цифровой трансформации, выступают за продвижение программ и проектов исследований по приоритетным для обеих стран направлениям, а также договорились объявить 2026 г. Годом российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и образования.

В целях дальнейшего развития Совместного Российско-Вьетнамского Тропического научно-исследовательского и технологического центра Стороны договорились оказывать поддержку его деятельности и укреплению потенциала, обеспечивать проведение научных исследований российскими и вьетнамскими учеными в соответствии с региональными и международными стандартами, а также приветствовали завершение процедур передачи Вьетнаму научно-исследовательского судна «Профессор Гагаринский» и условились содействовать трансферу технологий в рамках деятельности Центра.

Стороны поддерживают расширение подготовки квалифицированных кадров, деятельность Российско-Вьетнамского консорциума технических университетов, Ассоциации экономических университетов России и Вьетнама и в целом развитие межвузовских связей. Российская Сторона выразила готовность оказывать содействие в эффективном использовании квоты на обучение граждан Вьетнама по специальностям, необходимым для развития вьетнамской экономики.

Стороны договорились активно продвигать изучение, распространение и преподавание русского языка во Вьетнаме и вьетнамского языка в России, максимально используя потенциал образовательных организаций двух стран, приветствовали создание совместной образовательной организации «Пушкинский

центр» путём реорганизации Ханойского филиала Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, условились ускорить создание Вьетнамского культурного центра в России и совершенствовать механизмы деятельности Российского центра науки и культуры в Ханое, а также активизировать работу по созданию российской общеобразовательной организации во Вьетнаме, строительство и управление которой будет осуществляться Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством обеих стран.

12. Стороны подтверждают готовность содействовать расширению взаимодействия в целях продвижения позитивной повестки дня российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнёрства в глобальном информационном пространстве, создания благоприятных условий для сотрудничества в области средств массовой информации, укрепления координации в деле противодействия распространению ложной информации и недружественным информационным кампаниям третьих сторон.

13. Стороны приветствуют расширение сотрудничества между министерствами и регионами, активизацию гуманитарных обменов, регулярное проведение дней культуры двух стран на основе взаимности, поддержание контактов между информационными агентствами, архивными организациями, обществами дружбы и другими общественными организациями, дальнейшее развитие гуманитарного сотрудничества, высказываются за сохранение национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия и защиту традиционных ценностей, выступают за расширение туристских обменов путем увеличения числа прямых регулярных и чартерных авиарейсов между двумя странами, а также упрощения процедур поездок граждан двух стран.

14. Вьетнамская сторона проинформировала о готовности активизировать сотрудничество в сфере здравоохранения, включая подготовку кадров, совместные научные исследования, а также проработку вопроса о признании регистрационных удостоверений на лекарственные препараты для медицинского применения, выданных Российской Федерацией и ЕАЭС, в соответствии с законодательством Вьетнама и международными договорами, членом которых является Вьетнам.

15. Стороны подчёркивают весомый положительный вклад российской общины во Вьетнаме и вьетнамской диаспоры в России в поддержание и дальнейшее развитие традиционной дружбы и разнопланового сотрудничества. Стороны подтверждают готовность продолжать обмен мнениями по вопросам миграции, создавать и обеспечивать благоприятные условия для жизни, работы и учёбы граждан России во Вьетнаме и граждан Вьетнама в России.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

16. Стороны поддерживают формирование более справедливого и устойчивого многополярного миропорядка, основанного на приверженности государств соблюдению общепризнанных принципов и норм международного права во всей их полноте и взаимосвязи, что расширит перед государствами и их объединениями пространство возможностей для свободного и успешного внутреннего разви-

тия, осуществления взаимовыгодного, равноправного и взаимоуважительного международного сотрудничества.

17. Стороны пришли к единому мнению, что каждое государство имеет право самостоятельно определять модель развития, политическую, экономическую и социальную систему в соответствии с национальными условиями и волей народа. Стороны не поддерживают введение односторонних санкций, не соответствующих международному праву и не утверждённых Советом Безопасности ООН, а также проведение разделительных линий по идеологическим соображениям.

18. Стороны поддерживают усилия по формированию архитектуры безопасности в Евразии на основе принципов равенства и неделимости, обеспечению мира, стабильности и развития всех государств на континенте. Для достижения этих целей Стороны призывают укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество посредством диалога и координации необходимых действий.

19. Стороны последовательно подтверждают закреплённые в Уставе ООН итоги Второй мировой войны, противостоят попыткам искажения и фальсификации истории Второй мировой войны, отмечают важность правильного исторического воспитания, сохранения памяти о борьбе с фашизмом, решительно осуждают действия по героизации нацизма и милитаризма, а также попытки их возрождения.

20. Стороны выражают обоюдный настрой на укрепление взаимодействия в рамках ООН, включая Генеральную Ассамблею ООН, не поддерживают политизацию работы специализированных учреждений системы ООН и других международных структур, отстаивают центральную координирующую роль ООН в вопросах обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития, выступают за повышение эффективности деятельности ООН, а также за её демократизацию и реформирование, продолжат тесное сотрудничество в рамках ООН и других многосторонних объединений, будут оказывать друг другу поддержку на выборах в международные структуры и их исполнительные органы.

21. Стороны подтверждают готовность способствовать объединению усилий мирового сообщества для противостояния традиционным и новым вызовам безопасности, включая терроризм, транснациональную преступность, вооружённые конфликты, незаконное производство и оборот наркотических средств, территориальные споры, провоцирование извне государственных переворотов, изменение климата, стихийные бедствия, эпидемии. Будут прилагать усилия для обеспечения информационной и продовольственной безопасности, а также для эффективной реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

22. Стороны договорились об углублении взаимодействия в области обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий, выразили готовность совместно противодействовать угрозам в данной области, в том числе связанным с искусственным интеллектом как разновидностью информационно-коммуникационных технологий, выступают за многостороннюю, демократичную и прозрачную глобальную систему управления информационно-коммуникационной сетью Интернет при обеспечении безопасности и устойчивости ее

национальных сегментов, признают ведущую роль ООН в обсуждении международной информационной безопасности и глобального регулирования искусственного интеллекта в гражданской сфере, убеждены в необходимости формирования международно-правового режима регулирования информационного пространства, а также приветствуют проведение в Ханое в 2025 г. церемонии подписания конвенции ООН против киберпреступности и поддерживают усилия по её скорейшему вступлению в силу.

23. Стороны продолжат развивать сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и его финансированием с учётом центральной координирующей роли ООН и на основе строгого соблюдения принципов и норм международного права, а также содействовать упрочению определяющей роли государств и их компетентных органов в этой сфере.

24. Стороны поддерживают международные усилия по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения в целях построения мира, свободного от такого оружия и более безопасного для всех, подчёркивают необходимость предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и его использования исключительно в мирных целях, выступают за скорейший запуск переговоров по соответствующему международному юридически обязывающему инструменту на основе проекта договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также поддерживают дальнейшее продвижение инициативы политического обязательства о нерасположении первыми оружия в космосе.

25. Стороны принимают меры, направленные на борьбу с изменением климата, подтверждают свою приверженность целям, принципам и структурной основе Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. и Парижского соглашения от 12 декабря 2015 г., подчёркивают важность передачи технологий и предоставления финансовой поддержки для осуществления указанных усилий.

26. Стороны продолжают равноправное и взаимоуважительное сотрудничество по вопросам защиты и продвижения прав человека на основе Устава ООН, норм международного права и в соответствии с национальным законодательством России и Вьетнама, будут тесно координировать свои действия в целях противодействия политизации правозащитной повестки и использованию тематики прав человека для вмешательства в свои внутренние дела.

27. Стороны считают необходимым наращивать общерегиональные усилия по созданию в Азиатско-Тихоокеанском регионе всеобъемлющей, открытой и прозрачной архитектуры равной и неделимой безопасности и сотрудничества на основе международного права, включая принципы неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга. Выступают против наносящей ущерб углублению и расширению общерегионального диалога фрагментации устоявшейся асеаноцентричной системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

28. Стороны подтверждают всеобъемлющий и единый характер Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая является правовой основой любой дея-

тельности на море и в океане и играет основополагающую роль для развития сотрудничества в национальном, региональном и международном форматах, а также отмечают необходимость поддержания целостности Конвенции. Договорились координировать действия по обеспечению безопасности и свободы судоходства, воздушной навигации и торговли, выступать за сдержанность и отказ от применения силы или угрозы силой, решать разногласия мирными средствами в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

Российская Федерация поддерживает полное и эффективное выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и приветствует усилия, способствующие созданию благоприятной среды для продвижения переговорного процесса по принятию эффективного и субстантивного кодекса поведения в Южно-Китайском море, соответствующего международному праву, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

29. Российская Федерация поддерживает центральную роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в региональной архитектуре Азиатско-Тихоокеанского региона, высоко оценивает приоритеты и принципы Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 24 февраля 1976 г. Россия и Вьетнам принимают активное и конструктивное участие и координируют работу в асеаноцентричных механизмах сотрудничества, таких как Восточно-азиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны государств — членов АСЕАН с диалоговыми партнёрами, продолжают оказывать поддержку представляющим взаимный интерес национальным инициативам, выдвигаемым в рамках этих объединений.

Стороны условились укреплять и углублять стратегическое партнёрство России и АСЕАН, продвигать всеобъемлющее, эффективное и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в сферах, в которых Стороны обладают значительным потенциалом и преимуществами, включая информационно-коммуникационные технологии, борьбу с терроризмом и транснациональной преступностью, науку и технологии, образование, подготовку кадров, трудовых ресурсов. Стороны также договорились ускорить выполнение Комплексного плана действий по реализации стратегического партнёрства Россия — АСЕАН на 2021—2025 гг. и в сжатые сроки разработать и принять аналогичный документ на 2026—2030 гг.

30. Стороны выступают за углубление региональной экономической интеграции и реализацию инициатив, касающихся межрегиональной взаимосвязанности, включая проект Большого Евразийского партнёрства, а также за изучение потенциала экономического взаимодействия между АСЕАН и ЕАЭС, будут способствовать наращиванию сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и Шанхайской организацией сотрудничества.

31. Стороны продолжают взаимодействие в рамках форума АТЭС, региональных межпарламентских структур (Межпарламентская ассамблея АСЕАН, Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, Азиатская парламентская ассамблея) в целях повышения роли этих механизмов сотрудничества в обеспечении мира, стабильности, развития и процветания в Азии, продолжают укрепление сотрудни-

чества со странами субрегиона Меконга в области экономики, устойчивого развития и противодействия нетрадиционным вызовам безопасности.

Стороны подтвердили намерение наращивать взаимовыгодное продуктивное сотрудничество в рамках форума АТЭС как ключевой экономической площадки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, функционирующей на деполитизированной недискриминационной основе, с акцентом на продвижение и поддержку взаимных инициатив, в том числе в свете председательства Вьетнама в АТЭС в 2027 г.

32. Россия высоко оценивает равноудаленную и объективную позицию Вьетнама по проблематике Украины, в соответствии с которой споры и разногласия необходимо урегулировать исключительно мирными средствами на основе международного права и принципов Устава ООН во всей их совокупности, полноте и взаимосвязи, а также с учётом законных интересов вовлечённых сторон на благо мира, стабильности и развития в регионе и мире, приветствует готовность Вьетнама подключиться к международным усилиям с участием всех вовлечённых сторон в целях поиска мирного устойчивого решения украинского кризиса.

33. Стороны считают, что официальный визит Генерального секретаря ЦК КПВ в Российскую Федерацию и его участие в торжественных мероприятиях по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне имеют исключительно важное значение и являются новой исторической вехой в развитии российско-вьетнамских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам убеждены, что эффективная реализация основных направлений двустороннего сотрудничества и координация действий на международной арене, которые закреплены в настоящей Совместной декларации, укрепят традиционную дружбу, придадут мощный импульс продвижению всеобъемлющего стратегического партнёрства России и Вьетнама и повысят его уровень на новом историческом этапе на благо развития и процветания обоих государств, долгосрочных интересов двух народов, обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом.

Генеральный секретарь ЦК КПВ То Лам выразил признательность за тёплый прием, оказанный ему и вьетнамской делегации Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, руководством и народом России, и пригласил Президента Российской Федерации с визитом во Вьетнам. Президент Российской Федерации поблагодарил за приглашение.

Источник: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6323>

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Thailand

Abstract. The full text of the Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Thailand adopted on May 16, 2025 in Hanoi, is given.

Совместное заявление об установлении всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Таиландом

Аннотация. Приводится текст Совместного заявления об установлении всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Таиландом, принятого в Ханое 16 мая 2025 г.

Since the establishment of diplomatic relations in 1976, Vietnam and Thailand have built a strong and broad relationship based on mutual trust and understanding. The Vietnam — Thailand Strategic Partnership, announced in 2013, has supported the deepening of ties across all areas of the bilateral relationship and brought practical benefits to the two countries and their peoples.

The shared benefits, aspiration for peace, independence, self-reliance, as well as a common vision of security, prosperity, sustainable development, compliance with international law, including the United Nations Charter, serve as a solid foundation for the continued development of the relationship between the two countries.

To further elevate bilateral relations between Thailand and Vietnam to new heights, H.E. Mr. Pham Minh Chinh, Prime Minister of the Socialist Republic of Vietnam, and H.E. Ms. Paetongtarn Shinawatra, Prime Minister of the Kingdom of Thailand, jointly announced the elevation of the bilateral relationship to a Comprehensive Strategic Partnership on the occasion of the 4th Vietnam — Thailand Joint Cabinet Retreat, during the official visit to Vietnam of H.E. Ms. Paetongtarn Shinawatra from 15 to 16 May 2025. This milestone reflects the shared ambition of the two countries for a comprehensive relationship and deeper cooperation.

In declaring the Comprehensive Strategic Partnership, the two countries commit to consolidating and further strengthening all aspects of their relationship while respecting international law and each other's independence, sovereignty, territorial integrity, mutual interest and respective political systems.

In this regard, the two Governments agreed to usher in a new chapter of the Comprehensive Strategic Partnership for peace, stability and mutual prosperity through three substantive pillars: (1) Partnership for Sustainable Peace,

(2) Partnership for Sustainable Growth, and (3) Partnership for Sustainable Future.

PARTNERSHIP FOR SUSTAINABLE PEACE

Deepening political, defense and security cooperation

Both sides agreed to further strengthen mutual trust through exchanges of visits and cooperation via all channels, including State, Government, Party, National Assembly, people-to-people, provincial and local channels, as well as the private sector. This

includes annual meetings between the two Prime Ministers in Vietnam, Thailand or on the sidelines of multilateral high-level meetings.

Both sides agreed to develop the Plan of Action on Implementing the Vietnam — Thailand Comprehensive Strategic Partnership 2025—2030, in line with new developments and based on the Plan of Action on Implementing the Vietnam — Thailand Strengthened Strategic Partnership 2022—2027. They also committed to effectively implementing the Memorandum of Cooperation between the National Assembly of Vietnam and the House of Representatives of Thailand, signed in December 2023, to establish a legal foundation for promoting bilateral cooperation. They also agreed to continue effectively implementing bilateral cooperation mechanisms such as Joint Cabinet Retreat, Joint Commission on Bilateral Cooperation, Defense Policy Dialogue, High-Level Dialogue on Crime Prevention and Security Issues, Joint Working Group on Political and Security Cooperation, and Political Consultation Group.

Both sides agreed to strengthen cooperation between their Defence Ministries and Military Forces including navy, airforce, coast guard through activities such as joint patrols, sharing thematic experiences, education and training, intelligence information sharing, and officer exchanges. They also agreed to explore new areas of cooperation, such as defence industry, military medicine, search and rescue, and law enforcement at sea.

Both sides reaffirmed their commitment not to allow any individual or organization to use the territory of one country to conduct activities against the other. They agreed to further enhance security cooperation; and to work together in preventing and combating transnational crimes, including drugs trafficking, irregular migration, human trafficking, human smuggling, arms smuggling, terrorism, money laundering, international economic crime, high-tech crimes, and environmental crime. They also agreed to work closely in addressing illegal, unreported, and unregulated (IUU) fishing matters.

Both sides agreed to enhance legislative and judicial cooperation and committed to effectively implementing signed agreements between the two countries on preventing and combating crime, transferring sentenced persons and cooperating in the enforcement of penal sentences. They also agreed to continue working closely on the negotiation of the Extradition Treaty and the Treaty on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters and to consider looking into amending and supplementing the 2008 Agreement on Bilateral Cooperation in Eliminating Trafficking in Persons, Especially Women and Children, and Assisting Victims of Trafficking. They pledged to effectively implement the 2015 Memorandum of Understanding on Cooperation between the Ministry of Justice of Vietnam and the Ministry of Justice of Thailand; to further strengthen mutual support and assistance in multilateral legal and judicial forums; and to explore new appropriate agreements to create a favorable legal corridor for cooperation between law enforcement agencies in combating crime.

Promoting multilateral, regional and international cooperation

Both sides agreed to promote cooperative relations between the two countries in regional and international fora, including the United Nations (UN), World Trade Organization (WTO), Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Asia-Europe Meeting (ASEM) as well as within parliamentary frameworks, especially on general issues of peace and security, international peacekeeping, humanitarian relief, sustainable development, and responses to global challenges.

Both sides agreed to maintain close cooperation and consultation within ASEAN and ASEAN-led mechanisms. They pledged to promote ASEAN's unity, centrality and efforts to further advance the ASEAN Community building process, including the development and realization of the ASEAN Community Vision 2045 and its Strategic Plans. They also committed to enhancing cooperation in areas that are drivers of economic growth and sustainable development, such as digital transformation, energy transition, green economy, circular economy, etc., as well as addressing emerging regional and international challenges. Both sides stressed the importance of strengthening ASEAN's role in sub-regional development, especially the Mekong sub-region.

Both sides affirmed their commitment to further collaborate and coordinate within various Mekong-centered sub-regional cooperation mechanisms, including Ayeyawady — Chao Phraya — Mekong Economic Cooperation Strategy (ACMECS), Mekong River Commission (MRC), the Greater Mekong Subregion (GMS), and other Mekong-related cooperation frameworks for a resilient and sustainable Mekong sub-region. They agreed to promote synergies, complementarity, and alignment between sub-regional cooperation frameworks and the ASEAN Community building process, contributing to narrowing the development gap and fostering the comprehensive development of ASEAN. Both sides also committed to addressing transboundary challenges, including but not limited to effective and sustainable water management, security and utilization, climate change, haze pollution, and food security. They agreed to explore the possibilities of trilateral development cooperation with other countries in the Mekong sub-region in areas that will be mutually beneficial.

Both sides agreed to work together and with other countries, within and outside the region, to promote peace, stability, security, safety, and freedom of navigation in and overflight above all maritime sphere of Southeast Asia, particularly the South China Sea and in this regard, reiterated ASEAN's consistent position on the South China Sea. They reaffirmed the importance of and called for exercise of self-restraint in the conduct of activities that would further complicate or escalate disputes and undermine peace and stability. Both sides emphasized the avoidance of actions that may further complicate the situation and called for the settlement of disputes by peaceful means, without resorting to the threat or use of force, in accordance with international law, especially the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), with full respect for legal and diplomatic processes. They reaffirmed that the 1982 UNCLOS sets out the legal framework within which all activities in the oceans and seas must be carried out. They reaffirmed their support for the full and effective implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea (DOC) in its entirety, while fostering a conducive environment for and working towards the early conclusion of an effective and substantive Code of Conduct in the South China Sea (COC) that is in accordance with international law, especially the 1982 UNCLOS.

PARTNERSHIP FOR SUSTAINABLE GROWTH

Strengthening economic cooperation

Both sides agreed to promote close cooperation mechanisms between Government and Government, associations and associations, provinces and provinces, and businesses and businesses to strengthen trade and investment flows. They pledged to

promote the connection between the two economies through cooperation and complement each other's strengths, in the spirit of "mutually beneficial and mutually developed cooperation".

Both sides recognized each other's role as leading trading partners and committed to enhancing trade cooperation to reduce trade and investment obstacles towards more balanced and mutually beneficial trade between the two countries. They strive to achieve the bilateral trade target of USD 25 billion, as agreed by the Leaders of the two countries, and to establish a new target for the next period. In the field of trade remedies, both sides committed to conducting investigations based on the principles of objectivity, transparency, and fairness, in accordance with national laws and the World Trade Organization (WTO) commitments. They also agreed to promote cooperation and information exchange on issues of mutual concern between the two countries.

Both sides encouraged businesses in each country to expand investment and engage in long-term operation in the other country's market. They committed to cooperating and supporting each other to participate more deeply in the value chain and fostering sustainable business practices. They aimed to create a business-friendly environment to mitigate the impacts of current global trade tensions.

Both sides agreed to enhance cooperation on labour, employment and social security issues, including the early signing of a new Memorandum of Understanding on Labour Cooperation between Vietnam and Thailand and the Agreement on the Employment of Vietnamese workers in the Kingdom of Thailand.

Both sides encourage close coordination and collaboration between relevant agencies of the two countries, particularly in areas of transportation, customs, finance and banking, to further facilitate trade, transportation and transit of goods between the two countries and to third countries, especially at border checkpoints. They agreed to share experience and promote cooperation between the two central banks, particularly in the areas of cross-border payment, banking inspection and supervision, and financial innovation.

Both sides agreed to effectively leverage the economic frameworks and free trade agreements to which both sides are members, including ASEAN Trade in Goods Agreement (ATIGA) and other free trade agreements between ASEAN and its partners, such as the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). They committed to working together to implement the ASEAN Outlook on the Indo — Pacific and the APEC Putrajaya Vision 2040 to bring practical benefits to localities, businesses and people.

Effectively implementing the "Three Connects" Strategy to bolster socio-economic development of both countries

With the establishment of a Joint Working Group, both sides agreed to capitalize on the shifting trends of global production and supply chains to strengthen the connection between the two countries' supply chains, especially in complementary and mutually beneficial areas, such as agriculture, petrochemical, machinery, electronic parts, and logistics. They also aim to form new supply chains in areas where both sides have potential and strengths.

Both sides agreed to connect their local and grassroots economies, particularly between localities and Micro, Small, and Medium Enterprises (MSMEs), as well as

start-ups, with a view to promoting more cross-border economic activities. They also agreed to explore measures to facilitate market access for each other's local products, including mutual recognition arrangements for products under Thailand's One Tambon One Product (OTOP) and Vietnam's One Commune One Product (OCOP) programmes. Both sides committed to enhancing connectivity through multi-modal transport and logistics linkages between the two countries and within the sub-region. They also agreed to enhance local-to-local cooperation to stimulate cross-border economic activities along the East — West Economic Corridor and the Southern Economic Corridor.

Both sides will explore potential collaboration to effectively align the green and sustainable growth strategies of the two countries, particularly by connecting Vietnam's National Green Growth Strategy 2021—2030 with a vision to 2050 and Thailand's sustainable development strategy to guide the two economies towards a common platform of cooperation, covering potential areas such as the green economy, digital economy, digital transformation, fair energy transitions, climate-smart agriculture, eco-tourism, and response to challenges of climate change. Both sides will share experience to develop a cooperative model that promotes green transformation, towards achieving a low-carbon economy and eventually net-zero carbon emission.

PARTNERSHIP FOR SUSTAINABLE FUTURE

Promoting cooperation in science, technology and innovation

Both sides agreed to promote cooperation in science, technology and innovation, including the sharing of information and experience in developing innovation ecosystems and connecting the innovative startup networks between the two countries, as well as paving the way for further utilisation and commercialisation.

Both sides committed to enhancing cooperation in the digital economy, focusing on potential areas, such as cross-border transactions, e-commerce, and digital finance services, which will further facilitate trade, investment, tourism and financial integration between the two countries and within the region.

Both sides agreed to promote cooperation and the sharing of knowledge and experiences in the formulation of policies, legal documents, development and management strategies in thematic areas such as artificial intelligence (AI), digital transformation, digital government, digital economy, cyber security and smart cities.

Promoting deeper mutual understanding and closer friendship between the peoples of the two countries

Both sides committed to jointly conducting activities to celebrate the milestone years of the two countries, including the 50th anniversary of diplomatic relations between Vietnam and Thailand in 2026.

Both sides agreed to promote people-to-people exchanges, especially more frequent exchanges among youths, through activities in the fields of education, culture, entrepreneurship, language and environment, to foster mutual understanding, closer friendship and a stronger sense of shared future cooperation between peoples, youths and the two countries.

Both sides agreed to further strengthen cooperation in education and training; to continue to promote and expand Thai and Vietnamese language teaching in each country; to encourage the opening of language, culture and education centers of one country in the other; and to promote faculty and student exchanges between schools and universities of the two countries.

Both sides agreed to work closely with other countries involved to advance the implementation of Thailand's proposal on intra-regional connectivity, with an aim to facilitate seamless travel and to attract more tourists from outside the region under the initiative "Six Countries, One Destination". They also agreed to encourage the opening of new direct flights between provinces of the two countries to promote tourism in both countries, foster people-to-people exchanges and enhance connectivity in the Mekong sub-region.

Both sides agreed to work together in preserving cultural values and promoting cultural exchanges, including upholding cultural sites such as President Ho Chi Minh historical sites, Vietnamese temples, and Vietnam Town as symbols of friendship and cooperation between the two countries. They also agreed to support exchanges of the Annam Nikai's delegations between the two countries.

Both sides support close cooperation between relevant authorities of the two countries, including the Thailand International Cooperation Agency (TICA) of the Ministry of Foreign Affairs of Thailand and the Ministry of Planning and Investment of Vietnam, towards achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) and expanding Thailand's development cooperation projects in Vietnam. These projects include the Project on Sustainable Community Development based on the Application of the Sufficiency Economy Philosophy (SEP) in Thai Nguyen and Ben Tre provinces, the Project on Development of Thai Language and Thai Studies, and the deployment of 5 Thai volunteers working as Thai teaching assistants in 4 universities in Vietnam under the Friend from Thailand Programme.

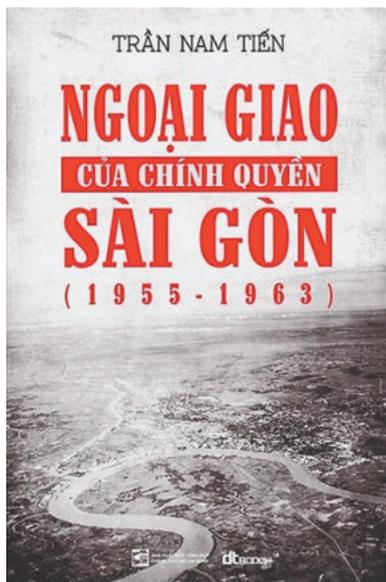
Both sides agreed to fully utilise sister city frameworks between provinces of both countries, including promoting regular exchanges, organizing forums and conferences for direct cooperation between provinces in a concrete and sustainable manner, with a view to promoting local strengths and products as well as fostering broader and deeper exchanges at the local-to-local level.

Both sides committed to creating favourable conditions for the living, working and studying of Vietnamese citizens in Thailand and Thai citizens in Vietnam. They also pledged to support the active roles of the Vietnamese community in Thailand and Thailand community in Vietnam in cultivating solidarity and people-to-people ties between the two countries. Both sides agreed to continue to promote the roles and contributions of the Vietnam — Thailand Friendship Association, Thailand — Vietnam Friendship Association, Vietnam — Thailand Parliamentary Friendship Groups, and other Thai — Vietnamese associations to strengthen mutual understanding, friendship and cooperation between the two peoples.

Source: URL: <https://www.mfa.go.th/en/content/joint-statement-th-vn-com-str-par-en>

Ha Trieu Huy

The First Republic of Vietnam Diplomacy (1955—1963) Through the Lens of Tran Nam Tien Analysis

Trần Nam Tiến. *Ngoại giao của chính quyền Sài Gòn (1955—1963)* [Tran Nam Tien. *Diplomacy of the Saigon Government (1955—1963)*]. Ho Chi Minh City: General Press. 313 p. ISBN: 978-604-58-9456-9

Abstract. The review examines “Ngoại giao của chính quyền Sài Gòn (1955—1963)” [Diplomacy of the Saigon Government (1955—1963)] by Tran Nam Tien, a prominent Vietnamese historian, which investigates the formation and evolution of the First Republic of Vietnam’s diplomacy during the presidency of Ngo Dinh Diem amid the Vietnam War. The book comprises three chapters: Chapter 1 lays the historical foundation for national diplomacy, Chapter 2 delves into the establishment of foreign policy, and Chapter 3 focuses on Saigon’s relationships with major international actors. In addition to providing critical insights into the novelty, structure, and content of each chapter, the review highlights significant weaknesses that persist, thereby pointing to ongoing opportunities for further research on RVN diplomacy in the future.

Keywords: The Republic of Vietnam, the Cold War, the Vietnam War, Ngo Dinh Diem, anticommunism, Southeast Asia.

Author: Ha Trieu Huy, Ph.D. (History), Lecturer, Faculty of Interdisciplinary Studies, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Ho Chi Minh City, Vietnam. ORCID: 0000-0003-2520-4221.
E-mail: hatrieuhuy97@gmail.com

For citation: Ha Trieu Huy (2025). The First Republic of Vietnam Diplomacy (1955—1963) Through the Lens of Tran Nam Tien Analysis. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9 (2): 218—224.

Ха Чиеу Хюу

Взгляд Чан Нам Тиена на дипломатию Первой Республики Вьетнам (1955—1963)

Чан Нам Тиен. Дипломатия сайгонских властей (1955—1963). Хошимин: General Press. 313 с. ISBN: 978-604-58-9456-9

Аннотация. Рецензия рассматривает книгу выдающегося вьетнамского историка Чан Нам Тиена «Дипломатия сайгонских властей (1955—1963)», в которой исследуется становление и эволюция дипломатии Первой Республики Вьетнам в период президентства Нго Динь Зьема в условиях Вьетнамской войны. Книга состоит из трёх глав: глава 1 посвящена историческим основам дипломатии РВ, глава 2 — становлению её внешней политики, а глава 3 — отношениям Сайгона с основными международными игроками. В рецензии дается критический анализ новизны, структуры и содержания каждой главы, а также отмечаются существенные недостатки, что даёт возможность для продолжения исследований дипломатии Республики Вьетнам в будущем.

Ключевые слова: Республика Вьетнам, холодная война, Вьетнамская война, Нго Динь Зьем, антикоммунизм, Юго-Восточная Азия.

Автор: Ха Чиеу Хюу, к. и. н., преподаватель, факультет междисциплинарных исследований, Университет общественных и гуманитарных наук, Хошиминский государственный университет, г. Хошимин, Вьетнам.
ORCID: 0000-0003-2520-4221. E-mail: hatrueuhuy97@gmail.com

Для цитирования: Ха Чиеу Хюу. Взгляд Чан Нам Тиена на дипломатию Первой Республики Вьетнам (1955—1963) // Вьетнамские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 218—224.

Vietnamese and non-Vietnamese historians have recently added to a growing body of research on the Republic of Vietnam's political existence during the difficult years of the Vietnam War. Scholars have examined various aspects of this government, such as education, economy, and diplomacy, to offer a more comprehensive historical portrayal of a now-defunct state that shared a common political stance against Communists as a Cold War-era US ally in Southeast Asia. Despite the persistence of opposing political viewpoints, the availability and transparency of primary sources, such as the National Archives Center 2, virtual libraries across the United States, and unclassified Pentagon documents, have cleared up misunderstandings and shed light on previously unknown chapters of the Republic of Vietnam. Tran Nam Tien's work, *Ngoại giao của chính quyền Sài Gòn (1955—1963)* [*Diplomacy of the Saigon Government (1955—1963)*], highlights President Ngo Dinh Diem's efforts to establish legitimacy and collaborate with Free World partners, despite obstacles.

Four main chapters structure the book. In chapter 1, Tran Nam Tien investigates foundational elements that led to the formal establishment of the first Republic of Vietnam (RVN) from 1955 to 1963. In particular, he observes a close relationship between the Vietnamese political landscape and international changes, which in turn influenced the interests of major powers in Southeast Asia. Russian-American tension

escalated during the Cold War, and American foreign policy viewed Southeast Asia as a strategic region. Understanding the failure of France in Indochina and the insidious effects of communism in Vietnam, Washington intervened to support and install a non-communist regime in South Vietnam, exemplified by the State of Vietnam under the leadership of former Emperor Bao Dai. Subsequent to the Fall of Dien Bien Phu, Washington ruminated over more practical solutions to back Ngo Dinh Diem to become the first president of South Vietnam and demarcate the country alongside the 17th parallel in 1955. Tran Nam Tien elucidates the lawful establishment of South Vietnam as a crucial aspect of foreign policy execution, guiding readers from the inception of Ngo Dinh Diem's presidency to the processes by which he appointed government officials and formulated foreign policy. The third section of this chapter offers a comprehensive examination of foreign policy frameworks, establishing the foundation for an extensive discussion of Saigon's partnerships in subsequent chapters of this book. The chapter 3 dedicates to the United States, an intimate comrade of Saigon. Tran Nam Tien dichotomizes this relationship into two historical phases: 1955–1960 and 1961–1963, which is compatible with two American presidencies of Dwight D. Eisenhower and John F. Kennedy. The chronological division is essential for clarifying the historical development of Saigon's foreign policy, influencing diplomatic relationships, and improving the effectiveness of diplomatic activities during the First Republic. This chapter outlines Saigon's partnerships with non-communist states in the Asia-Pacific region and its efforts to broaden its diplomatic influence internationally. Tran Nam Tien critically analyzes Northeastern Asia, Southeast Asia, and the Pacific. As a result of the US's large impact on Vietnamese people's domestic affairs, the Democratic Republic of Vietnam (DRV) becomes a central figure in the dynamics of Saigon's relationships. This leads to an intriguing analysis of a possible reconnection between Saigon and Hanoi.

Tran Nam Tien commenced writing this book by examining the foundational rationale for the RVN's political existence in South Vietnam. Similar to several Cold War texts authored in Vietnamese and English, this book explores two dimensions of the external political landscape: the worldwide rivalry between Washington and Moscow, and the proliferation of the Cold War in Southeast Asia. The RVN is fundamentally anchored in the dynamics of the Cold War, characterized by a power struggle between the United States and the Soviet Union, both of which aimed to guide the world and influence other nations toward the divergent ideological frameworks of capitalism and socialism. Tran Nam Tien highlights two major influences: The Domino Theory and the Korean War (1950–1953), both of which significantly shaped Washington's perception of Indochina's relevance in the context of the communist threat. France diminished its political influence in Indochina, even though an anticommunist authority, the Etat du Vietnam (State of Vietnam, or SOV), was established under the deposed emperor Bao Dai. This authority contested the DRV and heightened Washington's apprehension regarding its dominance in Southeast Asia.

In addition to the prevalent perspectives of Vietnamese historians on anti-communism as a hallmark of Cold War politics, Tran Nam Tien explored the operational dynamics of the SOV, which was a core principle of the RVN at the time. Despite placing the state name in quotation marks, the author rejected the legitimacy of this regime as a political entity within the Southeast Asian Cold War landscape. This

stance potentially undermined his analysis of the SOV's diplomatic contributions to the RVN. He elucidated the state's evolution from the ephemeral Autonomous Cochinese Republic to the temporary central administration of Vietnam, presided over by Nguyen Van Xuan, before its metamorphosis into the State of Vietnam. The Elysee Agreement between Bao Dai and France subsequently signified this transformation.

Nevertheless, the book predominantly disregarded the assertion that the SOV, as a member of the French Union, collaborated closely with both France and the United States to ensure its survival and emerge from the French political shadow. It is essential to conduct additional research to analyze the intricacies of SOV foreign policy and the regime's management of its relations with Paris and Washington. When the first Indochina War ended in 1954, Tran Nam Tien also reveals some exciting analyses over covert talks between Paris and Washington that the United States gave support to the demarcation of Vietnamese territories along the 17th parallel so that an Americanism state could be established in the south of Vietnam as well as inhibit the spread of communism in Southeast Asia (pp. 71—75).

In Chapter 2, the author made analytical efforts to perceive the interplay between the establishment of the RVN and its diplomatic building. At first, Ngo Dinh Diem rejected becoming the new prime minister of the SOV, as he believed that this regime was not yet independent of France. It was not until Buu Loc and French Prime Minister Laniel reached an agreement for the formal recognition of an independent Vietnam that Diem accepted that political offer. Tran Nam Tien also renewed a long-standing concept that Washington was involved in Bao Dai's decision to choose Diem as the new prime minister. However, he saw the potential of Diem to lead the regime through the political maelstrom following France's defeat at Dien Bien Phu in May 1954 (p. 80).

Tran Nam Tien extensively documented Diem's efforts to formally withdraw requests to the DRV concerning free elections to reunite the country. However, he gradually eliminated French and other opposing forces from South Vietnam and officially established the RVN in Saigon on October 26, 1956. With political and diplomatic support from Washington and other Free World states, the RVN reduced the influence of both France and the Communists, adhering to Washington's political framework to cultivate a democratic and free state for the Vietnamese people in the south. Additionally, Tran Nam Tien wrote in detail about how the RVN organized its government agencies, concluding that its foreign policy stemmed from a national constitution compiled by the President. A significant point emphasized by the author is that the RVN was mindful of national independence, striving to limit the presence of American personnel in South Vietnam while adopting its own strategies to leverage U.S. support in enhancing its relationships with other Free World nations and boosting its international standing (p. 131—133). Consequently, diplomacy became an essential tool for the RVN in managing its global relationships and contesting the People's Republic of China (PRC)'s claims over maritime territories controlled by Saigon from 1955 to 1963 (p. 145).

In Chapter 3, Tran Nam Tien conducts an in-depth investigation into the ties between Saigon and its major partners. In the first section, he examines the peaks and valleys of the Saigon-Washington relationship during the reign of Ngo Dinh Diem, drawing on a broad range of materials, including previous studies and Pentagon papers.

While he argues that the diplomacy of the First Republic was largely overshadowed by Washington, he unfortunately overlooks Diem's efforts to leverage this relationship to expand the RVN's presence on the international stage. Tran identifies a complex interplay between Washington's economic investments and its political interventions in Saigon, echoing a common narrative in Vietnamese scholarship that portrays the RVN as a mere puppet of Washington rather than as an independent entity seeking capital to develop an underdeveloped nation (p. 178). He periodizes this relationship into two chapters that correspond with two American presidencies. During Eisenhower's administration, Saigon and Washington prioritized military, civic, and economic growth. However, the situation in South Vietnam deteriorated after 1961, leading to a shift in focus toward counterinsurgency strategies. Misunderstandings began to emerge in 1963 when Saigon became dissatisfied with the strategic deployment of US personnel in South Vietnam. However, Tran Nam Tien does not elaborate on Diem's nuanced position, which edged South Vietnam toward the brink of war amid a rising nationalism (p. 204–207).

Tran Nam Tien exemplifies two key RVN partners in East Asia—Japan and South Korea. Regarding Japan, he notes that economic interest between Saigon and Tokyo was growing in December 1956, following a compromise between Japan and France to use the dollar as the official monetary unit for transactions between the RVN and Japan (p. 223). Additionally, war reparations play a significant role and are reflected in three categories: The Da Nhim hydroelectric dam, trade exchange, and expert exchange. An agreement signed in March 1959 marked a collective effort by both sides to enhance Japan's presence in Southeast Asia and implied covert support from Tokyo for the US-South Vietnam relationship. More proactively, Saigon deemed it necessary to establish stronger ties with the Republic of Korea (ROK) in light of their shared fate and commitment to international anticommunism. In May 1956, the ROK embassy was opened in Saigon, and the two sides issued a joint communiqué in 1957, which also revealed Diem's hesitancy to fully embrace military support from the ROK for South Vietnam. The RVN embassy was established in Seoul in 1958. In addition to political engagement, Saigon and Seoul advanced their cultural and economic exchanges, grounded in their mutual commitment to anticommunism. Although Tran Nam Tien does not specify the economic outcomes of this dynamic relationship, it is noteworthy that Vietnamese-Korean economic seminars were organized during the First Republic of Vietnam. Additionally, specific statistics illustrating the Korean economic presence in South Vietnam laid the groundwork for a more significant engagement in the subsequent phase.

Next section of the chapter explores how Saigon engaged with its Southeast Asian neighbors. Five partners are superficially examined — namely the Philippines, Thailand, Laos, Cambodia, Malaysia, and Indonesia — raising scholarly awareness of Saigon's active role in fostering these relationships. Although the author dedicates three pages to analyzing the connection between Saigon and Manila, he neglects to detail the specific provisions of the Friendship Treaty of 1959 and fails to delve into Operation Brotherhood, which laid a solid foundation for this relationship during the era of military involvement. Furthermore, Tran Nam Tien omits a significant research project by M. Ragos-Espinas [1997], which provides an overview of the Saigon-Manila

relationship. This absence of critical sources undermines the depth of analysis concerning Manila's intentions to elevate this relationship to a higher level of bilateral engagement. Similarly, the analysis of Thailand — a strategic ally of South Vietnam during the Vietnam War — is hampered by source bias and the unavailability of Thai archival materials due to military dictatorship. Aside from the crucial event of King Bhumibol Adulyadej's visit in 1959, Tran Nam Tien offers little insight into Bangkok's prevailing anti-communist policies or the role of Washington in facilitating greater Thai engagement with South Vietnam during the Cold War.

Other ties, such as those with Malaysia, Laos, and Cambodia, also lack a compelling argument to highlight the significance of these relationships for the survival of the First Republic. Tran Nam Tien mentions the assistance of the British Advisory Mission (BRIAM) in Malaysia, which supported the RVN in its guerrilla war against the Communists (p. 251), yet he fails to clarify how the Malaysian government prioritized the RVN's situation after its own territorial expansion to establish the Malaysia Federation in 1963. Similarly, while Saigon was ineffective in maintaining strong relations with Laos and Cambodia, the author does not elucidate how Diem navigated his conflicts with Cambodia regarding territorial issues and the political misunderstandings stemming from Phnom Penh's neutral stance. Regarding the Kingdom of Laos, Tran Nam Tien does not explore the collaborative efforts between Saigon and Luang Phrabang aimed at dismantling the Ho Chi Minh Trail and addressing the guerrilla actions of the Pathet Lao, which covertly facilitated Hanoi's invasions of Laotian territory and the transportation of supplies to support active Viet Cong troops in South Vietnam. Notably absent from the author's analysis is the outcome of Ngo Dinh Nhu's visit to Laos in 1957, a significant event that warrants further exploration.

More interestingly, Tran Nam Tien devotes a portion of this chapter to elucidate the Hanoi-Saigon relationship during the First Republic. Like many other Vietnamese historians, he suggests that the rejection of Diem for a general election in 1956 stemmed from the overwhelming influence of US anti-communist policy and a lack of collaboration toward national unification (p. 255). However, the situation is clearly more complex, as communism and anti-communism coexisted, with individuals across Vietnam exercising their rights to support whichever side they believed would bring lasting peace to the nation. The diversity of religious and political perspectives did not ensure a just and fair election for either region. Tran cites numerous events that demonstrate Hanoi's attempts to persuade Saigon to adhere to the 1954 Geneva Accord and its willingness to convene meetings aimed at discussing national reunification, which Saigon notably disregarded (p. 262—265). Tran argues that Saigon's refusals to engage in the 1954 Geneva Accord, coupled with its ill will toward Hanoi's initiatives, undermined hopes for a nationwide election. Furthermore, the intrigue surrounding Hanoi's clandestine meetings with Diem and Nhu in 1963 — efforts to persuade Saigon to cooperate, especially in light of potential US military involvement — continues to pique the academic curiosity of historians.

The final part of this book concretizes two important relationships that the Republic of Vietnam (RVN) had with Taiwan and Australia. Regarding Australia, Tran Nam Tien notes Canberra's role as a proponent of civic assistance and limited military support in South Vietnam through the Colombo Plan and SEATO aid. He marks the visit of

President Diem to Australia in 1957 as the starting point of the Saigon—Canberra relationship (p. 267), yet he does not explore the outcomes of this event for potential collaborations aimed at strengthening the power of the Free World in both military and economic terms. Furthermore, the role of overseas Vietnamese communities in Australia — who were largely influenced by Communist propaganda — and the ways in which the First Republic shaped public opinion to maintain the image of a burgeoning South Vietnam are scarcely mentioned in this section.

As for Taiwan, although it is often seen as a largely unrecognized political entity and is not included in the East Asia chapter of this book, it nonetheless made significant contributions to the RVN's anti-Communist efforts. Taiwan began providing aid to South Vietnam in 1957, cultivating a robust relationship by sharing its hard-earned expertise in anti-Communist affairs with Southeast Asian countries. However, Tran Nam Tien fails to present detailed statistics or discuss the significance of this investment for Taiwan's increasing military support to South Vietnam in the subsequent phases of the Vietnam War.

In general, *Ngoại giao của chính quyền Sài Gòn (1955—1963)* offers a comprehensive account of the diplomatic endeavors of the First Republic of Vietnam, a subject that has received only a modest amount of in-depth research, aside from the excellent work by William Henderson and Wesley R. Fishel, titled “The Foreign Policy of Ngo Dinh Diem” [1966]. More importantly, this book presents the perspective of the Republic of Vietnam (RVN), encouraging readers to recognize its active role in the international arena rather than merely portraying it as a pawn of Washington. However, the author's perspectives are still constrained by the conventional narratives espoused by insiders, which suggest that Saigon fell in line with US directives and served as a theater for American foreign policy in Southeast Asia. Additionally, while the book extensively incorporates multilingual documents, its heavy emphasis on the RVN perspective presents a significant challenge in mitigating potential source bias. There are still intriguing aspects — such as Saigon's role in Southeast Asian politics and its efforts to resonate with Hanoi's calls for national reunification, and the relationships between Saigon and New Zealand, European countries — that warrant further exploration in future research.

References

Ragos-Espinas, M. (1997). Philippine-Vietnam relations: A Preliminary Study. *Asian Studies*, 33: 57—68.

Henderson, W., Fishel W. R. (1966). The Foreign Policy of Ngo Dinh Diem. *Vietnam Perspectives*, 2 (1): 3—30.

Дата поступления статьи: 19.03.2025
Принята к печати: 03.06.2025

Received: March 19, 2025
Accepted: June 3, 2025

ОН СЛЫШАЛ ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Памяти Е.В. Кобелева

5 мая 2025 г. на 88 году жизни ушёл из жизни ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Евгений Васильевич Кобелев. Он был представителем славной когорты первых советских вьетнамистов и всю жизнь посвятил своей любимой стране Вьетнаму, где его хорошо знали, уважали и ценили.

Во всём, что он делал, Евгений Кобелев стремился быть первым и лучшим. Он стал единственным золотым медалистом в старейшей школе № 1 г. Симферополя, которую окончил в 1956 г., и в этом же году поступил в только что открывшийся Институт восточных языков МГУ им. М.В. Ломоносова, где начал изучать вьетнамский язык. Евгений вошел в группу первых советских студентов, в 1958 г. по предложению Хо Ши Мина поехавших учиться во Вьетнам, и два года изучал в Ханойском университете вьетнамский язык, историю и литературу Вьетнама. Глубокие знания, полученные там, вкупе с целеустремленностью и недюжинными способностями, помогли Евгению Кобелеву стать прекрасным пе-

реводчиком. Он вошёл в первую группу советских синхронных переводчиков вьетнамского языка, и на XXII съезде КПСС в 1961 г. ему доверили перевод ответственной речи президента Хо Ши Мина, который дал высокую оценку работе советского студента.

Евгений Кобелев был рядом с вьетнамцами в самые тяжелые годы. В 1964—1968 гг. он работал во Вьетнаме в качестве корреспондента ТАСС, а затем был назначен заведующим корпунктом газеты «Правда» по Индокитаю. Благодаря его ярким корреспонденциям, звучавшим по радио и появлявшимся на страницах газет, советские люди узнавали о героической борьбе вьетнамского народа против американской агрессии. За эту работу Евгений Кобелев был удостоен советского ордена «Знак Почета». А затем в течение 23 лет, до 1991 г., курировал в ЦК КПСС советскую помощь Вьетнаму, а также Лаосу и Камбодже.

Евгений Васильевич был главным российским экспертом по истории Коммунистической партии Вьетнама и деятельности Хо Ши Мина. Его книга «Хо Ши Мин», основанная на огромном количестве документов и открывшая читателям неизвестные страницы биографии великого человека, вышла в 1978 г. в издательстве «Молодая гвардия» и очень понравилась читателям. Она была переиздана на русском, трижды издана на вьетнамском, дважды на английском, а ещё на болгарском, казахском, монгольском и лаосском языках. Политическая биография Хо Ши Мина стала и основой кандидатской диссертации Евгения Васильевича, которую он защитил в 1981 г. в Институте востоковедения Академии наук СССР.

С 1991 г. начался новый этап жизни Е.В. Кобелева — занятие наукой, которой он отдавал всего себя. В Институте востоковедения РАН он публикует первое в России монографическое исследование процесса обновления во Вьетнаме — «Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986—1997)». А в Институте Дальнего Востока, куда Евгений Васильевич пришел в 2005 г., он создает Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, ставший основной площадкой вьетнамских исследований в России. Он выступал ответственным редактором и автором разделов в таких важных трудах Центра, как «Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон» и «Современный Вьетнам. Справочник». Его статьи, посвящённые современному Вьетнаму, истории российско-вьетнамских отношений, ситуации в Юго-Восточной Азии, появлялись во всех изданиях Центра и многих других изданиях. Он участвовал в написании уникального многотомного издания «Полная академическая история Вьетнама». Всё, написанное им, отличается глубоким знанием вопроса и прекрасным языком изложения. Широта проблематики, которой занимался Евгений Васильевич, видна в сборнике его статей 1985—2022 гг. «Пульс времени», вышедшем к юбилею учёного в 2023 г. А о своей богатой событиями и встречами жизни Е.В. Кобелев рассказал в книге воспоминаний «65 лет вместе с Вьетнамом», изданной в 2022 г.

Евгений Васильевич работал до последнего дня своей жизни: писал аналитические записки, статьи для журналов «Вьетнамские исследования» и «Восточная Азия: факты и аналитика» об истории Вьетнама и его сегодняшнем дне, о выдающихся деятелях Вьетнама и российско-вьетнамских отношениях. Будучи патриотом своей страны и глубоким знатоком вьетнамской истории, он предлагал ис-

пользовать вьетнамский опыт в решении непростых внешнеполитических проблем сегодняшней России.

Наряду с научной работой, Е.В. Кобелев уделял много времени общественной деятельности на посту первого заместителя председателя Общества российско-вьетнамской дружбы. За свою многогранную деятельность он награждён вьетнамским Орденом Дружбы, памятной медалью Академии общественных наук Вьетнама «За достижения и вклад в развитие общественных наук», памятной медалью Союза обществ дружбы Вьетнама «За мир и дружбу между народами».

Евгений Кобелев запомнится всем как яркий и разносторонний человек. Он знал пять языков, прекрасно пел — от шлягеров до оперных арий, писал стихи, играл в шахматы и на этом поприще также добился немалых успехов. Он любил жизнь, людей, был весёлым, щедрым и внимательным другом, мудрым руководителем, прекрасным отцом и дедом. Таким Евгений Васильевич Кобелев навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

*Редакция журнала «Вьетнамские исследования»
Центр изучения Вьетнама и АСЕАН*

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2025. Т. 9. № 2

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.
Редактор: Мальцева О.И.
Компьютерная вёрстка: Тарасов С.Ю.
Дата публикации: 30.06.2025

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИКСА РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.iccaras.ru>